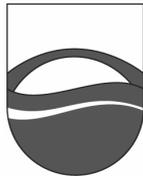

БФУ им. И. Канта

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2011

1—2

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2011

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2011
№ 1 – 2

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2011.
249 с. + 3 л. отд. ил.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство БФУ
им. И. Канта, 2011

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М. Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой государственного управления в сфере культуры факультета госуправления МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, прорекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М. Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И. Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев);
Г. Кундротас, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва, Вильнюс);
Б. Н. Тарасов, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

В. И. Грешных, д-р филол. наук, профессор — главный редактор
Т. В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент — зам. главного редактора
В. В. Малащенко, канд. филол. наук, доцент — редактор номера
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
В. И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
В. А. Смирнов, зам. директора Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта
А. Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

Издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда «Русский мир»,
грант № 557Гр/И-063-10

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	7
--------------------------	---

АКТУАЛЬНО

«Диалог между культурами зависит от культуры диалога...» Материалы открытой дискуссии	11
---	----

ОБЩЕСТВО: ПОЛЕМИЧЕСКИЙ СЛЕД

<i>Гильманов В.</i> Звездный перекресток	41
<i>Мазур С., Романов А.</i> Русский мир и Латвия	59
Молодежь XXI века (размышления студентов).....	67

ЯЗЫК: ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

<i>Шкапенко Т.</i> В поисках корней добра и зла	77
<i>Бабенко Н.</i> Страсти по гламуру (о слове и явлении).....	85

ЗНАКИ ИСТОРИИ

<i>Деменьев И.</i> Кто из героев русской литературы прочитал Алексиса де Токвиля?	97
<i>Барышников В.</i> Четыре дня июня 41-го: к вопросу о начале Великой Отечественной войны на Северо-Западе СССР.....	105
Вопросы к историку (интервью с <i>И. Данилевским</i>)	119

СЛОВЕСНОСТЬ

<i>Павляк О.</i> Антон Дельвиг: биография – легенда – герой.....	129
<i>Свиридов С.</i> Что такое блатная песня.....	139

ИКОНА

<i>Лепяхин В.</i> Икона в русской литературе XIX века.....	147
--	-----

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

«С приветом к тебе...»: Открытки и судьбы.....	176
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЦЫ

<i>Щедрина Т.</i> Густав Шпет и Юргис Балтрушайтис: знаки дружбы.....	179
---	-----

ИСТОКИ

<i>Грешных В.</i> Авантюрная повесть: русский вариант.....	195
--	-----

Повесть о Фроле Скобееве	200
--------------------------------	-----

РУССКИЕ В КЁНИГСБЕРГЕ

<i>Лысков А.</i> Дом профессора Н. А. Арсеньева.....	211
--	-----

ПОБЕРЕЖЬЕ

<i>Мальцев Л.</i> Притча о страдающем человеке.....	223
---	-----

<i>Херлинг-Грудзинский Г.</i> Жертвоприношение. Библейская повесть. Пер. с пол. <i>Л. Мальцева</i>	225
--	-----

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Дорофеева Л., Юрявичиене Л.</i> Андрей Рублев и мир русской культуры....	233
---	-----

<i>Черняков А., Цвигун Т.</i> «Побережье»: две реплики в культурном диалоге.....	239
--	-----

<i>Summary</i>	244
----------------------	-----

<i>Об авторах</i>	246
-------------------------	-----

CONTENTS

<i>Editors' Preface</i>	7
-------------------------------	---

FEATURE

Cross-cultural Dialogue Depends on the Culture of the Dialogue: Open Debate Proceedings	11
---	----

SOCIETY: TRACING CURRENT DISCUSSIONS

<i>Gilmanov V.</i> Crossroads of Stars	41
<i>Mazur S., Romanov A.</i> Russkij Mir i Latvija	59
21 st Century Youth (Students' Reflections)	67

LANGUAGE: THE PULSE OF LIFE

<i>Schkapenko T.</i> This Search for Roots of Good and Evil	77
<i>Babenko N.</i> Much Ado about Glamour: the Phenomenon and Its Word	85

THE SIGNS OF HISTORY

<i>Dementiev I.</i> Which of the Characters from Russian Literature Might Have Read Alexis de Tocqueville?	97
<i>Baryshnikov V.</i> Four Days of June '41	105
Ask a Historian (An Interview with <i>I. Danilevsky</i>)	119

THE ART OF LETTERS

<i>Pavlyak O.</i> Anton Delvig: Life – Legend – Hero	129
<i>Sviridov S.</i> 'Blatnaya Pesnya': a Definition	139

ICONS

<i>Lepakhin V.</i> The Icon in the Russian Literature of the 19 th Century	147
---	-----

DOCUMENTS OF TIME

"Wish You Were Here...»: Lives and Postcards	176
--	-----

NOTES ON PHILOSOPHY

<i>Schedrina T. Gustav Shpet and Jurgis Baltrušaitis: the Signs of Friendship ....</i>	179
--	-----

ORIGINS

<i>Greshnykh V. Adventure Novel, Russian Style .....</i>	195
<i>The Tale of Frol Skobeyev .....</i>	200

RUSSIANS IN KÖNIGSBERG

<i>Lyskov A. Professor Arsenyev's House .....</i>	211
---	-----

ALONG THE COAST

<i>Maltzev L. Parable of the Suffering Man.....</i>	223
<i>Herling-Grudziński G. Sacrifice. Translated from Polish by L. Maltzev .....</i>	225

REVIEWS

<i>Dorofeyeva L., Jureviciene L. Andrei Rublev and the World of Russian Culture .....</i>	233
<i>Chernyakov A., Tzvigun T. "The Coast": Two Lines in the Cultural Dialogue. ....</i>	239
<i>Summary .....</i>	244
<i>About authors .....</i>	248

От редакции

Выпуск журнала «Слово.ру: балтийский акцент», который читатель держит в руках, может считаться этапным. Начало нашему информационно-просветительскому проекту было положено в Российском государственном университете им. И. Канта, а его издательская история будет складываться уже в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Событие особой важности и значимости — приобретение университетом в Калининграде федерального статуса в начале 2011 года — пришлось как раз на время подготовки этого выпуска «Слова.ру»; вне всякого сомнения, оно открывает перед журналом далеко идущие перспективы, но и ставит перед ним новые ответственные задачи.

О важнейшей из таких задач — стать дискуссионной площадкой для живого, динамичного диалога в сферах гуманитарной науки, культуры, образования, искусства, консолидировать исследователей из России и европейских стран в общем поиске ответов на вызовы современности, объединять различные, порой полярные, точки зрения, принципиально отказываясь от вынесения вердиктов, — говорил ректор БФУ им. И. Канта Андрей Клемешев, открывая прошедшую в университете 1 апреля этого года дискуссию «Состояние и перспективы межкультурного взаимодействия в странах Балтии: фактор России». Нельзя не отметить чрезвычайно представительный состав ее участников: ответственную роль вести беседу взял на себя специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, а поделиться своим видением сложных перипетий и актуальных путей развития межкультурного диалога, роли «русского фактора» в политическом, образовательном и культурном ландшафте современных стран Балтии в Калининград приехали депутаты эстонского Рийгикогу, сеймов Литвы и Латвии, руководители литовских и эстонских вузов, журналисты, директора русских театров в Прибалтике, видные общественные деятели.

Как показала дискуссия, материалы которой представлены в разделе «Актуально» настоящего выпуска, несмотря на ряд до сих пор не снятых противоречий в вопросах политической сиюминутности и «раздела» исторической памяти, культурные и педагогические элиты России и прибалтийских государств объединены общим настроем — стремлением видеть перспективы дальнейшей консолидации в культурном и языковом взаимодействии бывших стран-соседей. Не случайно Михаил Швыдкой, рассуждая по итогам калининградской дискуссии о последнем двадцатилетии во взаимоотношениях России со странами Балтии, подчеркнул: «Важно понимать, что "фактор России" влияет не только на наших соотечественников, которые живут в Латвии, Литве и Эстонии, но и на граждан "титულных" национальностей. Русский язык становится вторым иностранным во всех этих государствах после английского, успешно соревнуясь за это место с немецким, финским или шведским. В последние годы

не только русские ребята в балтийских государствах выучили национальные языки стран, где они живут, но и литовские, латышские, эстонские дети (и их родители) почувствовали необходимость изучать язык славянского соседа, отношения с которым открывают новые возможности для реализации молодых людей» (Российская газета. 2011. № 5448 (72)). В связи с этим событием упомянем важный для редакции «Слова.ру» факт: начиная с этого номера Михаил Швыдкой вошел в редакционный совет нашего журнала как его сопредседатель.

Высокий читательский интерес к предыдущему выпуску «Слова.ру» показал, что предложенная в пилотном номере тематическая структура журнала оказалась вполне соответствующей как преследуемым редакцией целям и задачам, так и ожиданиям широкой аудитории, которой адресовано издание. Начиная с этого выпуска она уже может считаться традиционной. На страницах № 1–2 «Слова.ру» читатель встретится с продолжением ряда материалов, опубликованных в предыдущем, и с развитием заданных тематических направлений в новых оригинальных статьях калининградских исследователей и их российских и зарубежных коллег. Проблемы и перспективы межкультурного диалога и актуальные направления изучения русской культуры в Латвии, миссия Кёнигсберга-Калининграда в ее диахронии и взгляд современного студенчества на «век нынешний», исторические судьбы русского языка и изменения, формирующие его сегодняшний облик, мысли о роли и месте исторической науки и исследование многообразного облика русской литературы от Антона Дельвига до «блатной» песенности, изучение «русского следа» в истории Кёнигсберга – вот лишь тезисный обзор проблем и вопросов, представленных вниманию читателя этого выпуска. Раздел «Документы времени» на этот раз представлен подборкой открыток первой половины XX века – она лучше любого исторического исследования свидетельствует о пульсе и нерве «обыденной жизни», которая и есть сама История. В разделе «Обзоры, рецензии» читатель может познакомиться с рядом научно-просветительских и издательских проектов Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Во вступительном слове к предыдущему выпуску «Слова.ру» подчеркивалось: «Наша цель – всестороннее обсуждение важнейших вопросов настоящего, прошлого и будущего Русского мира здесь и сейчас – на западной оконечности нашей огромной страны, в начале нового тысячелетия». О том, что первые шаги в сторону этой цели могут считаться успешными, свидетельствует внимание к изданию со стороны фонда «Русский мир», благодаря чьей финансовой поддержке осуществляется публикация этого и следующего выпусков журнала. Будем искренне надеяться, что каждый очередной номер «Слова.ру» будет приближать всех нас к нахождению ответов на важнейшие вопросы истории и современности.

АКТУАЛЬНО

...Когда мы сохраняем чужую культуру, мы тем самым сохраняем и культуру свою собственную; когда мы помогаем сохранять любую национальности, мы тем самым помогаем сами себе. Если не будет на должной высоте литовской культуры, то, естественно, русской культуры в Литве тоже не будет. И когда происходит ненужная политизация этих вопросов — любыми политиками: русскими, литовскими, эстонскими, — ничего хорошего в этом нет.

А. Клемешев

«ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ ЗАВИСИТ ОТ КУЛЬТУРЫ ДИАЛОГА...»

Материалы открытой дискуссии

Первого апреля 2011 года в Балтийском федеральном университете им. И. Канта прошла открытая дискуссия «Состояние и перспективы межкультурного взаимодействия в странах Балтии: фактор России». «Русская культура в странах Балтии: проблема или потенциал?», «Культурная политика и политизация культуры», «Русский язык как средство межкультурной коммуникации» – эти и ряд других тем стали основой для обмена мнениями, ради которого в Калининграде собрались политики, ученые, деятели искусства, журналисты из России, Литвы, Латвии и Эстонии. Представляем нашим читателям материалы этой дискуссии, обнажившей ряд по-прежнему острых вопросов российско-прибалтийского диалога и наметившей продуктивные пути культурной интеграции в балтийском измерении.

Андрей Клемешев, ректор БФУ им. И. Канта. Уважаемые коллеги! В преобразующемся университете, недавно получившем федеральный статус, мы открываем дискуссию, в которой примут участие ученые из Литвы, Латвии и Эстонии – наши ближайшие соседи и друзья. Я надеюсь, беседа, которая сегодня состоится, принесет всем нам пользу: мы наверняка будем лучше понимать друг друга, сможем вместе находить общие решения многих проблем, которые стоят перед всеми нами.

В нашем университете традиционно уделяется большое внимание теме, которая сегодня заявлена. Вышел в свет первый выпуск журнала «Слово.ру: балтийский акцент», который, возможно, станет своеобразной площадкой диалога не только для калининградских и, шире, российских авторов, но и для наших коллег из стран Балтии – всех, кого объединяет «балтийский акцент».

Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству. Сам факт сегодняшней встречи, с моей точки зрения, очень важен: тут собрались люди, которые прекрасно знают, что такое межкультурный диалог и как сложно он развивался в последние 20 лет. Мне кажется, что когда

мы размышляем о российском факторе, то, конечно, в рамках этого межкультурного диалога мы можем отдельно говорить и о латышском, и об эстонском, и о литовском факторах, потому что это предполагает само здешнее пространство. Мы сегодня встретились в том месте — и сам университет имени Иммануила Канта служит тому подтверждением! — где переплетается множество культур, множество исторических линий. Балтийский регион — это особый мир с особой историей, особыми традициями, особым пониманием геополитических проблем — вообще, с особым миропониманием.

Двадцать лет назад произошли процессы, которые разделили наши государства. То, что за пределами России оказалось 25 миллионов русскоговорящих бывших сограждан, то, что они попали в достаточно двусмысленное политическое положение, — это было очевидно, как и то, что каждая из стран Балтии, по-новому строившая свою государственность, по-разному отнеслась к их судьбе. Объективно социально-исторические процессы, которые тогда происходили, оказали влияние на бытование русского языка, русской прессы, русских театров и многого из того, что определяет некий накал отношений между нашими странами.

Любая теория взаимовлияния, как известно, очень проста: если культура хочет воспринять что-то чужое, она это воспринимает, если не хочет воспринять — отторгает; и все состоявшиеся культуры в этом смысле в достаточной мере защищены своей идентичностью, собственной «органикой». Я говорю об этом только для того, чтобы было ясно: был Советский Союз, и была русская культура, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Здесь собрались люди, которые понимают, что одно дело — тоталитарная система, совсем другое — русская культура, которая испытала в отношении себя те же унижения и репрессии, что и культуры эстонская, латышская, литовская.

Мне кажется, что разговор о том, насколько русская культура оказала влияние на культуры стран Балтийского региона, невозможен без установления того, насколько культуры Балтийского региона оказали обратное влияние. Например, мы прекрасно помним, что русский театр — Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, — безусловно, определил очень многое в развитии и мирового театра, и театров Советского Союза; но одновременно такие великие режиссеры, как Мильтинис, в 1940–1960-х годах оказали колоссальное влияние на русский театральный мир. Эти процессы были внутренне целостными, их отзвуки можно найти в прозе Довлатова, и это вы подарили нам Веллера с его горячечным ощущением мира, которое могло сложиться только в холодной Прибалтике...

Вполне естественно, что у России есть свои политические интересы в отношении соотечественников за рубежом — неважно, где они живут: в Литве, в Латвии или в Украине; и мы будем отстаивать эти интересы, следить за тем, как в отношении наших соотечественников складывается законодательство, так же, как и в странах Балтии хотят, чтобы культурные автономии существовали на русской территории. Но помимо этой текущей, сиюминутной политики есть еще и взаимодействие культур — действительно, очень глубокое и широкое. И в этом смысле, я думаю, сегодня нам действительно есть о чем серьезно поговорить.

Моя позиция в этом вопросе очень проста: перспективы русского языка и культуры в зарубежье зависят не от того, что происходит в Латвии, Эстонии или Литве, — они зависят только от того, что происходит в России. Будет сильная Россия, будет привлекательный рынок труда, гражданам Прибалтики здесь — в Калининграде, в Санкт-Петербурге — будет предложена хорошая образовательная услуга, будет комфортнее и интереснее жить, учиться и работать — и русский язык станут учить, чтобы самореализоваться. Я, честно скажу, в этом смысле не очень надеюсь на Толстого и Достоевского, потому что мир очень уж изменился...

Я хочу закончить свое небольшое выступление старым анекдотом времен чешских событий 1968 года. В 1969 году в чешской школе учительница задает вопрос: «Дети, кто такие для нас русские — братья или друзья?» Мальчик отвечает: «Ну, конечно, братья — друзей ведь выбирают!» Так вот, я хотел бы, чтобы мы с нашими коллегами все-таки оставались теми братьями, которых выбирают. Мне кажется, что начиная с 1990-х годов мы вели слишком много ненужной, бессмысленной ругани и именно сейчас очень удобное время, чтобы начать диалог по существу, понять, чем же мы богаты. Хорошо говорят китайцы: «На скольких языках разговариваешь, столько жизней и живешь». Только в продуктивном диалоге может родиться что-то в высшей степени полезное и важное и для стран Прибалтики, и для России.

Юлюс Даутартас, депутат Сейма Литовской Республики. Очень важно делать все необходимое, чтобы в Латвии, Литве, Эстонии русскоговорящие люди чувствовали себя комфортно. И я вынужден сразу же признать: так бывает не всегда, хотя власти могут приводить разные факты. Надо отметить, что Русская Прибалтика — это общий регион, однако реальность в его странах разная. Каждая страна имеет собственные исторические связи с Россией, причем с *разной* Россией.

Что мы можем сделать для того, чтобы русскоговорящее общество лучше себя чувствовало в происходящих геополитических процессах?

В Литве, я считаю, все-таки нужно думать не столько о культуре, сколько об образовании. Все-таки образование, просвещение — детский сад, школа — потом переходят в другие аспекты: в реальный русский театр, реальный русский журнал, русское кафе, русскую улицу. Некоторые процессы мне как представителю Сейма, как бывшему председателю совета по культуре не всегда нравятся. Скажем, на литовском телевидении пропала русская программа; комитет, бесспорно, наложил свое вето, но, увы, литовское телевидение — организация независимая. В этом шаге не было политики, хотя мы и пытались объяснить, что это очень тонкая тема.

Журналисты сегодня задали мне несколько острых вопросов насчет языка. Русский язык — язык общения, язык большой культуры, — как они говорят, ассимилируется, русский человек как бы пропадает. Вильнюс всегда был мультикультурным городом, поэтому нам важна не только русская, но и польская, и еврейская, и все другие культуры. Но в литовском государстве идет естественное уменьшение населения, в равной степени и литовского, и польского, и еврейского, и русского, и из-за этого сокращаются все школы. Что же касается существования в Литве русского языка, то тут, мне кажется, более активно должна выступать Российская Федерация. Скажем, польское государство очень помогает своим школам; и мы не против принимать такую помощь, хотя литовские власти тоже будут вкладывать в это свои ресурсы — и финансовые, и политические, и социальные, и культурные. В Литве есть Польский институт, Французский институт, Институт Гёте — так, наверное, могут быть организованы и другие институты?

Я не буду лишним раз говорить о том, что Некрошюса очень любит Россия, что Будрайтис — самый лучший русский в Литве, — это знают все. Но я хочу вспомнить Цветаеву, которая заметила, какое большое значение имеет у символистов буква «Б». Балтрушайтис, Белый, Бальмонт, Брюсов, Блок — эти фамилии, эти пять «Б», которые имеют общемировое значение, должны стать символом литовско-русского фактора в культуре.

Михаил Швыдкой. Я хотел бы выступить с короткой репликой насчет телевидения. Мне уже приходилось говорить об этом представителям русскоязычной прессы, руководителям ведомств в Латвии и в Литве. Когда с государственного телевидения исчезают русскоязычные программы, происходит одна очень простая вещь: их аудитория начинает смотреть Москву, Петербург, RTVI, какие-то украинские каналы — и начинает жить в совершенно другом мире! Ведь это очень плохо для самой страны: люди, которые в принципе могут быть соци-

ально активными, могут продвигать идеи, являющиеся в этих государствах существенными, — эти люди живут политической жизнью Российской Федерации. С моей точки зрения, это значимая потеря для социально-политической жизни стран Балтии.

Яак Аллик, депутат Рийгикогу, министр культуры Эстонии (1995–1999). Мне кажется, что после 20 лет довольно холодных политических отношений между нашими странами когда-то должно наступить время для изменения вектора движения. Нам снова пора начать двигаться навстречу друг другу, и это чувствуют многие деятели культуры, предприниматели, простые люди среди эстонцев, не говоря уже о местных русских, которым никак не хочется все время доказывать, что они не троянский конь, оставленный Россией в Эстонии.

Сегодня русское население — наиболее социально и экономически уязвимая часть эстонского общества: более высокая безработица и более низкие доходы — у русских. Но главное обстоятельство, которое действительно угрожает сохранению русской культуры, а в итоге и национального идентитета русских в Эстонии, — это то, что сегодня русскоговорящее население почти не имеет собственной интеллигенции. Доля интеллигенции, особенно гуманитарной, среди этой группы была незначительна и в советское время, но поскольку возможности получения высшего образования на русском языке и рынок труда для русскоязычных специалистов в Эстонии крайне ограничен, то многие способные представители молодого поколения уже уехали и будут уезжать в западном направлении (хотя следует признать, что туда же уезжают и многие наиболее способные представители эстонской молодежи).

Я думаю, что главной целью российской политики поддержки соотечественников должна стать помощь в сохранении и воспроизводстве русской интеллигенции в Эстонии. Для решения этой задачи у русских в Эстонии собственных материальных и духовных средств недостаточно, а эстонское правительство не спешит понять приоритетность этой цели для сохранения межнационального мира в стране. Что касается защиты прав соотечественников, то в этом вопросе я бы советовал не увлекаться общими лозунгами, а разбирать на государственном, а если понадобится, то и на международном уровне те случаи, когда эти права нарушаются.

Из Эстонии очень трудно понять, почему нынешняя официальная Россия не хочет четко дистанцироваться от ответственности за содеянные сталинским режимом преступления и признать факт насильственного инкорпорирования в 1940 году государств Балтии в состав Со-

ветского Союза. Решение Госдумы по поводу Катюши и недавние высказывания президента Медведева и премьера Путина в отношении сталинских преступлений восприняты в Эстонии с большим одобрением, и это дает основания для надежды, что вопрос о «фальсификации истории» будет скоро вообще снят с повестки дня. Но для этого, разумеется, и некоторые эстонские политики должны забыть свои утверждения о том, что за свободу Эстонии можно было бороться в составе гитлеровской армии.

Если вернуться к благородной цели политики соотечественников — поддержке, сохранению и воспроизведению русской интеллигенции в Эстонии, то для этого можно найти очень разные формы и методы. Думаю, в этом интересы России совпадают с интересами рационально мыслящей части эстонского общества. В последнее время в этой области уже что-то делается: открыт и активно действует Институт Пушкина, но этого, конечно, недостаточно. Острейшей проблемой русской школы остается подготовка учительства: эстонское государство оказывает только поддержку в подготовке учителей русского языка для эстонских школ и эстонского — для русских. Учительский корпус становится все старше, а его омоложение происходит случайным образом. Решению вопроса, возможно, могло бы помочь межправительственное соглашение о подготовке в России из выпускников русских гимназий в Эстонии учителей для русских школ; другой вариант — наладить такую подготовку силами русскоязычных частных вузов Эстонии, но для этого тоже понадобилась бы научно-методическая помощь со стороны России.

Очень тяжелый период переживает частное высшее образование на русском языке в Эстонии — уже по демографическим и экономическим причинам. Годами не удастся наладить элементарные формы сотрудничества между частными вузами. Возможна ли помощь России в этом вопросе? Полагаю, она может быть вполне ожидаема как минимум по следующим направлениям: целевой прием в аспирантуру и докторантуру молодых преподавателей и исследователей из Эстонии, совместные семинары и конференции с учеными из России, работа по единым исследовательским проектам, а может быть, и создание центра социально-экономического и культурологического мониторинга положения русскоговорящего населения в странах Балтии.

Кардинальное решение проблемы подготовки интеллигенции, в том числе учительства, для русскоговорящей части общества не может, конечно, состояться без доброй воли эстонского государства и согласованной политики Эстонии и России по данному вопросу. Базой для решения этого вопроса могли бы стать уже созданные колледжи

при Тартуском, Таллинском и техническом университетах, работа которых ориентирована на русскоговорящих студентов. Учебные программы в этих колледжах построены таким образом, что предполагают постепенный переход с русского на эстонский язык обучения. Это, конечно, важно для владения государственным языком на необходимом для работы уровне, но должно быть согласовано с качеством преподавания и поэтому дополнено принципом, который действует в эстонских вузах, когда к занятиям привлекаются преподаватели-иностранцы, работающие на английском языке. Если будет признано необходимым, что для положительной интеграции эстонского общества требуется остановка оттока мыслящей части русскоязычной молодежи на Запад, то, я думаю, не будет ничего плохого, если подготовка специалистов в государственных вузах Эстонии будет вестись отчасти и на русском языке с привлечением специалистов из России, чьи лекции, несомненно, были бы интересны и эстонцам. Но ждать особой активности в этом вопросе от эстонской стороны, конечно, сейчас не приходится.

В области культуры между нашими государствами с 1996 года действует межправительственное соглашение о культурном обмене и сотрудничестве. Но это соглашение направлено главным образом на сотрудничество и обмен между коллективами так называемых титульных наций. Эстония, конечно, помогает деятельности культурных учреждений, коллективов национальных меньшинств, но этой помощи явно недостаточно. Государственный русский театр в Таллине поддерживается наравне с такими же эстонскими театрами; но именно из-за нехватки русской интеллигенции он имеет постоянные проблемы с посещаемостью спектаклей. Недавняя попытка готовить актеров для театра с помощью Школы-студии МХАТ желаемого результата не дала: из окончивших школу 13 актеров в театре работают лишь четверо. Еще больше нуждаются в разносторонней российской помощи профессиональные театральные коллективы в городах Нарва и Йыхви. Существование Нарвского театра буквально висит на волоске: городские власти, между прочим в основном состоящие из русских, дотируют театр в размере 700 долларов в месяц, а в нем на номинальную зарплату трудятся 12 высококлассных энтузиастов. Полагаю, что Россия могла бы активно помогать и в отдельных случаях спасти творческие коллективы, выделяя гранты под конкретные проекты, поддерживать писателей, переводчиков, художников, журналистов, своим творчеством сохраняющих и приумножающих русскую культуру в Эстонии. Здесь же следует указать и на то, что в Эстонии уже нет ни одной русскоязычной ежедневной газеты, а литературно-художествен-

венные журналы «Таллинн» и «Вышгород» фактически превратились в ежеквартальные альманахи без постоянных средств к существованию.

Продуманная и целенаправленная поддержка русскоязычной интеллигенции, а не маргинальных политических группировок со стороны России могла бы стать серьезным вызовом и для эстонских властей. Такая системная помощь не только спасет всю русскую общину в Эстонии от деградации, но и может стать нравственным аргументом против политики ассимиляции русскоязычного меньшинства. Еще один серьезный резерв для поддержки русскоговорящих жителей Эстонии — это внимательное отношение к этническим эстонцам и финно-угорским народам, живущим в России. Насколько бы убедительнее выглядела Россия, помогая она более целенаправленно своим финно-угорским гражданам поддерживать и развивать экономические, культурные, человеческие контакты с Эстонией и, конечно, прежде всего свой язык и культуру.

И последняя идея. Я думаю, что очень действенным каналом помощи соотечественникам может быть укрепление и активное развитие тесного сотрудничества с мастерами искусства Эстонии, а также с молодым поколением эстонской интеллигенции, для многих из которых Россия представляется мистической страной, которая притягивает их интересы, но в которой они никогда не бывали. Отрадно, что странство для таких контактов снова стало расширяться. А в последние годы начал возрастать интерес к изучению русского языка у эстонских школьников: так, если в 1999 году доля эстонских школьников, изучающих русский язык, упала до 28 %, то сегодня она составляет 38 %.

Человеческие контакты в любых формах всегда делают доброе дело. Поэтому я высоко ценю приглашение молодежных организаций эстонских политических партий участвовать в работе лагеря на озере Селигер минувшим летом. Несмотря на противоречивый характер происходившего там и на атаки в эстонской печати на молодых политиков, принявших это приглашение, я убежден, что такие контакты следует продолжать и расширять. Большое дело делает и обмен поездками школьников во время каникул, который практикуют московские и таллинские городские власти.

Вы можете спросить: зачем мне, эстонскому политику, обо всем этом заботиться? Не будь я эстонским русофилом, каковых в сегодняшней Эстонии, признаюсь, не так уж много, я бы утверждал, что нам, эстонцам и русским в Эстонии, уже в общем-то все равно, почему поссорились 20 лет назад наши страны и что они вместе и порознь теряют от этого экономически и политически. Но нам станет совсем безразлично, если это обернется для нас уменьшением роли или даже

уходом России с культурного и человеческого пространства Эстонии. Если серьезно, то без российской нефти как-то просуществовать можно, но очень трудно жить без русской культуры, без тех ценностей, которые создавались в ее недрах, получили распространение и признание во всем мире и стали частью самосознания очень многих людей, причем не только русских, но и живущих за пределами России.

Игорь Пименов, депутат сейма Латвийской Республики. Я представляю здесь общественную организацию, которая выступает в Латвии за сохранение и развитие образования на русском языке. Михаил Ефимович Швыдкой верно заметил, что на самом деле судьба русского языка и отношение к русскому языку формируется не в Латвии, Литве или Эстонии, а в самой России. На этом-то я и хотел бы остановиться. Я буду говорить о Русском мире как о концепции, которая все чаще используется в рамках разных дискуссий.

О Русском мире начали говорить, насколько я понимаю, еще со времен собирания русских земель вокруг Московии. С тех пор прошло много времени, и после распада Советского Союза эта тема стала вновь актуальна. Отрадно, что от разговоров, которые поначалу вели культурологи, политики, богословы, эта тема перешла к конкретному оформлению: был создан фонд «Русский мир». Мне кажется, что цели, объявленные этим фондом, а значит, и цели всей государственной политики Русского мира, проводимой Российской Федерацией, сформулированы очень точно: это популяризация русского языка и поддержка программ его изучения. В этом — вся работа, вся цель и весь смысл Русского мира.

Русский язык — это то, что объединяет миллионы людей не только в России и государствах бывшего Советского Союза, но и по всему земному шару. Язык сплачивает людей, которые являются русскими как по своему этническому происхождению, так по образованию, которое они получили — не обязательно в России, они могли учиться на русском языке и в Киеве, и в Минске, и в Тбилиси. Это и люди, которые знают русский язык, потому что слышат его от своих родителей, которые когда-то учились в Донецке, а теперь работают медиками где-нибудь в Арабских Эмиратах, — все это тоже Русский мир, это тоже русский язык.

У нас в Латвии были попытки создания русского движения, оторванного от России. На мой взгляд, это ошибочно: Русский мир до той поры русский, пока это мир, который формируется москвитями, ориентируется на культуру, сконцентрированную и отстоявшуюся на фильтре московско-петербургской оси.

В качестве одной из аналогий я хотел бы привести франкофонию. В свое время франкофония сформировалась как имперская ностальгия по развалившейся франкоязычной империи. Но она прошла длительную эволюцию, и теперь это движение, которое объединяет людей, просто говорящих или хотя бы мало-мальски понимающих по-французски. Это государственная политика, предполагающая проведение мероприятий в разных уголках земного шара, она с пониманием относится к любому человеку, который хотя бы немного владеет французским языком. Низший, но при этом самый широкий уровень франкофонии — это люди, которые просто испытывают симпатию ко всему французскому: они слушают французские песни, любят французскую кухню и т.д. И все эти, вплоть до кажущихся несерьезными, проявления франкофонии на самом деле создают чрезвычайно благоприятную среду для восстановления французской культуры и французского языка на всем земном шаре.

Мне представляется, что у русского языка может быть такое же будущее. Причем основа для образования русофонии, или русскоязычия, наверное так будет правильнее, очень широкая. Прежде всего, это Россия. Кроме того, у нас есть государства, где русский язык является официальным наряду с национальным, — это Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан. Далее, это почти все государства бывшего Советского Союза, где еще говорят по-русски, — к сожалению, говорят все меньше и меньше. И еще одна группа — это выпускники советских и российских вузов, имя им легион: это врачи, военные, инженеры, политики, филологи...

Мне кажется, очень важно, чтобы это движение не было наступательным. Главное, чтобы Русский мир воспроизводился изнутри, чтобы русофоны ориентировались не только и не столько на Россию, сколько на общение между собой. Я представляю, что для Москвы чрезвычайно важно, чтобы пружины восстановления русского языка находились не в Государственной библиотеке рядом с Кремлем, а по всему земному шару; чтобы болгарские русофоны устанавливали свои горизонтальные связи с соседями, живущими в Румынии, Венгрии, Сербии; чтобы в Венесуэле, Аргентине, Колумбии бывшие выпускники российских и советских вузов тоже создавали бы свой Русский мир. Я думаю, что такое направление чрезвычайно укрепит авторитет Российской Федерации на многие годы, сделает его гораздо более жизнеспособным, устойчивым и в конечном итоге обеспечит устойчивость русского языка в странах Балтийского региона.

Дануте Балшайтите, профессор Института иностранных языков Вильнюсского университета. Поскольку я являюсь преподавателем русского языка в Вильнюсском университете, я буду в основном говорить о проблемах с преподаванием русского языка в Литве.

Литва — достаточно мононациональное государство — и, как это ни парадоксально, государство многокультурное. В Литве проживают представители разных национальностей, но наиболее многочисленными являются русская и польская диаспоры. Согласно опросам, в настоящее время около 60 % граждан Литвы владеют русским языком. В то же время результаты социолингвистического исследования, проведенного профессором Анастасией Забродской — кстати, профессор представляет Таллинский и Тартуский университеты, — показали, что литовцы в Литве общаются практически на одном литовском языке и только 14 % из них смотрят передачи российского телевидения. Примерно 50 % поляков используют родной язык в общении дома и около 39 % — в общении с коллегами, а в остальных случаях они переходят на русский или литовский. Русские жители Литвы даже дома далеко не всегда говорят на русском языке: в Литве очень много смешанных семей, поэтому часто в бытовой сфере используется литовский язык.

Однако в последние годы в Литве резко возросло число желающих изучать русский язык. И когда на страницах русскоязычных газет бьют тревогу по поводу того, что количество русских школ сокращается — и действительно, оно сократилось до 34 школ, в которых сейчас учится около 16 тысяч школьников, в то же время школьники в литовских и польских школах все активнее выбирают русский язык для изучения в качестве второго иностранного. Несомненным лидером в школах и вузах, так же, как и в других европейских странах, остается английский язык: по официальным данным, в 2009 году в литовских школах 90 % школьников изучали английский язык, 25 % — немецкий, 5 % — французский. Однако в том же 2009 году 50 % школьников совершенно осознанно выбрали как второй иностранный русский язык. В 2011 году уже 73 % учащихся польских и литовских школ делают такой выбор, изучают русский язык начиная с шестого класса.

Причины такого интереса к русскому языку, на мой взгляд, сугубо индивидуальны. Конечно, одним из основных остается экономический фактор: старшеклассники и их родители убеждены, что будут лучше востребованы на рынке, если наряду с английским будут знать и русский язык. Но при этом очень мощным фактором остается могучая русская культура.

Так, в нашем Институте иностранных языков Вильнюсского университета есть специальность «Английский и испанский языки». Из

беседы с первокурсницей, выпускницей литовской школы, я выяснила, что она очень хотела бы изучать еще и русский язык. Я спросила ее, почему, — и представьте, каково было мое удивление (я работаю со студентами — выпускниками и литовских, и русских, и польских школ, и далеко не каждый из них знает, например, произведения Чехова), каково же было удивление, когда эта девочка ответила, что хочет читать на языке подлинника... Мандельштама и Пастернака! Оказывается, любовь к русской литературе ей привила учительница в школе. И я думаю, что пока рядом с Литвой, Латвией и Эстонией существует государство с такой могучей культурой, русский язык будет оставаться востребованным.

Мне хорошо знакома академическая среда, и я могу говорить о тенденции увеличения числа изучающих русский язык в Вильнюсском университете. Если три или четыре года назад в течение одного семестра мы обучали всего две группы (а это не более 30 человек) на весь университет, то в весеннем семестре 2011 года русский выбрало более 270 человек. В Вильнюсском университете русский язык по количеству желающих изучать его как второй иностранный практически догоняет очень популярный в Литве испанский язык.

И как вузовский преподаватель русского языка я не могу не сказать об одной опасной тенденции. Да, количество желающих изучать его возрастает — но его качество в плане культуры речи за последние 10 лет резко снизилось. Сегодня перед преподавателями в школах и университетах стоит сложный вопрос: как обучить желающих *правильному* русскому языку? Очень серьезную роль в этой ситуации могли бы сыграть литовские русскоязычные СМИ. В Литве издаются четыре еженедельника на русском языке, действует великолепный русский драматический театр (кстати, посещаемый чаще литовцами, чем русскоговорящими), ведется вещание на телевидении и радио.

В 2008—2009 годах я пыталась оценить язык русскоязычных газет, причем специально выбирала только те статьи, которые представляли собой переводы с литовского языка на русский. И я вывела для себя такую единицу измерения: количество ошибок на квадратный дециметр газетной полосы. Практически каждое второе предложение требовало стилистической правки; из 15 проанализированных мною номеров газет, каждый из которых содержал по несколько переводных статей, мне удалось набрать 485(!) предложений, в которых содержались те или иные речевые и стилистические ошибки.

Почему я так заостряю внимание на языке русскоязычных СМИ в Литве? Потому что мне очень трудно объяснить студенту, что так говорить нельзя: вера в печатное слово по-прежнему очень велика, и ве-

рят больше не тому, что пишут, а тому, как пишут. А переучить студента, который читает местные газеты, уже почти невозможно. Мне кажется, сегодня в Литве настала пора очень тесного сотрудничества всех русистов, журналистов, всех занимающихся русским языком и говорящих на нем для срочного решения этой проблемы.

Денис Тарасенко, заместитель редактора газеты «Литовский курьер». Г-жа Дануте сейчас подняла очень важный вопрос, и мне кажется, что сегодняшняя дискуссия, которая проходит здесь, в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, может стать мощным стимулом для активизации нашего сотрудничества с университетом уже в Вильнюсе.

Недавно был подписан закон об образовании, который регламентирует нововведения в так называемых «школах нацменьшинств» (хотя такого понятия юридически не существует) в Литве. Можно много дискутировать, хорош этот закон или плох, но основная его суть — в том, что образование на государственном языке очень укрепило свои позиции: на нем должно вестись преподавание истории, географии, ряда других предметов, что составляет не менее 50 %. Как нам ни оценивать этот закон, к сожалению, к его разработке не были привлечены такие специалисты, как г-жа Балшайтите, — политики не обратились к академическому сообществу, и закон принят таким, какой он есть.

Я как представитель СМИ не согласен с рядом его положений — например, с тем, что у нацменьшинств низкий уровень владения государственным языком. Может быть, это справедливо для старшего или среднего поколений, но уж в любом случае не для молодежи: те молодые люди, которые закончили русскоязычные школы в Литве в последнее время, прекрасно владеют литовским языком — более того, именно литературным литовским языком. Кстати, г-жа Дануте в беседе привела мне контраргумент: точно так же многие литовцы в Литве лучше владеют русским языком, чем сами русские.

Что же касается снижения уровня владения языком в СМИ, о котором сегодня говорилось, то, несомненно, с этим нужно бороться. Однако, на мой взгляд, тому есть некие объективные причины, которые никак нельзя игнорировать. Скажем, тот же Вильнюс — это самый сложный микс из литовского, русского, польского и других языков, и эта особенность постоянно влияет на бытовое общение. Нередко в русскоязычных газетах — и в нашей в том числе — литовские слова используются без перевода, просто в кириллическом написании. Конечно, инициатива исправлять эту ситуацию должна была бы исходить от

СМИ, но коль уж само академическое сообщество призывает нас к этому, готово идти нам навстречу и помогать, то, конечно, такое предложение нельзя не принять.

И еще одна маленькая ремарка относительно русскоязычных СМИ в Литве. Михаил Ефимович Швыдкой совершенно справедливо заметил, что если отсутствует собственный, местный информационный продукт, то его потенциальная аудитория обязательно попадает в информационное поле другой страны, в данном случае России. Как бы в малое оправдание наших языковых ляпов хочу сказать, что всего три года назад газета «Литовский курьер» оставалась практически стопроцентным дайджестом — мы публиковали материалы о культуре и шоу-бизнесе из российских СМИ. Ну а поскольку это перепечатка, она была максимально грамотной. Три года назад мы решили кардинально изменить концепцию и создать полностью оригинальный информационный продукт — да, пусть с ошибками, но теперь это в полном смысле русскоязычная газета о Литве.

Альгирдас Гайжунис, ректор Вильнюсского педагогического университета. Я думаю, что некоторые вещи, связанные с культурным обменом — обменом ценностями, идеалами, — зависят от культуры диалога. Хочу это особо подчеркнуть: диалог между культурами зависит от культуры диалога. Вот этой-то культуры диалога, к сожалению, многим сторонам нередко не хватает, особенно когда дело касается телевидения, средств массовой коммуникации и т. п.

Иногда меня оскорбляет то, что я слышу в Литве или по российскому телевидению, как экстраполируются простые детали повседневной жизни. Можно слышать: в Литве сокращаются русские школы, литовцы не дают русским свободы в развитии своего языка, в университетах закрываются кафедры славистики... Я хочу сказать несколько слов по этому поводу.

Надо иметь в виду, что мы живем в Европейском союзе, а он не является каким-то островом — многие процессы схожи и в Евросоюзе, и в России. Имеются общие тенденции мирового развития, и когда мы говорим о профессиональной ориентации молодежи, то видим в странах Балтии некоторый перекося, ненужный и подозрительный: молодежь сейчас бросается в объятия тех наук, которые дают гарантии быстро найти работу, помогают легко решать жизненные проблемы. Поэтому молодые люди выбирают право, экономику, менеджмент, логистику и т. п. — более половины из них ориентированы на социально-экономические науки. А что же остается гуманитариям — всего около 10 %; на естественные науки, выбор которых всегда, в том числе и в со-

ветское время, серьезно поддерживался школьным образованием, тоже приходится не более 11–13%. Иными словами, количество студентов-гуманитариев стремительно сокращается.

В нашем университете всегда были очень сильные кафедры английского, немецкого, французского и, конечно же, русского языков. Сейчас мы оставили всего две кафедры языка, дидактики, межкультурной коммуникации. И когда мы слышим такие разговоры, которые я упомянул, то они отнюдь не улучшают взаимопонимание. Я как ректор и мои коллеги – профессора-слависты – были и остаемся заинтересованы в том, чтобы это лингвистическое направление сохранилось, чтобы оно дышало полной грудью, чтобы из нашего университета вышли учителя-просветители, которые действительно хорошо знают русский язык, прекрасно понимают русскую культуру. Поэтому, я думаю, что подобные соображения – дескать, кто-то что-то нарочно закрывает, будто бы за этим стоит политика – это или намеренная ложь, или простое непонимание ситуации.

А теперь что касается вещей более позитивных. Мы недавно открыли в нашем университете Русский центр – они сейчас существуют более чем в ста точках по всему миру. Этот центр играет очень существенную роль, он важен не только русистам, но и студентам практически всех специальностей. Почти каждую неделю, каждый месяц здесь проводятся интереснейшие мероприятия, связанные с русской культурой, русской словесностью, историей, философией.

Конечно, таких «борцов с русским», о которых сегодня упоминали мои коллеги, и у нас хватает. Помню, когда мы открыли Русский центр – открыли торжественно, в присутствии представителей фонда «Русский мир» из Москвы, – очень скоро я увидел по нашему телевидению передачу, в которой один очень видный политический деятель утверждал, что сейчас Россия проводит свою экспансивную политику через некоторые точки, одна из которых расположена в Вильнюсском педагогическом университете. Я хочу сказать, что в любых странах всегда есть такие политики, которые смотрят на вопросы межкультурного обмена слишком упрощенно, слишком поверхностно.

Думаю, что многие наши дела межкультурного общения улучшились бы, если бы мы сами смотрели на них более ответственно. Недавно мы подписали договор о сотрудничестве с г-ном Андреем Клемешевым, и я считаю, что благодаря этому мы продвинулись еще на шаг к взаимопониманию. Мы посылаем на практику в университет Калининграда 15 наших студентов и взамен ждем 15 студентов из Балтийского федерального университета, которые изучают литовский язык, к нам в гости. Важно, чтобы эти культурные среды существовали не на

бумаге, а в реальности — в живом процессе общения, чтобы ваши студенты могли познакомиться с нашей жизнью, с нашими обычаями. Я думаю, что такие центры играют большую роль — возможно, они даже более важны, чем финансовая помощь. Я как философ придерживаюсь богословской позиции: духовное начало должно возвыситься над всеми прочими, и это самое главное в жизни. И я уверен, что для межкультурного диалога нужно использовать множество разных форм, смело эксплуатировать их и не бояться критиков — ни в своей стране, ни за рубежом.

Наталья Бабенко, научный руководитель Научно-образовательного центра «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта. Уважаемые коллеги, считаю необходимым сказать о соотношении финансовой стороны и доброй воли. Сразу же хочу выразить благодарность г-ну Гайжутису, потому что деятельность Вильнюсского педагогического университета — это как раз показатель и доброй воли, и той самой культуры диалога, о которой говорил г-н ректор.

Мы поддерживаем очень хорошие связи с Вильнюсским педагогическим университетом — например, в сентябре прошлого года мы проводили в Вильнюсе выездную конференцию по гранту фонда «Русский мир». С одной стороны, благодаря финансовой поддержке фонда 20 наших преподавателей имели возможность посетить Вильнюс и провести там действительно плодотворное обсуждение научных проблем. С другой стороны, в равной степени это мероприятие было бы невозможно без поддержки ректора Вильнюсского педагогического университета, который принял нас в свои объятия, не рассуждая, сколько лекционных аудиторий мы займем под заседания в самое горячее учебное время. Вот это последнее, конечно же, зависит уже не от финансовых условий — это и есть то проявление культуры диалога, о которой мы сегодня говорим. И, добавлю, Русский центр, открывшийся при Вильнюсском педагогическом университете, работает активно и плодотворно именно благодаря доброй воле г-на ректора — а ведь мы знаем, что, по справедливости, Русским центрам, которые открыты во многих странах, далеко не везде комфортно существовать. Вильнюсский педагогический университет в этом отношении почти уникален.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о фонде «Русский мир», с которым мы сотрудничаем практически со дня его основания. Первым нашим грантом, который был одобрен фондом, стал проект проведения учебно-методического семинара для учителей-русистов Литвы. В 2008 году мы приняли у себя 30 литовских преподава-

телей русского языка из Вильнюса, Каунаса, Марьямполье, Йонишкиса, провели для них пятидневный обучающий семинар и выпустили в поддержку этого семинара методический сборник «Современный урок русского языка». В 2011 году наши кураторы из фонда предложили нам возродить эту форму работы, эту тему, и сейчас мы готовим программу аналогичного семинара, куда пригласим клайпедских русистов, которые не смогли принять участие в предыдущем проекте, и, очевидно, русистов из Гданьска, с которыми также тесно сотрудничаем.

Попутно хочу отметить, что очень важное для нас направление, связанное с методикой преподавания русского языка как иностранного, мы стараемся поддерживать иногда даже в самых неожиданных формах. Например, по дороге из Вильнюса с уже упомянутой конференции осенью прошлого года мы нашли возможность заехать в Клайпеду и провести небольшой – исходно, кстати, не запланированный в грантовой заявке – учебно-методический семинар для клайпедских учителей, привезли им художественную и справочную литературу на русском языке. Аналогично мы поступили во время проведения второй из поддержанных «Русским миром» конференции – в Гданьске в октябре прошлого года, где в Центре российской науки и культуры организовали небольшой учебно-методический семинар для польских русистов.

Кроме того, «Русский мир» поддерживает наши сугубо научные инициативы – я уже сказала о двух конференциях, проведенных под эгидой фонда прошлой осенью, а раньше мы организовали научную конференцию «Лики Русского мира». Очень важно, что к этим конференциям мы выпускаем не только традиционные сборники материалов, но и издания более широкой направленности. Так, в 2008 году нам удалось выпустить тематический сборник «Побережье: русско-литовские образовательные и культурные связи». Хотя по условиям гранта его объем ограничился десятью печатными листами, на самом деле этот сборник вполне мог быть в пять, десять раз толще: связей, объединяющих нас, очень много, и о многом хочется рассказать, порассуждать, многое вспомнить. В прошедшем, 2010 году, вышло второе «Побережье» – на этот раз сборник был посвящен русско-польским образовательным и культурным связям. Это всего две капельки Балтийского моря, но, мы уверены, это важное и нужное начинание.

А особое внимание я хочу обратить на следующее – мне кажется, здесь мы затронем еще одну очень важную тему для обсуждения. В оба сборника мы совершенно сознательно включили рубрику "Bilingua", а именно помещали материалы на литовском и польском языках соответственно; причем поэтические тексты давались параллельно с пере-

водами на русский язык, а аналитические материалы (в последнем сборнике) мы приводили на языке оригинала. И я хочу особенно подчеркнуть: очень хорошо и полезно, что фонд «Русский мир» поддерживает наше стремление здесь, на Балтике, не замыкаться только в пределах русского языка, а уважать — и это уважение проявлять — другие языки этого региона. Ведь если мы говорим об *общем* культурном пространстве, то в нем русский язык, конечно, может выполнять роль языка межнационального общения, и он это успешно делает, и понятно, что это для нас приоритет. Но мы отчетливо понимаем: в этом пространстве должно быть место — и место достойнейшее! — для литовского, латышского, эстонского, польского, немецкого языков. Эту установку мы будем всячески стараться проводить в новых проектах, над которыми сейчас работаем.

Русский язык там, где он выступает как *lingua franca*, должен сохранять эту свою роль. Более того, мы считаем, что русский язык обогащается именно тогда, когда мы имеем дело с переводческой практикой. И когда речь идет о факторе России, как он заявлен в теме сегодняшней дискуссии, то очевидно, что фактор этот состоит вовсе не в том, чтобы замкнуть пространство русского языка, чтобы говорить только по-русски и только о русском. Можно говорить по-русски о других культурах, можно слушать, как другие страны говорят о России на своих языках — и только тогда культурный диалог будет настоящему полноценным и плодотворным.

Эдуард Цеховал, директор Рижского театра им. М. Чехова. Я хотел бы продолжить тему горизонтальных связей, которые очень важны для понимания русского языка и русской культуры за пределами России.

В 2006 году мы в нашем театре решили поставить спектакль по трем произведениям Ф.М. Достоевского — «Бобок», «Чужая жена и муж под кроватью» и «Крокодил». Столкнувшись с тем, что такое большое количество ярких ролей не распределить на нашу труппу, мы решили сделать спектакль силами трех русских театров Прибалтики — Литвы, Эстонии и Латвии. Мои коллеги откликнулись на этот призыв, и спектакль был поставлен. Идея заключалась в следующем: этот спектакль, который играют актеры из трех стран, будет «стационарно» присутствовать в программе театров трех прибалтийских столиц, жить одновременно в трех странах.

Процесс реализации и впоследствии эксплуатации этой идеи показал, что она вполне жизнеспособна. После этого возникла мысль создать Балтийскую ассоциацию русских театров, которая продолжила

бы этот удачный эксперимент, в том числе и за его непосредственными рамками: сюда включились бы подготовка и повышение квалификации актерских кадров, совместная издательская деятельность и множество других направлений совместной работы. Так получилось, что в 2004 году волею судеб эти театры стали единственными государственными русскими театрами в Евросоюзе; и наше расположение в 300 км друг от друга для культурного туризма не расстояние.

В программе сегодняшней дискуссии обозначен фактор России. Важно, чтобы существовала реальная точка приложения этого фактора. Мы здесь, на территории трех стран благодаря тому, что у нас есть один коммуникативный код — русский язык, можем консолидировать творческий, финансовый, административный ресурсы. И я думаю, что именно в этом — путь не выживания, а достойной жизни русских театров в Прибалтике.

Светлана Янчек, директор Русского театра в Таллине. Вокруг Русского театра в Таллине существует множество скандалов и болезненных вопросов, однако, на мой взгляд, главная связанная с ним проблема состоит в том, что вопрос экономический подменяется вопросом социальным. Все эти скандалы, по сути, касаются одной «производственной единицы», но при этом вопросы ставятся таким образом: а имеет ли право на существование Русский театр как театр с государственной дотацией и театр репертуарный? В связи с этим существуют две основные точки зрения: первая сводится к тому, чтобы Русский театр был театром проектным, а вторая — совершенно экстремистская, причем ее высказывают и русские деятели культуры — говорит о том, что Русский театр в принципе не нужен, потому что он является рудиментом, атавизмом советской эпохи.

Если говорить о первом пути, то он заведомо невозможен. Недавно мы беседовали на телевидении с Яком Алликом, и он высказал справедливое мнение, что содержать проектный театр намного дороже, чем дотировать со стороны государства репертуарный театр. Ведь если наш актер не играет каждый день, то раз в году один проект он заведомо не сыграет; следовательно, понадобится приглашать актеров из-за рубежа, в крайнем случае из соседних стран Балтии.

Что же касается второй точки зрения, то здесь наблюдается одна любопытная закономерность. Впервые о создании профессионального русского театра в Эстляндской губернии заговорили в 1892 году: в «Дерптском листке» писалось о том, что министерство Императорского двора подумывает открыть здесь русский театр. К тому времени население в Таллине составляли на 42 % немцы, на 35 % — эстонцы, а ос-

тавшаяся часть, немногим более 20 %, были те, кто говорил на русском языке. Даже в тех условиях уже шла речь о возможном создании русской труппы! Так что если мы сегодня уйдем отсюда, закроем Русский театр, то пройдет еще лет 40–50, и все вернется к необходимости создавать новый театр.

Если говорить о русском факторе применительно к нашему театру, то возникает довольно интересная ситуация. Да, мы получаем государственную дотацию примерно наравне с эстонскими театрами. Но большая часть постановщиков, режиссеров, которые приезжают к нам из России, стоят в полтора раза — а иногда и в четыре, пять — дороже, чем художники, режиссеры, которые работают в эстонских театрах. Иначе говоря, само производство спектакля для нас оказывается дороже. Вот каково влияние фактора России сегодня на Русский театр в Таллине.

На нынешнем этапе русское население Эстонии не соотносит Русский театр со своей повседневной жизнью: театр существует «где-то», но ходят туда редко, о нем преимущественно узнают из газет. В связи с этим одно из направлений нашей работы — это театр социальный; в 2008 году, в годовщину «бронзовой ночи», мы пытались поставить спектакль «Памятник» о тех событиях. Для нас это важная возможность как-то соприкоснуться с той жизнью, которой живет русская община в Эстонии.

Когда мы говорим о том, что нужно составлять репертуар из классического наследия, то на самом деле только кажется, что классика — это образовательная программа, позволяющая помнить о традиции. Нет, это прежде всего программа языковая. Сокращение преподавания русского языка в эстонских школах приводит к тому, что он постепенно становится уже даже не бытовым языком — он становится языком улиц, сленгом. И когда дети, подростки приходят в театр на классическую постановку, это пусть маленький, но шанс ввести в их обиход, в их сознание другой русский язык. И в этом смысле Русский театр, несомненно, нужен.

Яак Аллик. Чтобы не сложилось предвзятого или неправильного понимания в связи с тем, о чем говорила г-жа Янчек, хочу сделать маленькую ремарку. Проблема необходимости Русского театра в Таллине, его права на существование дискутируется исключительно в кругах русскоязычной интеллигенции — ни один театральный деятель и даже ни один политик в Эстонии никогда не подвергал это право сомнению. Действительно, государственную дотацию Русский театр получает на том же уровне, что и театры эстонские.

Андрей Клемешев. Когда мы пытаемся понять, что сейчас происходит с русским языком в Литве, Латвии, Эстонии, задаемся вопросом: а что происходит, например, с литовской культурой? Деградация сегодня прослеживается во всех национальных культурах, и это надо видеть совершенно однозначно. Когда мы говорим о молодежи, о том же языке улиц — а какой сегодня язык улиц, есть ли он вообще? Что такое интернет-культура, что такое язык СМС? Мы ведь видим, что деградируют в равной степени и русский язык, и другие национальные языки.

В этом смысле не надо постоянно стараться увидеть в сегодняшних процессах какую-то злокозненность. Мне кажется, мы должны действительно серьезно подумать о том, что перед нами стоит проблема, общая для всей культуры. Как бы громко это ни звучало, но мы здесь представляем более высокие слои культуры, мы говорим о театрах; а ведь сегодня основная часть населения сталкивается с культурой совсем другой — с масс-культурой! И проблема заполняемости театров касается не только Русского театра.

С этой точки зрения обязательно должны быть площадки, темы, которые нас объединяют; нам нужна общая проблематика, которая позволит подумать: а как же нам все-таки сблечь свою самость? Ведь когда мы сохраняем чужую культуру, мы тем самым сохраняем и культуру свою собственную; когда мы помогаем сохраняться любой национальности, мы тем самым помогаем сами себе. Если не будет на должной высоте литовской культуры, то, естественно, русской культуры в Литве тоже не будет. И когда происходит ненужная политизация этих вопросов — любыми политиками: русскими, литовскими, эстонскими, — ничего хорошего в этом нет. Политики и даже экономисты рассуждают на короткий период времени, а если речь идет о культуре, то это уже длинные «волны». Именно об этом, как мне кажется, мы должны думать в первую очередь, именно такие площадки искать. И мы вполне готовы сделать наш университет одной из площадкой для диалога.

В своем вступительном слове Михаил Ефимович Швыдкой поставил вопрос: достаточно ли сегодня Толстого и Достоевского? Существует Русский театр — что там ставится, с чем наша культура сегодня идет не просто в массы, а прежде всего в активные слои населения, к молодежи? Достаточно ли культуре только ее «золотого фонда», достаточно ли, предположим, Донелайтиса для культуры Литвы? Я думаю, нет, так же, как недостаточно Пушкина для русской культуры.

А что касается взаимодействия культур и роли русского фактора, то я глубоко убежден: если изъять русский язык и культуру из современ-

ной жизни стран Балтии, то это, конечно же, их очень обеднит. И наоборот: присутствие здесь, в Калининграде, проявлений в той или иной форме литовской культуры нас только обогащает.

Татьяна Фейгмане, директор Института русского культурного наследия Латвии. Для меня как историка эта земля, на которой мы сегодня встретились, связана прежде всего с тем, что когда-то здесь жило балтское племя пруссов, родственников нынешних латышей и литовцев. Если бы история сложилась иначе, не исключено, что здесь могло бы образоваться четвертое балтийское государство. Я видела фотографии довоенного Кёнигсберга, и, конечно же, невозможно без содрогания смотреть на то, что сделала с городом война. Но меня радует, что здесь ощущается бережное отношение к тем небольшим сохранившимся островкам Восточной Пруссии — оно прослеживается даже в архитектурном стремлении сохранить какую-то особенность этой территории, не подгонять ее под один шаблон с тем, что мы можем увидеть в других регионах России.

У нас, в Латвии, к сожалению, с сохранением культурного наследия, особенно если это касается «нетитульной» нации, возникают известные проблемы. Например, в Риге есть памятник Петру I, сохранившийся в достаточно хорошем состоянии; это единственная конная статуя в Латвии, но установить ее невозможно по политическим мотивам. То же самое касается Колонны Победы в честь войны 1812 года: она уже многие годы лежит где-то на складе, и все по той же политической причине вопрос о ее установлении не подлежит решению.

Но я хочу заметить, что и в царский период, и во время Первой независимости исследователи и журналисты достаточно активно работали над изучением истории культуры русского населения Латвии. А эта культура имеет давние корни: балто-славянские связи зародились еще до нашествия крестоносцев, и не будем забывать, что христианство сначала пришло на эту территорию с Востока и лишь значительно позже крестоносцы огнем и мечом навязали местным племенам свою веру. Русское коренное население в Латвии имеет давнюю историю: официально считается, что оно начало формироваться здесь во второй половине XVII века, когда на территорию Латвии, спасаясь от преследований российских властей, бежали староверы.

К сожалению, в советский период тема этнических исследований, в том числе истории русских, была практически закрыта, особенно это касалось крайне интересного во всех отношениях периода 20–30-х годов XX века. Хотя и тогда находились те, кому удавалось обходить эти запреты, в связи с чем я хочу назвать имя глубоко уважаемого мною

Юрия Ивановича Абызова, который, будучи членом Союза писателей, получил доступ в спецхран Латвийской национальной библиотеки. Работая там долгие годы, он провел титанический труд — создал опись всех статей о Латвии, которые публиковались в советской прессе с 1917 по 1944 год. Он работал, прекрасно понимая, что в своей стране опубликовать это никогда не сможет. В конце 1980-х годов ему удалось переправить этот труд на Запад, где книга вышла в Стэндфордском университете.

Начиная с 1990 года мы наблюдаем всплеск интереса к русской истории и культуре на территории Латвии — образно выражаясь, на сегодняшний день существует уже достаточно большой шкаф исследований на эту тему. Сделан значительный шаг вперед, и он помог русским понять, кто же они такие на территории Латвии. Когда в начале 1990-х годов мы стали организовывать просветительские семинары для русского населения, поначалу они проходили в довольно напряженной обстановке, аудитория подчас достаточно агрессивно относилась к той информации, которую давал лектор. Но сейчас ситуация, я считаю, нормализовалась, и она способствовала сближению внутри русской общины. Кроме того, это в какой-то степени просветило и латвийское общество, которое с удивлением для себя восприняло некоторые вопросы.

Хочу рассказать, как возник Институт русского культурного наследия. Все началось с того, что по просьбе депутата Европарламента Татьяны Жданок группе историков было поручено подготовить выставку «Русские Латвии», которая прошла в 2008 году в Риге, в 2009 году — в Европейском парламенте, а в конце того же года — в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве. При подготовке выставки мы поняли, что не сможем отразить в ней весь собранный материал, и решили перенести его в Интернет, где он сейчас размещен по адресу www.russkije.lv. В настоящее время сайт находится в стадии разработки. Основной упор мы делаем, во-первых, на сбор статей, которые были посвящены истории русских в Латвии, во-вторых, на персоналии, и в-третьих, на публикацию семейных фотоальбомов, которые дают представление об очень сложной жизни русских в переломные моменты истории. Причем мы пытаемся представить картину мозаичной: мы показываем разные слои русского населения — и тех, кто имеет здесь давние корни, и тех, кто приехал в Латвию сравнительно недавно, но уже успел внести значительный вклад в жизнь страны.

Андрей Красноглазов, директор Таллинского института Пушкина. Я хотел бы заметить, что все наши высказывания сегодня так или

иначе связаны с соотношением политики и действительности. То же касается и русского языка, который существует в двух качествах: как та реальность, которой оперируют политики — и здесь свое слово о нем начинают говорить правозащитные организации, — и как реальность бытовая, существующая на самом деле.

Русский язык, как и любой другой язык, выступает транслятором различных культурных ценностей и смыслов, обеспечивает преемственность поколений. И в этом смысле хотелось бы обратить внимание на то, что сейчас объединяет все прибалтийские республики, — на молодое поколение. Это те русские дети, которые пошли в национальные школы — литовские, латвийские, эстонские. В Эстонии, при всех очень удручающих процессах, касающихся русских школ, число таких детей в последнее время лавинообразно растет.

Какие опасности я здесь усматриваю? В эстонских школах русский язык как родной не преподается; соответственно, русские дети не умеют читать, писать, не знают культурного и исторического фона своей этнической родины. Родители зачастую не осознают этой проблемы, а государство ею не занимается. Безусловно, это проблема общая — где воспроизводство русской интеллигенции, где те люди, которые будут развивать и поддерживать язык, культуру? Эта проблема требует вмешательства со стороны государства проживания, однако если речь в этом случае идет о помощи со стороны России, то я более чем уверен, что Эстония такую помощь не примет. В стране нет подготовки учителей на русском языке, и в такой ситуации вопрос о будущем русских школ становится особенно проблематичным: кому же вскоре понадобится школа, если в ней некому будет преподавать?

Сергей Мазур, основатель альманаха «Русский мир и Латвия». В своем кратком выступлении я хочу дать информацию об альманахе «Русский мир и Латвия», который я вместе с коллегами издаю. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность фонду «Русский мир», который осуществляет финансовую поддержку альманаха.

В одном из последних номеров альманаха рассматривается проблема перевода в диалоге социокультурных парадигм. Мы обозначаем диалог культур горизонтально: это диалог русской и латвийской интеллигенции, в альманахе публикуются лучшие гуманитарии — философы, лингвисты, историки — из России. Еще один выпуск альманаха представляет публикацию документов (мы осуществляем ее с 2004 года), связанных с именем единственного православного святого Латвии архиепископа Иоанна (Поммера). Мы сотрудничаем с профессором Латвийского университета Юрием Сидяковым, который не

имеет другой возможности опубликовать эти материалы, кроме как в нашем альманахе. Следующий из выпущенных за последнее время номеров альманаха представляет проект российско-латвийских культурных связей — мы знакомим наших читателей с видными писателями и поэтами России.

Проблематику русского языка и культуры мы стараемся вынести за пределы Латвии: мы обсуждали ее в Доме русского зарубежья, а также в первом частном Гуманитарном университете в Екатеринбурге, и стенограммы этих обсуждений также вошли в альманах. Последний из вышедших на сегодняшний день выпусков посвящен человеку, которого можно и нужно назвать патриархом русской культуры в Латвии, кто объединил три ее поколения, — Борису Федоровичу Инфантьеву. В выпуске представлены биографические материалы, раздел «Русские писатели о Латвии» и книга исследователя, фактически восстановленная по рукописям: «Миф о русских в латышской литературе».

Яак Аллик. Я хочу выступить с еще одной краткой репликой. Сколько бы ни говорилось о необходимости отделить культуру от политики, сделать это все-таки очень трудно. Я продолжаю думать о том, примет ли Эстония помощь России в открытии русских культурных центров. Мне представляется, что если это делается от имени отдельных фондов, то фонды как раз можно подозревать в своих намерениях; но если это будет делаться на уровне государственных договоров и при этом, например, помощь России русским центрам будет связана с возможностью помощи Эстонии финно-угорским центрам в России, то отказаться от такого предложения Эстонии будет очень трудно.

Михаил Швыдкой. Хочу сказать несколько слов в завершение нашей беседы. Я думаю, что сегодня был достаточно серьезный и содержательный разговор о том, что происходит в реальности в наших странах.

Мы возвращаемся домой, продолжаем жить каждый в собственной среде, но есть две вещи, которые нас объединяют. Мы озабочены проблемами культуры в своих странах, мы считаем, что культура — это очень важный инструмент развития, а не просто некая виньетка; что это, пожалуй, один из немногих *реальных* инструментов развития. Мы обеспокоены тем, что качество языка и культуры падает, и считаем, что нужны государственные усилия, чтобы поддержать язык и культуру. Мы согласились с тем, что для интереса друг к другу нам, во-первых, нужно создать среду для общения, во-вторых, более тесно общаться на уровне высших учебных заведений, потому что многие

проблемы находятся сегодня именно в сфере образования. Мы хотим, чтобы более активно общалась молодежь, и для этого тоже нужно открыть все имеющиеся возможности.

Я прекрасно понимаю, что у каждого из нас в стране — своя сложившаяся политическая практика, которую мы не можем не учитывать, делать вид, будто этого не существует. Для меня стало очень важным замечание г-на Аллика о том, что к поддержке со стороны фондов можно относиться с подозрением, а межгосударственные механизмы работают лучше, понятнее и прозрачнее. Наверное, это тоже необходимо учитывать, поскольку элемент взаимной подозрительности в наших отношениях, к сожалению, все еще существует. Мы должны создавать условия для существования литовского, эстонского, латышского языков на территории России, изучать их там, где есть возможность и необходимость. Словом, я думаю, что сегодняшний разговор — это скорее некая прелюдия; и действительно, мы могли бы создать в Калининграде площадку для обсуждения самых разных проблем. Эта площадка может передвигаться, потому что у этой территории есть русский фактор, а есть литовский фактор — а есть, кстати, и немецкий фактор, и польский фактор.

Подготовил *Алексей Черняков*

**ОБЩЕСТВО:
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ
СЛЕД**

...Калининград занимает особое место в «сценариях будущего», особенно в «сценарии Надежды», поскольку он является своеобразным перекрестком, на котором сходятся дороги многих стран, ведущие в будущее <...> В большей мере это — духовно-нравственный перекресток, своеобразная духовно-политическая сверхзадача.

В. Тильманов

...В России гуманитарная культура сейчас стремительно развивается, и вместе с тем ее составная часть за пределами страны — культура диаспоры — не является источником ее формирования и уж тем более не ставит перед собой цель сохранять культуру многомиллионной России.

С. Мазур, А. Романов

Сейчас нам нужно тратить как можно больше усилий, чтобы противостоять разным соблазнам. Так что мой XXI век — век борьбы за свои ценности, которые принадлежат классическому прошлому.

Молодежь XXI века (размышления студентов)

Владимир Гильманов
(Калининград)

ЗВЕЗДНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК¹

6. Симон Дах

«*Б*огословские лихорадки» XVII века точно отражают доминирование религиозной проблематики в сознании раннего Нового времени, что имеет прямое отношение и к творчеству Симона Даха. Правильное понимание его творчества возможно только при учете весьма характерных для поэзии барокко «синхронизации» и изоморфизма поэтического и религиозного чувств, в какой-то степени — весьма уникального явления, поскольку последующим эпохам свойственны иные «синхронизации» и изоморфизмы, что отражено, например, парадигмальным образом в немецкой поэтической традиции, прежде всего в топосе Фауста.

Борьба «хронотопа Жизни» и «хронотопа Смерти», о которой шла речь ранее, отражена в художественном и экзистенциальном хронотопе Даха. Это — континуум уникального «острова», где все мирозначимые проблемы сконцентрировались в пределах маленького Кнайпхофа, одним своим именем — от прусского «книпау» = «хлябь», «болото» — подчеркивающего всю шаткую брентность бытия. Этот «островной хронотоп» обладает, однако, грандиозной эмблематической силой, поскольку, находясь в стороне от катастрофических эпицентров европейской истории, он, с одной стороны, отмечен в XVII веке «счастьем» географической и художественной отстраненности, обес-

¹ Продолжение. Начало см.: Слово. ру: балтийский акцент. 2010. № 1–2.

печивающей возможность достаточно спокойного и объективного поэтического освоения мирового катастрофизма. С другой стороны, этот хронотоп отмечен особой выразительностью «провинциальной апокалиптики», которая при внимательном взгляде действует еще сильнее, чем «апокалипсические эпицентры». Этот «остров», населенный в большинстве своем бюргерами-«симплициссимусами», не участвующими в грандиозных перипетиях истории и не строящими всеобъемлющих «проектов бытия», оказывается на деле в дискурсе XVII века поразительной «моделью мира» со многими элементами будущей постистории и посткультуры. Читая стихи Даха, думаешь, что его поэтическая душа, став заложником Времени, уже «все знает», в том числе грядущие катастрофы, включая трагическую судьбу исторического Кёнигсберга. Эта судьба предстает как «менетекел»¹ скрытых актантов истории, в суть которых прозревают только пророки и поэты. На фоне драмы истории поэзия Даха довольно точно соответствует постистории с ее горьковато-игровой интонацией, смешанной со странным предзнанием каждой индивидуальной интуиции о том, что «что-то случилось», «что-то не так», но нужно все равно жить, мучаясь и радуясь, но, главное, оставаясь человеком. Дах — насквозь человечен, несмотря на пророческую дидактичность своей поэзии, достигающей накала почти отцовского наставления. Пророческую силу его поэзия получает в дискурсивном масштабе «свершившейся истории», в которой эмблематика «тыквы» переходит в эсхатологическую символику Откровения от Иоанна Богослова².

И в этой связи, независимо от художественной метаидеи поэзии Даха, «случается» пророческая встреча между настоящим и будущим, между «ложным временем» апокалипсического зверя и истинным хронотопом, который все еще «проникает» в поэтическое чувство, сообщая ему горькую, жестокую правду о Времени с четырьмя всадниками Апокалипсиса во главе. Важно и то, как Дах сопротивляется «мудрости» этого Времени, не соглашаясь принять «успокоительное средство» из «аптеки Екклесиаста». Он не знает, «безумен или нет», но не хочет быть «рабом» этого Времени.

---

¹ Таинственная фраза, явившаяся Вальтасару и разгаданная пророком Даниилом: «"Мене" — исчислил Бог царство твое и положил конец ему. "Текел" — ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5:26).

² См., напр.: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли... Он действует со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю... и творит великие знамения. <...> И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал...» (Откр. 13:11–17).

В известной элегии Даха «Плач об окончательном упадке и разрушении музыкальной тыквенной хижины и садика от 13 января 1641 года», как и во всем его творчестве, поражает пророческая перспектива, в которую он на фоне поэтической рефлексии при созерцании упадка «тыквенной хижины», буколического приюта кёнигсбергских поэтов, вводит не только пророка Иону и исторический опыт брэнности, начиная от павшего Вавилона и заканчивая трагедией Магдебурга, ставшего жертвой Тридцатилетней войны. В эту перспективу он включает также и Кёнигсберг, предвосхищая поэтическим образом его трагическую участь как города, ставшего, подобно всей Германии, «самому себе палачом»:

Каков закат великой Спарты дня? Каков ее удел?
Где Фивы? Где Коринф? И Александра дел
где след? Рассыпан Вавилон в своей гордыне в пыль,
Смолело время все: где сказка, а где быть?
И как высоко Карфаген не строил стены,
меч Сципиона показал, что они брэнны.
Великий Рим полмира стер с земли,
Но гот и венд Рим сокрушить смогли.
И разве я могу, мой Магдебург, тебя прижать забвенью?
Где красота твоя? — В аду, в объятиях тленья.
Я видел девственный твой лик: ты — дом Пречистой Девы —
был создан для любви небес, а стал добычей скверны.
Жених уж не придет, поруган лик невесты:
Тебя назначил Бог стать страшным лобным местом,
Когда огонь, в твою красу влюбленный,
пожрал всю плоть твою, врагами разъяренный.
Три всадника из тьмы тебя в тлен истоптали
и твой бесплотный дух на небеса прогнали.
Горой убитых тел нарушен Эльбы бег.
Что стало с миром?! Где ты — человек?
Как ты могла, Германия — уж плачь или не плачь —
назначить ад себе самой, в котором ты — палач?!
На дыбе собственной вся в муке изошлась,
Безумью истребленья отдалась,
И самый драгоценный дар — свободу —
ты посвятила смерти, а не Богу [1, S. 59–60].

Из постмодернистского пост-времени хорошо видно, что пророческая идея элегии Даха придает его произведению не только значение поэтического прозрения в судьбу своего города, но и эсхатологический статус «поэтического сценария» мировой истории:

И кажется нам всем, что зверь войны утих,
 Но он не в пепле городов лишь жив:
 Как только в душах меч войны звенит,
 Зверь тут как тут и все вокруг крушит.
 Усвоим ли когда уроков горьких мудрость?
 Нам Бог бы дал тогда всю милость и премудрость:
 Все благо бытия от корня и до солнца
 в достатке было б нам, от нас бы и потомству [1, S. 60–61].

Поразительна и чрезвычайно важна в смысловом отношении кода элегии, в которой поэт, с одной стороны, выражает веру в то, что поэзия справится с Временем, но, с другой — поэтически «кодирует» ее поражение в «риторической оговорке»: он сравнивает поэта с Орфеем! Однако Орфей не смог вывести свою возлюбленную Эвридику из мрака Аида, ему не хватило чуть-чуть...

Мой Альберт, верный друг, мы сделаем, что сможем!
 Пусть короток наш век, но время мы стреножим!
 Мы укротим коня, пусть рвется вон из кожи!
 Наш дух его сильней и Муза наша тоже!

<...>

Гармоний стройных лад в сумбур разноголосья
 вводи своим смычком и ничего не бойся:
 Мидасы наших дней все Фебу козни строят,
 Орфеи наших дней с ним дружбу хороводят [Ibid., S. 61].

В конце своего, безусловно, значительного произведения Дах остается верным главной идее элегии о «небесной гравитации» поэтического творчества, не подвластного ни Времени, ни Смерти. Примечательно, что «время» и «смерть» в последней «александрине» стоят рядом друг с другом:

И с ремеслом богов мой стих меня сравнивает:
 Пусть смерть и время-зверь меня все прогоняют
 из этой мастерской во мглу вселенской стужи,
 Мой стих их победит и вечности он нужен [Ibid., S. 61].

Элегия Даха, без сомнения, вписывается в типологию лирического жанра «плача о времени», широко представленного во всех художественных эпохах. Представляется, однако, что в контексте пост-истории с ее «свершившимися пророчествами», особенно в контексте «кёнигсбергского хронотопа», клейменного предельной окончательностью, эта элегия близка к эпической высоте поэтического обобщения. На фоне исторической судьбы Кёнигсберга эмблематическая образность «тык-

венной хижины» в элегии имеет пророческую направленность, достигая эсхатологического предела эмблемы “*cucurbitatum Regiomontanum*”¹. В этой связи можно понять известного ученого Альбрехта Шёне, который придал ей статус «модели» мира (см.: [2, S. 32]). В элегии Даха довольно распространенная в XVII веке метафорика сада приобретает высоту апокалипсической эмблематики: судьба маленького садика с его «тыквенной образностью» стала для Даха поводом для поэтического прозрения в судьбу не только родного города, но и всего мира. А. Шёне нашел аналогию между структурно-композиционной схемой погребального стиха и «Плачем об окончательном разрушении тыквенной хижины». Эту аналогию следует расширить: «Плач» изоморфен не только структуре всего творчества Даха, но и структурно-композиционной динамике всего «текста мира», который, «воспользовавшись» эпическим настроением поэта, «вскользнул» в идейно-смысловую структуру элегии, придав ей коннотативный статус «реквиема» по человеческой истории.

7. Кант и Гаман

Идейное напряжение «последней границы» в дискурсе «островного хронотопа» Кёнигсберга не ослабло и в последующие времена. В XVIII веке главными полюсами этого напряжения стали Гаман и Кант, оба — уроженцы Кёнигсберга и выпускники Альбертины, оба оказали судьбоносное, но диаметрально противоположное влияние на всю последующую культуру Германии. Гаман — «маг с Севера», как окрестили его современники и потомки, и Кант — «маленький маг», как называли невысокого роста философа кёнигсбержцы, несмотря на принципиальное различие, имеют нечто общее, что по праву можно назвать вершиной героического порыва всего Просвещения, а именно порыва к новому, «честному» «проекту мира». Это нечто можно определить следующим образом: Канта и Гамана объединяет особое понимание того, что Кант в предисловии к «Критике чистого разума» назвал «коперниканским поворотом» во всей мировой истории, несмотря на то, что это понимание у них совершенно различно и что каждый из них предлагает принципиально разные рецепты для радикального просвещения. У Канта оно базируется на субъектоцентрической основательности автономного принципа реальности в осознании почти непреодолимого разрыва между субъектом и объективной онтологией, однако в просветительской надежде на этого субъекта, который,

---

¹ Лат. *cucurbita* — тыква (в риторике барокко «тыква» — эмблема быстротечности и бренности), *Regiomons* — гора короля.

согласно Канту, обладает «способностью возвышенных желаний», то есть волей к новой, автономной, но при этом моральной онтологии. У Гамана это понимание основывается на исторической герменевтике с ее христоцентрическим принципом реальности. Гаман, вся система которого есть попытка концептуализации его опыта «встречи с Богом» (см. об этом: [3, с. 124–131]), убежден в неспособности автономной способности разума и исходит из необходимости диалектики «апофеоза»¹ и «антропоморфоза» в онтологическом взаимоотношении между Богом и человеком, заложенной в языковой компетенции человека (см. об этом: [4, с. 14–26]). Однако, несмотря на различие их герменевтик, Канта и Гамана объединяет подчеркнутое осознание «онтологического разрыва»: у Канта – между субъектом и объектом, ставшим «вещью в себе»; у Гамана – между Богом и человеком по вине человека, ибо Бог не хочет этого «разрыва», поскольку «Бог есть любовь»² и поэтому все время близко. «Каждый феномен природной и гражданской жизни, каждое явление видимого мира есть ни что иное, как стена, за которой Он стоит, окно, в которое Он заглядывает, решетка, сквозь которую Он смотрит»³. Трагизм «гамановского логоса» отражает трагедию христианского принципа реальности в истории. Впрочем, в условиях «просвещенного» времени Гаман осознавал всю обреченность своей попытки радикального богоцентрического просвещения, называя себя со свойственной ему иронией «дон Кихотом» Христа.

Если Гаман фактически забыт, не «дочитан», не допонят в своей попытке новой герменевтики, то Кант вошел в историю как один из творцов философии Надежды в принципе реальности Нового времени. Если даже не многие любили метафизические тонкости его философии, то почти все в Кёнигсберге любили самого Канта, благодаря которому город долгие годы носил гордое имя «столицы чистого разума», что связано также с названием основополагающего трактата Канта «Критика чистого разума». Именно в нем «маленький маг» проводит «большую чистку» всей предшествующей философии, заново ставя человека перед фундаментальными вопросами бытия: «1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться?» Отвечая на второй вопрос, Кант обращается к человеку с поразительно простой и одновременно великой формулой праведного отношения к себе и к миру – формулой, которая, по его убеждению, является спа-

¹ Апофеоз – от греч. apotheosis «обожествление».

² См.: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1 Ин. 4:8–10), «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16).

³ Письмо Гамана к И. Г. Линднеру от 22 июня 1759 года [5, S. 352].

сительной как для самого индивидуума, так и для всех остальных: *Поступай так, чтобы максима твоей воли в каждое мгновение могла служить в качестве принципа всеобщего законодательства.* Иными словами: поступай так, чтобы воля в основе твоего поступка могла стать всеобщим законом мира; или поступай так, как бы ты хотел, чтобы другие поступали по отношению к тебе. *То есть, если не хочешь, чтобы ложь была всеобщим законом жизни, начинай с себя: не лги! Если не хочешь, чтобы кража была нормой общества, не кради!* и т.д. Отражая главную идею Просвещения, Кант основывает свою философию на безусловной убежденности в моральной значимости мира, в необходимости нравственного основания любой формы бытия. Это убеждение он вкладывает в необходимую практику политического действия, цель которого состоит прежде всего в создании условий, исключающих войну и ведущих к «вечному миру» в рамках союзного объединения государств, в котором политика и мораль соответствуют друг другу. Это — главная идея его трактата «К вечному миру», ставшая своеобразной путеводной звездой для объединяющейся Европы. *Если человечество не справится с задачей построения «вечного мира», предупреждает Кант, то ему суждено упокоиться в «вечном мире» всемирного кладбища.*

Это — поразительный трактат-предупреждение, особенно сильно действующий в контрасте с исторической реальностью: в колыбели грандиозной идеи всеобщего мира, как и во всей Германии, вырос национал-социалистический монстр Третьего рейха, сделав «столицу чистого разума и вечного мира» заложником и жертвой войны.

8. «Сарматские проекты» И. Бобровского

Уже на этом фоне Кёнигсберг предстает как совершенно особый «знак» мировой истории — религиозно-духовный, историко-философский, художественный и политологический, и в этой связи уже давно следует поразмышлять о различных знаковых номинациях этого культурно-цивилизационного феномена: «Кёнигсберг-миф», «Кёнигсберг-символ», «Кёнигсберг-эмблема», «Кёнигсбергский текст», или дискурс, обладающий особой пророческой уникальностью, узнаваемой отчасти в судьбе взорванного Кёнигсбергского замка, у чьих стен «один», который «мал ростом» [6, с. 126], из новеллы «Пророк» Иоганесса Бобровского изрекает свои пророческие предостережения, никем не услышанные, кроме, может быть, поэтов. Этот текст имеет особую эсхатологическую специфику: он клеймен навязчивой апокалиптической окончательностью. Он стал безусловным символом репетиции или уже начавшейся реальности апокалипсиса, хотя узнавание этой символики требует особого герменевтического напряжения ума

и сердца, вряд ли возможного в постсовременном мире, пораженном вирусом «скорбного бесчувствия» и интеллектуального коллапса. Однако в семиотическом плане, безусловно, внятной представляется трагическая эмблематика старого Кёнигсберга, сгнувшего в передрыгах истории и демонстрирующего всей своей судьбой какую-то почти завораживающую танатологическую эстетику и практику всей мировой, в особенности военно-политической, драматургии. И это, прежде всего, по причине того, что в новейшей истории едва ли найдутся города, которые бы с такой предустановленной последовательностью чуть ли не мистического фатума с его упорствующим порывом к смерти не испытали бы все виды новых «египетских казней», в которых так остро и внятно проявился провал известных «региональных проектов»: от государства Тевтонского ордена западноевропейского средневекового христианства и до тоталитарно-биологического безумия немецкого национал-социализма в 30 – 40-е годы прошлого столетия.

Эта особая эсхатологическая знаковость кёнигсбергского текста представлена в маленькой новелле И. Бобровского «Пророк»¹, которая в силу своей поразительной идейно-художественной сгущенности, обусловленной, кроме всего, и своей жанровой спецификой, без всякого сомнения, представляет собой гениальный образец «эстетической сингулярности», то есть такого состояния художественно означиваемого объекта, в котором диалектически спрессованы его «чтойность» и победившее «Ничто». Эта новелла занимает особое место в последнем четырехлетнем периоде жизни «ГДРского Пастернака» (как называли Бобровского его современники), отмеченном удивительным творческим подъемом, своеобразной поэтической лихорадкой, итогом которой стало появление большинства его наиболее значительных произведений. Точно известно (это отмечено рукой самого автора), что новелла была закончена 10 января 1965 года, то есть за восемь месяцев до его внезапной, досадной смерти 2 сентября 1965 года после неудачной операции аппендицита в больнице берлинского района Купеник. Это небольшое произведение Бобровского предназначалось для антоло-

---

¹ Иоганнес Бобровский родился 9 апреля 1917 года в Тильзите. Гимназию заканчивал в Кёнигсберге. После переезда семьи в Берлин в 1938 году изучал искусствоведение в университете им. Гумбольдта. Еще до войны сблизился с движением христианского сопротивления фашизму. Был призван в вермахт и отправлен на Восточный фронт, где в конце войны попал в плен. С 1945 по 1949 годы работал шахтером в Донбассе. По возвращении из плена жил и работал в ГДР. Был редактором в берлинском издательстве «Унион ферлаг», в котором вышли его поэтические и прозаические произведения. За свое творчество удостоен многих именитых европейских премий. Умер в 1965 году после неудачно проведенной операции.

гии его рассказов, которая готовилась к изданию его другом и издателем Клаусом Вагенбахом. За три месяца до появления новеллы Бобровский в октябре 1964 года признался в письме к другу Манфреду П. Хайну: «Мне кажется, что все бывшее до сих пор — это только преддверие: *собственно значимое*¹ (das Eigentliche), что я должен сказать, лишь только на подходе»².

Само понятие «собственно значимое» сознательно или бессознательно отражает духовно-понятийную укорененность Бобровского в религиозно-философской традиции европейского экзистенциализма, основанной на приоритете глубокого, индивидуально значимого переживания при постижении действительного мира. В важном именно для него дискурсе этой традиции, включающей экзистенциальный христоцентризм немецкого барокко XVII века, особое христианство И.Г. Гамана и последующее развитие вплоть до М. Хайдеггера, понятие «собственно значимое» отражает (прежде всего в терминосфере Хайдеггера) парадигмальное стремление к освобождению от анонимного “map” истории, то есть от «не-собственного», от не-сущего, от ложной онтологии. В русле этой традиции для Бобровского особое значение имел «маг с Севера», кёнигсбергский мыслитель XVIII века, современник и приятель Канта И.Г. Гаман, бывший его «прародителем и наставником»³. В отличие от Канта, однако, Гаман развивает не философию разума, а совершенно своеобразную «теологию чувства», не имеющую, однако, ничего общего с прославлением иррациональных, анонимных чувственно-страстных состояний, которые в христианской традиции узнаются как силы греховности. «Чувственно-страстное отношение» в понимании Гамана — это высшая степень экзистенциально-личного, интимного отношения человека к Богу, природе, истории, Священному Писанию, другому человеку. В его основе — тайна Любви, которой человек, являющийся образом и подобием, владеет как совместным с Богом даром. Чудо в том, что при всей огромной субстанциальной разности между Богом и человеком, они могут свободно любить. И именно в Любви Бог, согласно Гаману, нисходит к человеку в слове природы, истории и Писания. Бог обращается к человеку в Библии, но также и в каждом явлении действительного мира, в исторических событиях, в текстах литературы и философии, в самой природе. И поэтому, считает Гаман, «мы все способны стать

---

¹ Курсив наш. — В. Г.

² Цитируется в переводе автора по изданию [7].

³ В этом плане Бобровский солидарен с оценкой Гёте в отношении Гамана, данной им в «Итальянском путешествии»: «Хорошо, если у народа есть такой прародитель и наставник; для немцев подобным законоучителем со временем станет Гаман» [8, с. 94].

пророками. Все явления природы суть сны, лики, загадки, имеющие свое значение, свой тайный смысл. Книги природы и истории суть нечто иное, как шифры, сокрытые знаки, для которых необходим ключ, излагаемый Священным Писанием и являющийся целью его вдохновенного воздействия» [9, S. 308]. Таким ключом, таким эпицентром в герменевтике Гамана является Христос как предельное Откровение Бога в живом Логосе, в Слове: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1:14). Под влиянием Гамана Бобровский развивает его идею пророческой миссии подлинной поэзии и пытается реализовать ее в своей художественной практике.

В русле этой традиции с ее надеждой на особую «теологию чувств», столь значимой для Бобровского, — датский экзистенциалист С. Кьеркегор с его идеей «прыжка к Богу», благодаря катапульте эстетического или морально-этического переживания, и знаменитый теолог Карл Барт с его диалектической теологией, идеи которой вошли в круг религиозной семьи Бобровских еще в 30-е годы прошлого столетия через посредничество теолога Ганса Иоахима Иванды, имевшего академическое образование. Эсхатологические идеи этой традиции нашли свое отражение и в новелле Бобровского, однако в характерном для него синкретизме христианского экзистенциализма и развиваемого им мифа «сарматского Востока». В творчестве Бобровского «сарматский топос» представляет собой тематическую доминанту и главный повод для преображающего воспоминания о «потерянном времени» и для «сотериологического проекта» истории, что намечено уже в его первом поэтическом сборнике «Время сарматов» (1961), принесшем поэту всеевропейскую известность. Сарматией античные авторы называли край между Вислой и Неманом, основу населения которого до времен завоевания Тевтонским орденом составляли языческие пруссы. Но в творчестве Бобровского Сарматия предстает не как географическое пространство, но прежде всего как «место истории», а точнее как «локус» сгущенной исторической вины народов по отношению к друг другу, начиная от насильственной колонизации немецкими рыцарями Пруссии, Эстонии, Лифляндии и Курляндии в средневековые времена и заканчивая массовыми убийствами евреев и славян в годы Второй мировой войны и последовавшим затем изгнанием гражданского немецкого населения из Пруссии. «Сарматский топос» предстает у Бобровского как топос общей вины и общей судьбы, но одновременно и как «топос надежды» на очищающую и преображающую память.

Именно на этом фоне складывается экзистенциальная философия Бобровского, в эпицентре которой находится идея диалогичности. «Собственно сущая экзистенция», то есть глубоко индивидуальное существование, основанное на чувственном переживании истинности или ложности действительных положений дел, всегда имеет диалогиче-

скую природу. Пребывающий в этой экзистенции человек чувствует себя вольным или невольным участником сущностно значимого диалога, в котором он на разных уровнях духовно-чувственной рецептивности воспринимает направленное к нему обращение — Бога, Истории, Культуры, Другого... Бобровский чувствует себя «аккузативом», то есть «винительным», но одновременно и «вокативом», то есть «звательным» актантом, включенным в пропозицию драматического диалога с хронотопом, пространством-временем, исчезнувшей с карты и исчезающей в исторической памяти Сарматии, «Земли теней и рек», как называется второй его поэтический сборник. Собственно, поэт оказывается под «винительным» и «вокативным» воздействием «топоса исчезновения», что в какой-то степени роднит его с Владимиром Набоковым с его «потерянным раем» детства и России или с Исааком Бабелем с его грустной симпатией по отношению к исчезающему жизненному укладу и истребляемому еврейскому населению в предреволюционной и революционной Малороссии. Кстати, помимо Роберта Вальзера и Германа Зудерманна именно Бабель был одним из истоков уникального стиля прозаических произведений Бобровского. «Сарматской диалогичностью» проникнуто все творчество Бобровского, которое в целом представляет собой в конечном счете уникальную художественную попытку ответа и ответственности: на этом диалоге основываются все его поэтические проекты — «проект Памяти», «проект Надежды», «проект Пророчества». «Сарматский топос» является у него топосом инициации «антропологического сценария» Памяти как воспоминания не только о прошлом, но и о будущем, что одновременно связано у Бобровского с миссией пророческого предостережения и со «сценарием Надежды». Именно Надежды, и это несмотря на его почти лютеровскую серьезность при постановке вопроса о том, возможен ли вообще диалог между человеком и историей, несмотря на его «пограничное сомнение», выраженное, например, в парадигмально значимом стихотворении «Отречение» с его основной идеей:

Новое никогда не начиналось.

Или в стихотворении «Могила Зильхера»:

...в молчанье без имен и без памяти.
Лишь тень от рук повисших и сомкнутых,
речей ушедших отзвук. Больше
нет ни вопросов здесь, ни ответов [6, с. 64].

Или в стихотворении «Каунас 1941»:

И так мы шли все дальше, слепых сердец орда... [10, S. 61].

Но Бобровский все же остается поэтом Надежды, и это — поистине «парадоксальная надежда»¹, которая не имеет рационального оправдания в его художественном дискурсе, поскольку не только в христианской рациональности, но и в целом в последовательной логике культурного *ratio* отражено сознание того, что уже «вышел последний срок — для всех» [6, с. 129].

Именно так начинается последний абзац новеллы «Пророк», и это начало имеет навязчивую интертекстуальную связь с «Откровением от Иоанна Богослова»: «И Ангел... поднял руку свою к небу и клялся... что времени уже не будет» (Откр. 10:5–7). Новелла Бобровского проникнута почти апокалипсической безнадежностью, поскольку, несмотря на обозначение «коричневых» как конкретной инкарнации совершенной силы зла, в ней отсутствует указание на противостоящие ей силы добра. Все противовесы, сопротивляющиеся тотальному превосходству совершенной организации зла, — пророчествующий литовец, уличный флейтист Прейсс, пьянчуга из анекдота, настоятель собора — лишены какой-либо праксиологической эффективности, что подчеркнуто поистине апокалиптической иронией, которая доминирует в авторской стилистике в отношении заглавных «агентов добра». Однако главный признак авторской безнадежности в новелле выражен в интертекстуальной доминанте «вечного возвращения» в герметическую закрытость обреченного на смерть города, который маркирован всеми типологическими маркерами «места проклятия» — Вавилона, Рима: этот город, «как и Рим, стоит на семи холмах» [6, с. 124]; этот город, как Вавилон Вальтасара, не различает огненного «менетекла», начертанного на его стенах. Причем это «возвращение» — всегда без последствий — герменевтических, практических, просветительских, преображающе-мистических и т.п. — по причине того, что «история... ныне сохраняется больше для красоты» [Там же, с. 125], чем для преображающего восприятия пророческого предостережения «тихого литовца», благодаря которому можно было бы улучшить мир. Это «возвращение» — вечное вращение в замкнутом пространстве плотной герметичности настоящего, в пространстве вечного безвременья предустановленного ада, из которого нет выхода ни в прошлое, ни в будущее, а есть только невыносимо удушливое «опространственное» настоящее, что подчеркнуто доминированием формы настоящего времени в тексте. Время новеллы — функция от абсолютно закрытого пространства, точнее это — ложное время, ставшее ложным пространством, время, опредметившееся в архитектонику обреченности. В этом пространстве, замкнутом в самом себе, нарастает энтропия ду-

---

¹ Об этом пишет Сабина Эггер в своей статье о лирике Бобровского [11].

ховной безысходности, что подчеркнуто глухотой и слепотой гордого самим собой города, не способного услышать пророческое предостережение литовского Даниила: «Блюдите заповеди Божьи». Гордыня этого уже приговоренного к гибели города имеет все атрибуты цивилизационной академической самоуверенности и самоуспокоенности: он «гордится своим университетом, академией художеств и процветающими научными обществами, в том числе даже обществом любителей древности» [6, с. 124]. И что на этом респектабельном фоне «тихий литовец» с его «умственной неполноценностью», или уличный флейтист, грозящий «коричневой колонне» «своей флейтой», или «воскресный богомол-пьянчуга» с его пьяно-святым приговором «Моего Иисуса не выдам!», или настоятель собора, до которого тоже доберутся?..

Эта самоубийственная гордыня, поддержанная архитектурной монументальностью и академической серьезностью, столь же неизменна, как «вечное настоящее» города на семи холмах, отчужденного от «времени жизни», суть которого в синергичном движении от истинных «архе» = начал к истинным «телосам» = целям. В этом городе время утрачено, что подчеркнуто фактическим отсутствием «временной лексики» и абсолютным преобладанием «пространственных знаков», отражающих тотальное господство предметной материальности. Но апокалиптический парадокс новеллы заключен в том, что читатель хорошо знает: все, что в тексте предстает как предметно величественное — и многочисленные церкви, и бастионы, валы, форты, и «замок с восьмигранной угловой башней», и бронзовый кайзер на каменном постаменте — вся эта чрезмерность цивилизационной материи с ее благообразностью «к удовольствию горожан» лишена бытийной устойчивости и уже почти полностью разрушена. Все это оказалось не «архитектурой жизни», а привлекательной в своей эстетической оптике, но обреченной на гибель свалкой разбожествленной, обездушенной, бессмысленной материи, что мистическим образом подтвердил неизвестный солдат или переселенец, написавший после штурма над могилой Канта: «Теперь ты познал, что мир материален». Поэтому вся подробно описываемая топография города, хорошо знакомая Бобровскому, жившему в нем с 1928 по 1938 год, предстает как топография уже свершившейся смерти, что подчеркнуто библейскими и историческими аллюзиями — Рим, Вавилон — и возвращает в типологию известного противостояния — пророк и город как сгущенная определенность падшего принципа реальности. «Тихий пророк-литовец» повторяет свое предостережение, стоя у бронзового памятника кайзеру Вильгельму, подобно пророку Даниилу перед Вальтасаром. Художественное означивание пространства города в новелле Бобров-

ский осуществляет в дискурсивном ключе основополагающей для его картины мира оппозиции «бытийствующее Ничто» и «не-бытийствующее Все». Иллюзорное бытийствование оптически могучего города, чья типологическая судьба уже предрешена, находится в обостренном противоречии с оптическим «почти-отсутствием» маленького пророка. «Вечное возвращение» типологического конфликта «пророк — мир» подчеркнуто отсутствием имени как у пророка, так и у города. Кёнигсберг ни разу не назван, хотя филигранная точность представленной в новелле топографии не вызывает сомнения о том, что это он. Отсутствие имени идейно значимо, поскольку оно всегда референтно соотносено с обозначаемым объектом: имя отсутствует, потому что нет города, несмотря на его кажущееся сверхизбыточное материальное присутствие. Город видится Бобровскому как «вечный город» «вечно-го возвращения» смерти...

9. Остров надежды

Один из важнейших интертекстов в художественной структуре новеллы Бобровского — диалог с Кантом, который легко узнается через текстовую аллюзию на знаменитое примечание философа о Кёнигсберге в его сочинении «Антропология с прагматической точки зрения»: «Большой город, центр государства, в котором находятся правительственные учреждения и университет (для научной деятельности), город, связанный с морской торговлей и расположенный на реке, что содействует общению с внутренними областями страны, а также со странами, где говорят на других языках и господствуют иные нравы, — такой город, как, например, *Кёнигсберг* на Прегеле, можно считать подходящим местом для расширения знания о людях и о мире...» [12, с. 139]. Бобровский относится к Канту скептически уже по причине того, что в его проекте «сарматского просвещения» более значим антипод Канта — Гаман.

Но все же именно Кант с его надеждой на человеческую способность возвышенных желаний, укорененную в факте, казалось бы, ничем не обусловленной воли к моральному поступку, предстает как реалистическая перспектива для регионального логоса. Философия надежды Канта узнается как честная надежда на фоне его «коперниканского поворота», открывшего непреодолимость «онтологической дистанции» между субъектом и объектом и в этой связи новую субъектоцентрическую онтологию, судьба которой полностью зависит от человека. Даже выживание этой онтологии зависит от вопроса, возможна ли свобода, то есть от того, способен ли человек к практической реализации свободной причинности морального закона? Если «да», то путь

ведет к «свободному союзу народов» и «вечному миру»; если «нет», то — к «вечному миру на церковном погосте человеческого рода». Следует подчеркнуть, что сама история подтверждает правильность кантовского прозрения в реальность «онтологического разрыва», о чем свидетельствует также философия и литература постмодернизма. Трагизм «кантовского логоса» прежде всего в том, что Кант — «Коперник философии» — изменил мир в направлении «чистого разума», но не смог добиться главного — изменить его в направлении «практического разума».

Этот «дефицит Канта», или дефицит добра, стал безусловным поводом для одного из самых драматичных писателей калининградской литературы Юрия Иванова назвать свой последний роман — роман судьбы — «Танцы в крематории» [13] и посвятить его литературно-художественному осмыслению опыта ада Кёнигсберга в первые послевоенные месяцы. Само название — это апокалипсическая метафора, но не только для города, сожженного бомбежками (прежде всего, ковровыми бомбежками англо-американской авиации в конце августа 1944-го) и штурмом весны 1945-го, и для его полуживых теней (детей и стариков поверженного в прах Кёнигсберга), но и для всего человечества. Художественный гений Иванова не ошибся в его диагнозе Кёнигсберга, трансформирующегося в Калининград, поскольку в своем опыте страдания тех, кто стал заложником войны и всеобщего безумия, порождающего войны, он прозрел хрупкую грань между виновниками и жертвами, когда различие почти не различаемо. И это при том, что Юрий Иванов, родившийся в Ленинграде в 1928 году, вступил в полуразрушенный Кёнигсберг в апреле 1945-го как трубач в составе похоронной команды одного из подразделений Красной Армии и был одним из тех, кто разрушал, разбивал, крушил, потому что все немецкое казалось фашистским после трех лет блокады Ленинграда и после тысяч и тысяч погребенных им в неисчислимых братских могилах солдат и офицеров Красной Армии. Но какой-то великий гений русской духовности в нем сумел разглядеть, различить и, в конце концов, понять всю трагичность человеческой истории, сведенной Ивановым к общему метафорическому знаменателю «танцев в крематории». И в этом «крематории» человеческой истории уже не спасает то, на что так рассчитывали все отчаянные ренессансы мировой драмы, — любовь. В романе Иванова русско-немецкими Ромео и Джульеттой оказываются героический капитан-танкист Николай Белов, подбивший в своем последнем бою семь «тигров» и потерявший левую ногу, и простая немецкая девушка Виктория, «робкая душа» завоеванного Кёнигсберга. Но любовь не спасает и не примиряет враждебные миры: Викторию в процессе массовой депортации немцев высылают в Германию, Николай — «два ордена Отечественной войны, три Красного Знамени и еще большущий редкий орден Александра Невского,

да и медали» [13, с. 135] — лишен воинского звания и боевых наград за «любовь к представительнице вражеского населения». А потом «холодно, спокойно со мной попрощался. Отправился к себе домой и застрелился. Из пистолета. Вот сюда, посреди бровей...» [Там же, с. 378]. Это — предпоследние слова автора в последней главе под названием «Прощание навсегда».

И в этом прощании ясно узнается и еще что-то, по-настоящему христианское и доброе, что-то, что повторилось с еще более ясной отчетливостью в фотографической исповеди калининградского фотографа Дмитрия Вышемирского под названием «Кёнигсберг, прости» [14]. «Станный город. Странствующий. Неприкаянный. <...> Город, притаившийся в истории и в мыслях своих жителей. Кто Ты? Кёнигсберг? Калининград? Не знаю. Но я знаю, что Ты — мой город. Я люблю Тебя уже больше сорока лет — столько, сколько помню себя» [Там же, с. 236].

В этой исповеди чистых сердец узнается то, что ближе всего к сокровенной сути «русской идеи», сформулированной, например, в знаменитой речи Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике в Доме русской словесности в Москве в 1880 году: «Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу Петра, но, несомненно, уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высокую цель. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций» [15, с. 457]. Русское «прости» Иванова и Вышемирского получает в контексте этого духовного завещания великого писателя общечеловеческое звучание, ставя перед народами задачу поиска единого духовного интеграла, который понимается Достоевским как творческий синтез и взаимопроникновение на основе евангельского закона жизни. И в этой связи в «островной идее» Кёнигсберга-Калининграда обнаруживается мощный фактор исконной духовной пассионарности русского народа: «...Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всеобъединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [Там же, с. 458]

В этом «прости» узнается, с одной стороны, евангельское слово Христа: «Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благославляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Мтф. 5:43). С другой — кантовское

убеждение в том, что «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали, и хотя политика сама по себе — трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не в состоянии распутать до тех пор, пока они спорят друг с другом» [12, с. 49].

Поэтому, несмотря на «ад истории», отказавшейся от закона Любви Христа и от «морального закона» Канта, несмотря на постмодернистскую усталость в поисках «формулы жизни» для человечества, у него все еще остается время для создания новой онтологии Надежды.

И само провидение уготовило Калининграду миссию быть «заложником» этой онтологии, а именно — онтологии морального принципа, необходимость которой для выживания человечества доказывал Кант, назначив моральный закон мостом не только к вечному миру, но и к Богу. Само имя Канта — Иммануил — означает в древнееврейском языке «Бог с нами». И вряд ли стоит русскому Православию испытывать духовную аллергию в отношении философа, не постигнувшего идею единсущности Христа и Бога, Сына и Отца, в чем упрекал Канта и его кёнигсбергский антипод Гаман. Кант, несмотря на дуалистическое «эпохе»¹ эпохи Просвещения, не отрекается от того, что и богоцентрическое сознание признает сущностно необходимым, — от «категорического императива» совести. Собственно, для такого сложного региона, как Калининград, единственным региональным проектом должен стать «проект Иммануил», призванный «открыть окно» в «онтологию совести», основой которой является гражданское общество с приоритетами долга, ответственности, терпимости, образования.

Вольно или невольно большинство политиков, историков да и простых людей понимают, что Калининград занимает особое место в «сценариях будущего», особенно в «сценарии Надежды», поскольку он является своеобразным перекрестком, на котором сходятся дороги многих стран, ведущие в будущее. Но это не только геополитический или «технологический» перекресток России и ЕС. В большей мере это — духовно-нравственный перекресток, своеобразная духовно-политическая сверхзадача. В этом смысле Калининград мог бы стать поистине *звездным перекрестком* со своей особой «технологией Надежды», о которой мечтали и мечтают многие в нашем мире, стать центром нового

---

¹ Эпохе (от греч. εποχή — остановка, прекращение) — в феноменологии Гуссерля выступает как средство, с помощью которого предмет или положение вещей путем феноменологической редукции выключается из обычных эмпирических связей. В результате предмет входит как идея-сущность в сферу «чистого сознания», благодаря чему сознанию открывается его «смысл».

Просвещения, в развитии которого узнается и особая миссия Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. За последние годы этот университет стал мощным научным и образовательным центром, призванным к тому, чтобы в «точке бифуркации»¹ современной цивилизации содействовать жизненно необходимой реабилитации «практического разума» Канта с целью установления в мире единственной диктатуры, способной противостоять расчеловечиванию человека и создать условия для общепланетарной интерсубъективности — диктатуры Совести.

Список литературы

1. *Simon Dach und der Königsberger Dichterkreis*. Stuttgart, 1986.
2. *Schöne A. Das Zeitalter des Barock. Texte und Zeugnisse*. München, 1963.
3. *Гильманов В. Герменевтика «образа» И.Г. Гамана и Просвещение*. Калининград, 2003.
4. *Гильманов В. «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2005. №3. С. 14–26.*
5. *Hamann J. G. Briefwechsel: in 7 Bde. Wiesbaden; Frankfurt a/M, 1955–1979. Bd. 1.*
6. *Бобровский Иоганнес. Избранное*. М., 1971.
7. *Völker K. Nachwort zu „Mäusefest“ J. Bobrowski's*. Berlin, 1995.
8. *Гёте И. В. Собр. соч.: в 10 т. М., 1980. Т. 9.*
9. *Hamann J. G. Sämtliche Werke: 6 Bde. Wien, 1949–1957. Bd. 1.*
10. *Bobrowski J. Gesammelte Werke: in 6 Bde. Stuttgart; Berlin, 1987. Bd. 1.*
11. *Egger S. „Eine Schattenfabel von den Verschuldungen“*. Deutsch-osteuropäische Geschichte in der Lyrik Johannes Bobrowskis. URL: <http://www.johannes-bobrowski-gesellschaft.de/jb/colloquium.html> (дата обращения: 10.05.2008).
12. *Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7.*
13. *Иванов Ю. Танцы в крематории. Десять эпизодов кёнигсбергской жизни*. Калининград, 2006.
14. *Вышемирский Д. Кёнигсберг, прости*. Б. м., 2007.
15. *Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 10.*

---

¹ Бифуркация (от лат. bifurcus — раздвоенный) — разветвление в траектории движения системы в определенной точке.

*Сергей Мазур, Алексей Романов
(Рига, Латвия)*

РУССКИЙ МИР И ЛАТВИЯ

Ежеквартальный альманах «Русский мир и Латвия» издается в Риге обществом "SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS". В 2004 – 2011 годах вышло 24 его выпуска. Программа альманаха разработана исследовательской группой, в которую вошли кандидат философских наук Алексей Романов и издатель Сергей Мазур. Основные направления исследований, ведущихся в рамках альманаха, – изучение наследия выдающегося фольклориста и историка русской культуры в Латвии Б.Ф. Инфантьева (С. Мазур), философское осмысление феномена русской интеллигенции в Латвии (А. Романов), публикация архивов архиепископа Иоанна (Поммера) (Ю. Сидяков), обсуждение актуальных вопросов гуманитарной культуры ведущими российскими философами (А. Романов), исследование современной русской культуры в Латвии.

Русская культура, независимо от того, где она проявляет себя – в Латвии, Литве, Эстонии или в России, – нисколько не теряет от своей изоморфности. Однако первые попытки самоописания культуры вне России (здесь мы говорим прежде всего о русской культуре в Латвии) со всей очевидностью показывают: критерии, применимые для характеристики русской культуры в России, могут не подходить для ее описания вне пределов страны.

Что же представляет из себя русская культура в Латвии и насколько она является аутентичным социальным феноменом? Этим и другим вопросам было посвящено исследование «Русская культура вне России — опыт Латвии», проведенное летом — осенью 2007 года обществом "SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS". Начало этому положила инициатива представителей русской интеллигенции из Латвии, России и других стран. Программа работы была разделена на два этапа. В ней приняли участие исследователи русской культуры и языка в Латвии (доктор педагогики, историк Борис Инфантьев, доктор исторических наук, исследователь православия в Латвии Александр Гаврилин, доктор филологии Игорь Кошкин и др.), специалисты в различных областях культуры (доктор искусствоведения, музыковед Борис Аврамец, председатель сената Балтийской международной академии профессор Станислав Бука, доктор информации и коммуникации Сергей Крук, доктор филологии, ассоциированный профессор Латвийского университета Сильвия Павидис и др.), а также эксперты, способные дать развернутую оценку ведущих тенденций в русской культуре Латвии (доктор философии, политолог, профессор Латвийского университета Юрис Розенвалд, директор программы управления культурой Балтийской международной академии Ирина Маркина, художественный руководитель театра «Дайлес» Михаил Груздов, поэт Владимир Френкель и др.).

Второй этап исследовательской программы, получивший название «Три века русской культуры в Латвии», был поддержан фондом «Русский мир». Результаты исследования обсуждались на семинарах 2009 года и были опубликованы в № 17 — 20 альманаха «Русский мир и Латвия».

Обзорно охарактеризуем основные тематические группы, определившие направление дискуссии в рамках этого исследования.

Метрополия — колония

«Почему русская культура в Латвии по отношению к "материковой" культуре воспринимается как провинциальная, маргинальная, а не как ее часть?» (Гарри Гайлит, театральный критик, Латвия).

«"Метрополия" создает "колонию", перенося в нее образцы поведения и формы жизни, нормы культуры и стереотипы институционального оформления деятельности» (Марк Меерович, профессор Международной академии архитектуры, доктор исторических наук, Израиль).

Исследование 2007 года «Русская культура вне России — опыт Латвии» не касалось этого вопроса, поэтому основные выводы мы делали на основании трудов историка русской культуры Б.Ф. Инфантьева,

который исследовал традиционную русскую культуру, прежде всего фольклор, сравнивая ее с традиционной латышской культурой.

Б. Ф. Инфантьев родился и вырос в провинциальном латвийском городе Резекне. Резекне (или Режица) стал одним из центров русской культуры Латвии: этот город был связан с именами таких выдающихся деятелей, как писатель и литературовед Ю. Тынянов и известный деятель старообрядчества И. Н. Заволоко.

В своих работах Б. Ф. Инфантьев предпочитал говорить о «балто-славянской культуре», включая в нее элементы традиционной культуры как русских, так и белорусов, поляков и т. д. Очевидно, что на традиционную культуру в балтийском регионе не «пересаживались» ценности метрополии, так как время возникновения Российской империи относится к петровской эпохе, то есть к XVIII веку, а балто-славянская культура насчитывает больше тысячелетия. В период Первой Латвийской Республики (1918–1940) русская культура противостояла советской, о чем Б. Ф. Инфантьев упоминает в своей автобиографии. Вопрос же о том, при каких обстоятельствах у провинции возникнет шанс стать равноправной столицей в культурном аспекте, на наш взгляд, больше применим к современным реалиям, а не к 20–30-м годам XX века – времени формирования современной русской культуры в Латвии.

Сохранение русского языка

«До некоторого времени был уверен, что культура сохраняется благодаря языку. Но совсем недавно узнал про Ирландию, что, дескать, там англичане запрещали и останавливали развитие ирландского языка. Развивали только английский. Но культура ирландцев тем не менее сохранилась. Хотя, конечно, они жили на своей земле. Земля, а еще кровь, род – вот что способствовало развитию ирландской культуры. Примеры: Джойс, Свифт, Конан Дойль, Леннон, Рурк (актер) и проч. Таким образом, формулирую общие вопросы: состояние русского языка в современной Латвии, каково оно? Другие механизмы воспроизводства русской культуры – есть ли они и в каком состоянии находятся?» (Леонид Чернов, кандидат философских наук, Россия).

Проблема сохранения русского языка в Латвии обсуждалась на страницах альманаха «Русский мир и Латвия» в нескольких дискуссиях.

На вопрос: «Как вы оцениваете место и будущее русского языка в сегодняшней Латвии?» участники дискуссии давали разные ответы. Так, профессор Латвийского университета доктор филологии Игорь

Кошкин считает, что «с социолингвистической точки зрения мы имеем дело с вариантом русского языка на территории Латвии, по разным аспектам мотивации аналогичным тому, что было в годы Первой Латвийской Республики, но с учетом того, что тогда была другая социальная структура общества, другой уровень взаимодействия, связанный с другим опытом контактирования. Социолингвистический вариант русского языка — это очень хорошо, потому что русский язык, кроме метропольного языка в России, имеет разного рода диаспорные формы». Иную оценку нынешней роли и будущего русского языка в Латвии дала доктор филологии, профессор Балтийской международной академии Ирина Диманте в статье «Языковые контакты: двух- и трехязычие на территории Латвии XVIII—XXI вв.», опубликованной в VIII и IX выпусках альманаха (2007). Для автора ситуация с русским языком в Латвии представляется исторически обусловленной. Отклонению русской речи в Латвии от речи жителей России, с точки зрения Ирины Диманте, способствует политический процесс, связанный с введением закона о государственном языке и переходом высших учебных заведений и школ на латышский язык. Это неизбежно приводит к утрате знаний литературных форм и вытеснению русского языка в бытовую сферу с ее диалектическими и просторечными формами, и как результат — «письменный литературный русский язык в Латвии перейдет в область пассивного владения».

Настоящему и будущему русского языка в Латвии в альманахе «Русский мир и Латвия» посвящен целый ряд специальных публикаций, среди которых отметим обзорную статью Сергея Мазура «К вопросу о формировании языковой ситуации в Латвии». Работа отражает полемику вокруг русского и латышского языков, прежде всего представленную статьями сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Светланы Рыжаковой «Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования» и Павла Тюрина «Латышское немногословие русских, или "язык мой — враг мой"». Критика позиций С. Рыжаковой и П. Тюрина в статье С. Мазура связана с отрицанием представлений о гипертрофированной роли политики в судьбе русского языка.

Русская культура и православие

«Есть ли основания рассматривать русскую культуру как фантом утраченной (утрачиваемой) православной (христианской) культуры с подобной фантомным болям "ностальгией" по ампутированной части тела?» (Павел Тюрин, доктор психологии, Латвия).

«Является ли русская культура рефлексией на латышскую культуру?»
(Владимир Соколов, общественный деятель, Латвия).

Вопрос о том, можно ли считать русскую культуру фантомом утраченной (утрачиваемой) православной (христианской) культуры, обсуждался в статьях альманаха «Русский мир и Латвия» и в дискуссиях на семинарах в Риге.

Ведущий исследователь истории православия в Латвии доктор исторических наук, профессор Александр Гаврилин в статье «Русская культура и православная церковь в Латвии?» отвечает на него отрицательно. А. Гаврилин считает неправомерным соотносить православные ценности только с культурой русского населения Латвии: «...Среди русского населения Латвии всегда были и есть представители других религиозных конфессий — католики, баптисты и др.».

До Первой мировой войны русские православные приходы на территории Латвии были исключительно городскими. Сначала их основу составляли чиновники, купечество и военнослужащие, а со второй половины XIX века — с началом индустриализации — они пополнились фабричными рабочими.

Представители русской гуманитарной интеллигенции в XIX веке за редким исключением не выбирали территорию Латвии местом постоянного проживания. Разумеется, можно вспомнить Евграфа Чешихина, посвятившего всю свою жизнь изданию первой русской газеты «Рижский вестник», переводам и публикации источников по истории Прибалтики, написанию «Истории Ливонии». Можно назвать представителей православного духовенства, которых присылали сюда из центра империи: викарного епископа Рижского Филарета (Гумилевского), автора первого исследования по истории Русской православной церкви, первые тома которого впервые были изданы в Риге; ученого-богослова архиепископа Рижского и Митавского Филарета (Филаретова); архиепископа Арсения (Брянцева) — прекрасного проповедника, любителя истории; архиепископа Агафангела (Преображенского) и многих других. Все они были прежде всего миссионерами, посланными главным образом для работы с местным коренным, то есть латышским и эстонским, населением. Представителей же русской гуманитарной интеллигенции было крайне мало. Поэтому вплоть до образования независимой Латвийской Республики вряд ли можно говорить о формировании на территории Латвии какой-то особой русской культуры.

Думается, что свою роль в формировании русской гуманитарной культуры в Латвии православие сыграло в 20–30-е годы XX века. Почти все русские общественные организации в период Первой Латвийской Республики так или иначе связывали свою деятельность с православными ценностями, в их уставах были прописаны тезисы о сохранении русской культуры. Фактически все русские общественные организации Латвии любое свое мероприятие начинали с молитвы. Как правило, в их оргкомитеты входили представители православного духовенства. Но это были люди совершенно другой культуры, не имеющей ничего общего с культурой современного латвийского общества.

Во-первых, современное русское общество в Латвии, в большинстве своем светское, имеет только смутное представление о православных ценностях. Во-вторых, русская гуманитарная интеллигенция Латвии 20–30-х годов XX века (в основном эмигрантская) ориентировалась на высокую миссию — быть последней хранительницей русской культуры, святого православия и в тот час, когда падет большевизм, вернуть святыни на руины разоренной России. Отсюда — все старания интеллигенции сохранить как собственную национальную культуру, так и вероисповедание своих предков, хотя она и не всегда могла найти общий язык с основной массой русского населения Латвии — с крестьянами Латгале и Яунлатгале (Абрене).

У нынешней русской интеллигенции Латвии такой цели нет. Сегодня не составляет никаких проблем переехать границу России, однако мало кто из русских Латвии мечтает о возвращении на свою «историческую родину». Следовательно, здесь им более комфортно. Не секрет, что в России гуманитарная культура сейчас стремительно развивается, и вместе с тем ее составная часть за пределами страны — культура диаспоры — не является источником ее формирования и уж тем более не ставит перед собой цель сохранять культуру многомиллионной России. Нельзя забывать и о том, что большинство православных в Латвии — это неопиты, принявшие крещение сравнительно недавно, только в 90-е годы XX века, поэтому тема православных ценностей в жизни русского населения Латвии во многом остается открытой.

Уточнению этого вопроса была посвящена заключительная часть XLVIII Чтений памяти архиепископа Иоанна (Поммера) 12 октября 2009 года. Архиепископ Иоанн (Поммер) — первый святой Латвии, канонизированный православной церковью в 2001 году. В некотором смысле это ключевая фигура для понимания Латвии периода 20–30-х го-

дов XX века, особенно ее русской составляющей. Однако тезис о православии как главном источнике русской культуры на XLVIII мемориальных Чтениях подвергся критике, так как ряд явлений в жизни русской Латвии выходил за пределы православия. Например, старообрядчество в 1920-е и 1930-е годы также было одним из источников формирования русской культуры той эпохи. Другой важнейший ее источник — русская литература и язык.

Русская культура как национальная культура

«Каковы перспективы и границы любой национальной культуры? И насколько важно сегодня эти границы сохранять и в них находиться? Может, суть сегодняшней культурной ситуации — именно в преодолении национальных рамок и в возвращении культуры к самой себе, особенно после национального дурмана и порожденных им кровавых рек XX века?» (Дмитрий Мацнев, предприниматель, Латвия).

«Что такое русская культура сегодня? Кто-нибудь вообще это знает? Поскольку тема задает соотношение русской культуры здесь, в Латвии, и там, в метрополии, то, может, надо сначала выяснить, что с чем соотносится, то есть что такое русская культура там и что она — здесь?» (Харий Туманс, доктор исторических наук, Латвия).

«Может ли Россия обойтись без культурного вклада зарубежных соотечественников?» (Николай Гуданец, поэт, Латвия).

Одним из результатов исследования 2007 года «Русская культура вне России — опыт Латвии» стал вопрос о субъектности русской культуры в Латвии и ее дискретности в исторической преемственности.

Проблема дискретности в преемственности русской культуры хорошо видна при сравнении периодов 1920—1930-х годов и современной Латвии. Со смертью Б.Ф. Инфантьева оборвалась, вероятно, последняя нить, соединяющая русских Латвии, живших в Первой Латвийской Республике, с нашими русскими современниками.

Та же проблема дискретности актуальна для взаимосвязи современных русских культур вне России — как внутри самих себя, так и с Россией. Культуры вне России (мы имеем в виду прежде всего Латвию) существуют в ситуации, исключающей участие государственного образования в их воспроизводстве. Поэтому особенностью данного этапа (начиная с 1991 года) является, наряду с переосмыслением взаимодействия культуры и «этнической аутентичности», интенсификация культурных связей с Россией.

Русская и латышская культуры

Фактически единственным исследователем взаимовлияния русской и латышской культур — как традиционных, так и современных — до 2009 года, то есть до своей смерти, оставался Б. Ф. Инфантьев. Альманах «Русский мир и Латвия» с 2009 года начал публикацию его книги «Миф о русских в латышской литературе». Книга Б. Ф. Инфантьева — уникальный источник для понимания восприятия русских в латышской культуре XVIII — XXI веков, позволяющий проследить изменения в отношении латышских писателей к миру русских в Латвии.

Интересным открытием Б. Ф. Инфантьева стало то, что размежевание латышских писателей по отношению к русскому вопросу произошло именно в 1944 году (а не в 1940-м, как это обычно представляется в СМИ). Заслуге исследователя принадлежит и выделение факторов, способствовавших отходу от первоначального уважительного отношения к русским в дореволюционной Латвии.

Понимание особенностей восприятия русских в Латвии со стороны латышей могло бы изменить так называемое национальное самосознание русских в Латвии. Ведь именно незнание своей собственной и латышской культуры ведет к нынешней дезинтеграции латвийского общества, к проявлениям отчуждения и нетерпимости как в политике, так и в бытовой сфере.

МОЛОДЕЖЬ XXI ВЕКА (размышления студентов)

Век расшатался — и скверней всего,
что я рожден восстановить его!

У. Шекспир

Природные катаклизмы, экологические катастрофы, необратимые техногенные процессы, вызванные деятельностью человека, войны, ядерная угроза, терроризм, борьба за мировое господство, непримиримые политические разногласия, информационные сражения, наркомания, СПИД и, в то же время, отчаянные попытки передовой части общества разных стран сохранить этот прекрасный и хрупкий мир — таковы реалии сегодняшнего дня.

О чем думает, что чувствует, чем «дышит» нынешняя молодежь в это сложное время — с такими вопросами редакция журнала обратилась к студентам III курса факультета филологии и журналистики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Лишь немногие из них подписали свои ответы, другие «скрылись» за инициалами или псевдонимами — в этом, наверное, тоже проявляется их отношение к XXI веку. Мы внесли незначительную редакторскую правку в ответы студентов, сохранив авторскую стилистику и словарь для того, чтобы максимально полно передать искренность и взволнованность нашей молодежи судьбой XXI века.

1. Как вы понимаете, что такое «мой XXI век»?
2. Что вы ощущаете как человек XXI века?
3. Что вы ждете от будущего?
4. Какие исторические личности XX – XXI веков повлияли на формирование вашего мировоззрения?

Анна Денисова:

1. По моему мнению, XXI век в плане духовности является логически завершающим тему упадка и смерти морали, особенно среди молодого поколения. Сейчас нам нужно тратить как можно больше усилий, чтобы противостоять разным соблазнам. Так что мой XXI век — век борьбы за свои ценности, которые принадлежат к классическому прошлому.

2. Почему-то я ощущаю одиночество. В суете дней легко потерять собственное внутреннее «я». Еще мне недостает покоя и умиротворенности души. Думаю, для нашего века характерны постоянные со-

мнения и упадок духа. Многие, кого я знаю, часто жалуются на внутреннюю раздвоенность.

3. «Будущее наше полно надежд, но отечество их неизвестно». А если серьезно, мне бы хотелось, чтобы мир стал лучше. Но, так как это зависит от каждого человека, ждать этого бессмысленно. А надо бы, поскольку нас в скором времени ожидают природные катастрофы и, в конце концов, конец света. Самое время подумать о душе — “*Viskas bus gerai!*” (лит. «Все будет хорошо!»).

4. Старательно перебираю в памяти исторические личности, но отчего-то не могу найти достойного. Такое ощущение, что на мое мировоззрение повлияла культура до XX века и родилась я не в свое время... Разве что моя мама! От нее я унаследовала все, во что верю сейчас. Спасибо тебе, мама!

P.S. На самом деле я веселый человек и не безнадежный пессимист!!!

А. Ю.:

1. Как правило, XXI век считают веком новых технологий, инноваций, политической глобалистики и т.п. Много создается по определенным клише и стандартам, что не заставляет человека мыслить. Люди становятся дальше друг от друга, зачастую легче написать, поздравить с днем рождения по Интернету, чем непосредственно увидеть человека.

2. Мне кажется, в современном мире много депрессивности, негатива, безвкусицы. И все это становится идеалом, следовательно, переворачивается картина мира. Погибает духовная составляющая человека, его идеи, ценности основываются на материализме. А разве это главное?

3. В будущем, хотелось бы надеяться, появится больше добрых людей, нам перестанут навязывать что-либо. Хотелось бы, чтобы человек стал действительно индивидуальностью, а не индивидуальностью, которая навязана массовыми представлениями.

4. В. Хлебников, К. Малевич, П. Пикассо, Марта Грэм. Мне кажется, что этим людям удалось вдохнуть в современный мир что-то новое, отличное от прошлого, но, в то же время, основанное на нем.

Наталья:

1. Мой XXI век — это век, в котором я живу, мое настоящее. Век, в котором исторические события совершаются на моих глазах, и сейчас, когда я могу их наблюдать, участвовать в них, может быть, даже косвенно влиять, но не могу оценить (как это сделают уже наши потом-

ки), он ощущается как что-то интригующее, заставляющее с интересом ожидать будущего, в котором можно будет посмотреть на современность со стороны и дать свою, уже объективную, оценку.

2. Как человек еще только начавшегося, совсем молодого века я ощущаю интерес к происходящим вокруг и еще только готовящимся событиям. Я рада тому, что живу именно в этом веке и могу обращаться к уже очень богатой всемирной истории. Хотя и не отвергаю идею перерождения – может быть, я и в некоторых прошлых веках уже жила?

3. От будущего я жду, пожалуй, в первую очередь личного персонального счастья. Я хочу найти интересную, увлекательную для меня работу, узнать как можно больше нового и интересного о мире, который меня окружает, встречать новых людей, попадать в новые, еще не изведанные места и ситуации (желательно, преимущественно хорошие). Я хочу, чтобы мир вокруг был таким же ярким, интересным и переменчивым, как та жизнь, к которой я стремлюсь.

4. Н. Гумилев, Марк Захаров (я очень люблю его фильмы «Обыкновенное чудо», «Формула любви», «Тот самый Мюнхгаузен»), Б. Есимото, К. Моне (а также Мане и Дега), Б. Шоу. Но больше всего на мое мировоззрение повлияли все же мои родные и близкие, потому что мировоззрение того, кто тебе не безразличен, воспринимается почему-то как особенно актуальное.

Эдгар Михайловский:

1. «Мой XXI век» – искусственное построение, причем я не смог бы сказать что-то еще, не прибегая к лицемерию в широком смысле. Здесь что-то не так: возможно, я не принадлежу к XXI веку, но, скорее всего, он – мне.

2. Как всякий обитатель настоящего в первую очередь ощущаю себя частью прошлых веков. О XXI веке со всей «объективностью» смогут сказать лишь наши потомки; мы знаем о настоящем моменте не больше, чем о состоянии здоровья «кота Шредингера». Интересно, что бы ответил сам кот?

3. Хотелось бы, чтобы будущее действительно ждало чего-то от меня, стать его частью. «Чего я жду от себя?» – лучший вопрос.

4. Джон Леннон, Боб Дилан, моя бабушка. Причем, бабушка – много более «историческая личность», для меня, разумеется.

Т.:

1. «Мой XXI век» – это время, в которое мне суждено жить и которое будет на меня влиять. У каждого будет свое мнение по поводу происходящих событий в его жизни и в мире. Каждый, живущий сей-

час, сам формирует это время и является его частью. Так и у меня есть ощущение, что я не просто живу в определенную эпоху, а являюсь ее частью.

2. У меня еще только начинает проявляться интерес к происходящему вокруг. Я чувствую, что стою на пороге новой эпохи. С новым веком появляются новые надежды. XXI век мыслится как нечто глобальное, нечто неповторимое. Это должно быть время, которое опирается на предыдущие века, но отличается от них.

3. Будущее кажется мне чем-то светлым. Всегда должна быть надежда на то, что все будет хорошо. Я надеюсь на то, что мне хватит сил воплотить в жизнь свои мечты, добиться чего-то в жизни.

4. Не могу сказать, что на меня повлияли какие-то определенные исторические личности. Очень часто на меня влияют некоторые книги, музыка, картины, радиопрограммы, но я не заостряю на этом внимание. Еще более значимым для меня может стать знакомство с кем-то. Очень большое влияние на меня оказала художественная школа и изучение истории живописи и архитектуры. Особенно — творчество М. Врубеля. Могу точно сказать, что его картины изменили что-то во мне, изменили мое отношение к живописи.

Элона:

1. Для меня «мой XXI век» — время, в котором я живу. Это сложное, противоречивое, опасное время, политически и идеологически не стабильное. Но в то же время XXI век — эпоха научного прогресса, компьютерных технологий.

2. XXI век — это время, в которое человеку, как личности, не уделяется никакого внимания. Превалирует ситуация, ориентированная на материальные, а не духовные ценности. Мне некомфортно жить в механизированном и разобщенном обществе.

3. Я жду перемен во всех сферах жизни, улучшения уровня жизни. Я ожидаю возрождения лучших традиций предыдущих эпох.

4. Никто из выдающихся личностей не изменил моего мировоззрения, но многие из них утвердили мои убеждения. По внутреннему состоянию мне близко творчество А. Ахматовой, А. Солженицына, В. Шукшина, так как они затрагивают важные нравственные проблемы.

Без подписи:

1. Я всегда думала о том, что родилась не в свое время. Все наблюдаемое в жизни как-то не вписывается в мои убеждения и представления; вот он, XXI век. Ну и что? Он не «мой», потому как ему не хватает душевности, красочности, «вкусности». Я ни в коем случае не хочу жаловаться, но как-то так мне думается.

2. Чтобы я могла себя назвать человеком XXI века, мне надо было бы многое в себе поменять. Добавить активности, энергичности, «продвинутости», интереса ко всему новому и прогрессивному. Многое — убрать. Кроме того, мне кажется, что сегодня человек оскудевает, точнее, грубеет и теряет тонкость душевную. Боюсь, что дальше будет еще хуже.

3. Я жду подтверждения тому, что живу не зря, что есть некий смысл в моей «данности». Я не верю прогнозам о конце света и не жду подарков с неба, поэтому не собираюсь сидеть сложа руки и саму себя буду радовать. (Да уж, блажен, кто верует.)

4. Так сразу и не напишешь... Не знаю, именно ли они повлияли на мое мировоззрение, но впечатлили меня К. Паустовский, Ф. Достоевский, В. Брюсов, А. Амфитеатров, а еще — некоторые книги, обещающие научить правильно и продуктивно мыслить, например книга В. Зеланда «Трансерфинг реальности».

Julie:

1. Мой XXI век — это фактически как небольшой кусочек пластилина, из которого можно слепить что угодно. Важно то, что ты сам делаешь или готов сделать. В данный момент именно мой XXI век в данной стране очень печален. Я думаю, что ситуация, которая касается нашей широкой и необъятной Родины, многим понятна, поэтому разбирать ее смысла не вижу. Но вот выход из нее — собственные действия, которые, возможно, помогут выйти из подобного положения.

2. На данный момент — расстройство, сожаление и обида за свою страну и ее положение в мире. В то же время чувствую удовлетворенность положением вещей в образовании, карьере, личной жизни, а также относительно планов на будущее.

3. Как бы ни сложилось мое будущее, оно будет напрямую связано с другими государствами. Вероятнее всего, у меня будет другое гражданство, а профессия моя будет связана со специализацией, которую я выбрала, если она будет востребована на тот момент. Но тот факт, что я уеду из этой страны после обучения, неизменен. Буду лететь, плыть, ползти, но доберусь до других берегов.

4. Единственная личность, которая перевернула мое мировоззрение, разделив жизнь на «до» и «после», — Джон Рональд Руэл Толкиен и его творчество. С него началось абсолютно все для меня, в том числе и идея о переезде в другую страну. До сих пор очень тепло отношусь к его произведениям.

Елена:

1. «Мой XXI век» — это век, полный сюрпризов! Мир, наполненный одновременно неполноценностью и пресыщенностью, а также многочисленными парадоксами. Мир, вроде бы цивилизованный и умудренный опытом веков, поражает событиями, которым место в Средних веках. А также мне кажется, что будущего (имею в виду именно Россию) как такового не будет.

2. Иногда я думаю, что мне стоило бы жить в Средние века. Да, мир тогда был опасен, у женщины не было свободы и права выбора, а я, по натуре своей бунтарка, оказалась бы в жизни, полной несправедливости. Однако я согласна с одной своей знакомой, которая, повторяя чьи-то слова, говорила: «Раньше жизнь была короче, зато насыщенной». Вот мне бы как раз хотелось прожить жизнь более короткую, зато испытать бурю эмоций и пережить события, вызывающие эти самые эмоции. В XXI веке, хотя я и думаю, что свободна и никто мне не указ, я поражаюсь тому, как мало на самом деле могу сделать. И хуже всего именно то, что, кажется, я могу это сделать, но на пути возникают многочисленные препятствия, связанные в первую очередь с общественным мнением и жизнью. И возникает мерзкое чувство, что вот проживу 60—70 лет, а ведь ничего не изменится!

3. Если честно, то ничего. Мы сами делаем свое будущее, а большее количество людей в России, как правило, недеятельны. Я уверена, что лично у меня жизнь будет спокойна, как «танк», и это точное определение — ни мыслей, ни деятельности. Мы зависим от власти, и пока эта самая власть не поменяется, жить нам и дальше так же. И я имею в виду не глобальные изменения, а изменения буквально на бытовом уровне — внимание к человеку, который живет в твоей, политик, стране!

4. Если у меня и меняется (менялось) мировоззрение, то чаще всего это происходило при общении с живыми людьми, живущими рядом со мной. С того момента, как я поступила в университет, мои взгляды на жизнь менялись не менее двух раз. Среди людей, повлиявших на это, были и новые знакомые-ровесники, и преподаватели. А из писателей это — Лео Таксиль, Б. Шоу, Э. Золя, Х. Мураками, В. Пиккуль.

А. И.:

1. Это время, в котором я живу, учусь и вхожу во взрослую сознательную жизнь. Это век, в котором растет моя младшая сестра. Это век кризиса культурных идей, но при этом — век развития новых технологий.

2. Я ощущаю нестабильность в мире, в своем родном городе и даже, как бы печально это не звучало, в своей семье. Ощущается кризис власти, грядущие перемены, которые должны произойти в ближайшее десятилетие. Наблюдают разложение подрастающего поколения, незаинтересованность в культуре, эстетике и частичное отсутствие моральных качеств. Хотя, возможно, так говорят все предыдущие поколения о последующих.

3. Я жду от будущего личного счастья, успеха в карьере и благополучия своих родственников. Нормализации и стабилизации поступающей и исходящей информации из СМИ. Прекращения манипуляций и зомбирования народа политикой и рекламой. Жду окультуривания людей, в особенности дворовой, «лавочной» молодежи с сигаретой и бутылкой пива.

4. Поработав на выборах 13 марта, познакомившись с некоторыми политическими деятелями, я увидела, что их политика, слова и высказывания — лишь «голые» обещания и красные пространные рассуждения. Так, пообщавшись с одним из бывших депутатов, я поняла, что ждать подачек от жизни и от правительства — это только зря потраченное время и надежды. Нужно добиваться всего самой. «Все проблемы с детства». На меня в детстве очень повлияли сказки «Золушка», «Спящая красавица» и «Аленький цветочек». Я до сих пор жду своего принца, который обязательно придет и все будет как в сказке. За страдания и мучения придет роскошь и настоящая любовь. Но... это все сказки, а реальность, серая и жестокая, говорит об обратном. А стереотип сказок еще живет и никак не может исчезнуть. Но мечта остается.

Касталийская:

1. Мой XXI век — век нанотехнологий, век, когда наука ушла вперед, а моральные и нравственные добродетели заметно пошли на спад. Печально. XXI век — век колоссальных возможностей, но для очень скудного круга людей. Несправедливое время, но я его люблю страшно. В наше время, если ты талантлив, это не означает, что ты успешен. Я не жалуясь, а просто объективно смотрю на ситуацию. Спасибо моим родителям за предоставленные мне возможности, но хочется быть уверенной, что если бы они не способствовали моему карьерному росту, то я бы добилась того же успеха без удачных знакомств и хорошей финансовой составляющей.

2. Я считаю, что XXI век неоднозначен и многогранен. Мне очень импонируют слова далай-ламы: «Мы тратим огромные деньги на медицину, но люди все чаще заболевают и умирают». Действительно, в

нашем мире у нас очень много проблем, которые следует решать немедленно, а наши политики пиарят проблему и думают, как бы побольше с нее заработать. К сожалению, в большинстве своем людей волнует не качество, а количество производимого. Бездуховность и падение нравов — основной источник наших бед. Бог видит все: отсюда и война в Ливии, и цунами в Японии, и огромное количество катастроф, обрушившихся на наш грешный мир. Получилось у меня некое пессимистическое мнение, но зато честно. И я буду рада, если это мнение дойдет до глаз и ума человека, который способен повлиять на ситуацию, и он от души захочет перемен.

3. Будущее уже должно четко выстроиться к данному периоду моей жизни. Если быть откровенной, я вижу себя с устоявшейся, твердой гражданской позицией. Хотелось бы занять место в обществе, которое принесло бы мне возможность помогать бедным людям, сиротам, больным, бездомным животным. Хорошая карьера, которая будет осознаваться как полная самореализация и удовлетворение своих личных потребностей. Естественно, для меня огромное место в моей жизни занимает семья. Итак, я счастливейшая из женщин: любимый, единственный муж, которому я подарила троих сыновей (одного Платоном назову) и дочку, и мои любимые родители, которые здоровы и счастливы!

4. И. Бродский — уникальная личность, он потряс меня своим красноречием и силой мысли. А. Гитлер, который оказал колоссальное влияние на мое мировоззрение. Я поняла, как и что делать нельзя по отношению к людям. Но справедливости ради надо отметить, что он был прекрасным оратором и за ним следовал народ. Он предстал перед миром сильной личностью, хотя в юности был очень закомплексованным молодым человеком. Стремление доказать всем и прежде всего самому себе, что ты достоин большего, заслуживает похвалы. Михаил Булгаков. Его роман — великая книга, заставившая меня задуматься над своими пороками. Задумалась, пытаюсь теперь их искоренить. И еще... Для меня знаковой исторической личностью является «личность» под названием семья! Все лучшее вложила в меня именно она.

Подготовил *Владимир Малащенко*

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

Люди с таким размахом деятельности всегда оставляют свой след в истории и памяти народной. Адмирал флота российского (о, ирония судьбы!) оставил в истории России лишь мокрый след. Именно «мокроступы», предложенные им в качестве альтернативы «импортным галошам», злопомнились потомкам. То, что в нашем коллективном бессознательном от семнадцатитомного издания сочинений Шишкова осталось только одно его «мокрое дело», свидетельствует скорее о нас, нежели о Шишкове.

Т. Шапенко

Интернет-аналитики рассуждают о том, что есть гламур и насколько это явление однородно, где его родина, когда он пришел в Россию, что принес с собой и покинет ли когда-нибудь просторы нашего Отечества. При этом разговоры вокруг гламура ведутся в самых разных речевых регистрах: от научного до просторечного, от нейтрального до повышенно эмоционального, резко оценочного.

Н. Бабенко

Татьяна Шкапенко
(Калининград)

В ПОИСКАХ КОРНЕЙ ДОБРА И ЗЛА

Обратим свой филологический взор к России начала XIX столетия. По миру еще не бродил призрак когнитивной лингвистики, хотя кредо *cogito ergo sum* еще не утратило своей актуальности. Языковеды еще не корпели над штудиями по вычислению разницы между значением собаки и ее концептом. Это уже в наше время стало понятно, что «в интенционал понятия "собака" входят: [животное], [позвоночное], [млекопитающее], [семейство псовых], [живородящее], [плотоядное], [одомашненное] и др. В то время как в интенционал концепта «собака» — только: [быть животным], [иметь хвост], [лаять], [мочь укусить]» [1, с. 5]. Хладные и безжизненные фреймы еще не расчленили языковую действительность на отдельные порции. Это уже в наше время язык попал в силки концептов и фреймов, словно пышнотелая дама Эпохи Просвещения — в корсет и фижмы. В те времена язык простирался в своей трогательной невинности перед оком взыскующего его глубин исследователя.

Не было тогда на Руси и языковедов, которые ведали только один язык — свой родной. Зато были адмиралы флота российского, в перерывах между баталиями составлявшие «Трехязычный морской словарь на Английском, Французском и Российском языках в трех частях», боролись против засилия на Руси французского языка и пытались узреть корень мироздания, сочиняя «Славянорусский корнеслов». Кстати, ведаете ли вы о том, что сочинять — сие значит «ставить по чину, связно, творить умственно, производить духом» [3]?

Чин за чином, и все — чином

Каждое время имеет своих героев и предателей, солдат и полководцев, литераторов и цензоров, губернаторов и копи-райтеров (Да простит меня пребывающая на небесах душа героя сего рассуждения за слово суемудрое!) Причем *имеет* — как в прямом, так и в переносном, неблагоприятном, смысле этого слова. Как следует из полисемической его природы, глаголом можно не только жечь сердца, но и... Эта житейская амбивалентность слова «иметь» как нельзя лучше (или хуже) относится к нашему позабытому герою. За свою долгую жизнь Александр Семенович Шишков (1754—1841) воплотил в себе столько вышеперечисленных ипостасей, что даже энциклопедии с некоторой растерянностью выстраивают иерархию его чинов: «Русский писатель, военный и государственный деятель. Государственный секретарь и министр народного просвещения. Один из ведущих российских идеологов времен Отечественной войны 1812 года, известный консерватор, инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 года. Президент Российской академии, филолог и литературовед. Адмирал» [4]. Адмирал — это, так сказать, ко всему прочему.

Чуть ли не век служил Шишков верой и правдой четырем русским царям. Командовал боевыми фрегатами и отличился в сражениях во время русско-шведской войны 1788—1790 годов, за что Екатерина II наградила его золотой саблей с надписью «За храбрость» и осыпанной бриллиантами золотой табакеркой. При Павле I дослужился до чина вице-адмирала, а затем оказался в опале и был удален от двора.

Как известно, опальные периоды сослужили неплохую службу в истории нашей культуры, подарив нам плоды Болдинской осени и лермонтовской ссылки на Кавказ, герценовские «Былое и думы» и солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Во время своего отречения от должностей Шишков с головой уходит в филологические изыскания: издает свои «Сочинения и переводы», в том числе «Слова о полку Игореве», организует частные собрания литераторов, известные под названием «Бесед любителей русского слова». Однако, когда Бонапарт приблизился к границам России, Александр I вспомнил про опального адмирала и пожаловал ему чин государственного секретаря. В эту тяжелую годину Отечественной войны отставной адмирал становится автором текстов приказов армиям и рескрипта графу Салтыкову о вступлении неприятеля в Россию, воззвания и манифеста о всеобщем ополчении, известия об оставлении Москвы русскими войсками. Ма-

нифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России, понимали дух русского народа и поддерживали его в тяжелые дни поражений. Со страниц этих документов на нас глядит не пресно-бесполезный копи-райтер, как это свойственно нынешним временам, но страстный и вдохновенный копье-писатель (Да благословит наш перевод заморского гибрида пребывающая на небесах душа героя сего рассуждения!). «Сей муж *отечестволюбивый* писал от имени царей манифесты, да таким трепетным и высоким стилем, что современники говорили: "Шишков один двигает всенародным духом"» [3]. Один из современников, Александр Пушкин, писал:

Сей старец дорог нам: друг чести и народа,
Он славен славою двенадцатого года.

Он звал назад, ведя вперед

В 1824 году Шишков был назначен на пост министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий. Уже десять дней спустя новый министр представил доклад об искоренении тайной крамолы путем ужесточения цензуры, в целом одобренный Александром. На первом же заседании Главного правления училищ Шишков сформулировал основные направления просвещения и образования. Он объяснил, что министерство должно оберегать юношество от заразы «лжемудрыми умствованиями (вероятно, аналог современных борзописцев на интернет-форумах. — Т.Ш.), ветротленными мечтаниями (аналог современных грез об эмиграции. — Т.Ш.), пухлой гордостью и пагубным самолюбием (аналог современных грез о собственном бизнесе. — Т.Ш.), вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его в старости юношею» [3].

Мысли адмирала и министра, публициста и гражданина о пользе и вреде образования опережали свою эпоху на два столетия, поэтому были недоступны современникам, упрекавшим его в консерватизме. «Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще

вредным гражданином» [3]. Как видим, уже в то время Шишков вбросил в российское общество передовую идею введения в школах дисциплин по выбору.

Узрел он начало конца и в антицивилизационной выходке декабристов, став членом Верховного уголовного суда над ними. Но как же глубоко и как горько он заблуждался, воспевая осанну русскому языку за то, что тот не имеет «слова *революция* и даже равнозначащего ему!»! Заклинал ведь мудрейший человек: «Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно!» [3]

Ан нет! Напрасно радовался старик: вдали столетий

Уж рвался из груди народных крик и вздохи междометий...

Чего лучше быть русским?

Люди с таким размахом деятельности всегда оставляют свой след в истории и памяти народной. Адмирал флота российского (о, ирония судьбы!) оставил в истории России лишь мокрый след. Именно «мокроступы», предложенные им в качестве альтернативы «импортным галошам», зломнились потомкам. То, что в нашем коллективном бессознательном от семнадцатитомного издания сочинений Шишкова осталось только одно его «мокрое дело», свидетельствует скорее о нас, нежели о Шишкове. Ведь, согласитесь, те, кто выступает за русское, коренное-корневое, никогда не были у нас в чести. При одной мысли о том, что окошко в Европу может захлопнуться, нам становится дурно и тошно. Нам хочется схватить борца противу счастья гламурного за ретроградистую бороду, потаскать за нее хорошенько да ткнуть его кувшинным рылом в квасной патриотизм.

Тургенев, пребывая на чужбине в тягостных раздумьях о судьбах Родины, в языке русском видел опору и надежду. Шишков, живя в своей Отчизне, находился в еще более тягостных раздумьях — как о судьбе родины, так и о судьбе ее опоры. Опора эта рушилась на его глазах, словно лед Чудского озера под рыцарями Ливонского ордена. «Есть ли хоть один дом, кроме самых бедных, в котором бы детей наших воспитывали не французы?» — горько взывал к собравшимся президент академии Российской. И приводил в пример слова дворянина Силы Андреевича Богатырева, кавалера Георгиевского и Владимирского: «Господи помилуй! Чему детей нынче учат? Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот и умен и хорош, которого француз за своего брата примет. И понять нельзя, что врут и что делают; всему свое названье: Бог помочь — бон-

жур; отец — *монсье*; старуха мать — *маман*; холоп — *монами*; мошна — *ридикюль*. Только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски, и словом, и делом, и помышлением французскую! Отечество их — на Кузнецком мосту, а Царство небесное — Париж. Старухи и молодые сошли с ума; все стало каша кашей! — бегут замуж за французов и гнушаются русскими; одеты, как мать наша Ева в раю: сущие вывески торговой бани либо мясного ряду! Ох, тяжело! Дай Боже сто лет здравствовать Государю нашему! — а жаль дубины Петра Великого! Взять бы ее хоть на недельку из Кунсткамеры, да выбить дурь из дураков и дур!» [3]

Свое понимание глубинной связи языка и нации Шишков выразил в словах: «Хочешь погубить народ, истреби его язык!» И в этом предостережении ученого-патриота было не меньше правды и радения государственного, нежели в пламенных призывах декабристов, отдельные из которых после провала восстания ходатайствовали, чтобы их допрашивали на французском — ввиду слабого знания языка, на котором изъяснялся столь любезный их сердцу русский мужик.

Итак, чего же лучше быть русским? Ответ однозначен: лучше того, чем быть русским, — быть русским не в России.

Зри в корень!

Свой язык постигается по-настоящему лишь в сопоставлении с другими языками. Именно на фоне сравнения с другими языковыми картинками мира рельефнее проступает тот рисунок кисти, который нанесли на вербальное полотно наши языковые предки. Счастливы не ведая о политкорректности, они с размахом приписали всему и вся половые признаки. Не изучив морфологии, они склонили имена к рациональной флективной гибкости. Не вместив свои чувства в коренную часть слова, они изобрели сложнейшую суффиксальную систему. А корень? Корень слова превратили в вечный источник жизни в языке. Будучи раз ословленным, он дает кровь и плоть свою другим словам и затем, словно богомол, оплодотворивший самку, умирает в их гибельных объятьях. Ведь только в славянских языках образ, заключенный в корне, дает жизнь словам самой различной референтной соотнесенности. Взять, к примеру, корень *-чин-* и взглядеться в его разношерстное, разноперстое потомство: тут вам и чин и чиновник, почин и зачинщик, начинить и починить, причинить и учинить. Какие разные референтные понятия вылупляются из одного и того же гнезда, разлетаясь по миру в разные стороны света! И как образно и

точно этот процесс описывает Шишков: «Мы различаем в каждом слове любого языка два понятия или значения, из которых одно называем *коренным*, а другое *ветвенным*. Коренное, относясь ко многим вещам, не определяет ни одну из них, но только показывает нечто всем им сродное или свойственное. Ветвенное, напротив, определяет каждую вещь порознь. *Зная первое, мы не можем еще знать второго*. Всякая извлеченная из корня ветвь сохраняет в себе его, следственно, и значение свое от него заимствует. Случается часто, что коренное значение затмевается ветвенным и *даже совсем от очей разума исчезает*» [3].

Наблюдение за судьбой кочующих корней в различных славянских языках способно предоставить очам нашего разума еще более причудливую картину. Взять хотя бы, к примеру, *блуждания* корня «*блуд – bład*» в русском и польском языках – от нецеленаправленного, неосмысленного движения: *блуждать – błądzić* к польским «ошибке» и «сумасшествию» – *bład, obłąd* и к русскому *блуду*. И по пути следования этих блудных корней нас настигает неожиданный вопрос: так что же есть «блуд» – *bład* или *obłąd*?

Увы, блуждания министра и адмирала Шишкова по следам корней также зачастую оценивались современниками в парадигме: *bład* или *obłąd*, ошибка или сумасшествие. И дело тут в том, что создавая свой «Славянорусский корнеслов», Шишков не ограничил себя бесстрастной научной целью: обнаружить и описать словообразовательные гнезда славянских корней. Его цель поистине мегаломанна, хотя и берет свои корни из галлофобии.

Когда болезнь жестокая – франкофилия – Россию страстно охватила,

Один Шишков алкал родных корней для суетной страны своей....

Откуда есть пошли земли

«Мысль человеческая, переходя от одного понятия к другому, смежному с ним, рождает слова и составляет целые семейства их. Почти каждое слово в языке нашем принадлежит к какому-нибудь из таких семейств и само собою показывает источник, откуда оно течет, то есть первоначальную, породившую его мысль. В языках, которые не коренные, но составлены из разных языков, мы того не замечаем или замечаем гораздо меньше» [3], – писал Шишков. Исходя из этого наблюдения, он выстраивает свой «Славянорусский корнеслов» с целью доказать роль русского языка как мирового праязыка.

Но не стоит думать, что «Корнеслов» Шишкова представляет собой некий привычный тип словаря, в котором собраны и описаны слово-

образовательные гнезда. Форма этого лингвопублицистического произведения уникальна: анализ «деревьев слов», выращенных из одного корня, перемежается размышлениями и эссе, свидетельствами современников и стихотворными произведениями. Шишков предполагал, что все слова произошли от основных первоначальных корней, поэтому главы его книги часто носят такие названия: «Дерево слов, стоящее на корне КР, ГР, ХР: крест, корень, скорбь, гордость, грех» или «Дерево слов, стоящее на корне ТР: страсть, труд, страна, прост». При этом сквозь всю книгу путеводной звездой проходит мысль: язык наш — древо жизни на земле и... отец наречий иных.

«Иностранным словотолкователям, для отыскания первоначальной мысли в употребляемых ими словах, следует прибегать к нашему языку: в нем ключ к объяснению и разрешению многих сомнений, который тщетно в своих языках искать будут» [3], — указывал исследователь, демонстрируя разбор слов следующего порядка:

Разберем семейство, означающее *слово*: *ворд* английское, *ворт* немецкое, *орд* датское, *орт* шведское, *воорд* голландское. Далее Шишков рассуждает: «Имена сии могли пойти от славянского *говорить* и значить то же, что *говор* или *слово*. Если отбросить слог *го*, то *ворить* весьма близко подойдет к словам *ворт*, *ворд*, *орд*. Латинское *verbum*, испанское *verbo*, французское *verbe* также отсюда произошли. Если из *говорить* произвесть *говорьба* (вместо разговоры, говорение) и откинуть *го*, то *ворба* с *verbo* будут совершенно сходны между собой. Притом слог *го* в *говорить* не составляет корня, который заключен в буквах *ор*. У нас простонародное *орать* приемлется в смысле *шуметь*, *говорить громко*. Глаголами *урчать*, *ворчать*, *журчать*, *рычать* изъясняются также разные глаголизменения» [3].

Идеи А. С. Шишкова были отвергнуты лингвистической наукой, упрекающей автора в ненаучности и ура-патриотической попытке сделать из России «родину слонов». Но разве можно вообще говорить об абсолютной научной объективности исследований периода раннего детства языков, основанных на компаративистике и субъективных реконструктивных методах? Все из них — от идеи Томаса Юнга об индоевропейских языках до теории российского лингвиста Сергея Старостина о возникших 15 тысяч лет назад ностратических языках — носят в большей или меньшей степени гипотетический характер. Но, даже будь идея Шишкова вполне достоверна с научной точки зрения, разве были бы у нее шансы на всеобщее признание? Как заметил В. А. Чудинов, «мне вполне понятно, почему эта замечательная гипотеза не нашла поддержки у представителей академической лингвистики: по-

сколькx идея происхождения европейских языков от русского интересна только самим русским людям, но никак не иностранцам» [2].

Возможно, наш герой был пристрастен, но он и не скрывал этого. Более того, подчеркивал сам: Отечество «требует от нас любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила в один пол к другому. Отними у нас слепоту видеть в любимом человеке совершенство, дай нам глаза посреди самого сильнейшего пламени нашего усматривать в нем некоторые недостатки, некоторые пороки; возбуди в нас желание сличать их с преимуществами других людей: ум начнет рассуждать, сердце холодеет, и вскоре человек сей, ни с кем прежде несравненный, делается для нас не один на свете, но равен со всеми, а потом и хуже других. Так точно Отечество» [3]. Скажите, разве это не единственный верный способ любить отечество? А в нем — равных адмиралу и министру Шишкову сыщется немного.

Концепт Отечества в ту пору вмещал алтарь, царя и кров(ь),
И на обломках этого концепта — фамилия стоит — Шишков(ь).

*Так корни говорят листам:
Мы те,
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева,
на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час.
Но только помните
ту разницу меж нас,
Что с каждою весной
лист новый народится,
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас.*

И. А. Крылов

Список литературы

1. Сусов А. А. Понятие vs. Концепт // Тверской лингвистический меридиан. Тверь, 2003. Вып. 4. С. 3—10.
2. Чудинов В. А. Рецензия на книгу И. Л. Лыкина «Корнеслов». URL: <http://chudinov.ru/korneslov/1/> (дата обращения: 5.02.2011).
3. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. URL: <http://freebooks.net.ua/29576-aleksandr-shishkov-slavjanorusskijj-korneslov.html> (дата обращения: 5.04.2011).
4. Шишков, Александр Семенович // Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Шишков,_Александр_Семенович (дата обращения: 5.02.2011).

Наталья Бабенко
(Калининград)

СТРАСТИ ПО ГЛАМУРУ (о слове и явлении)

Покажите нам красивых живчиков на красивых ландшафтах...

В. Маяковский. Баня

...Наш гламур живет сегодня, не помня, что с ним было вчера, и тем более не задумываясь о завтрашнем дне.

В. Новиков. Словарь модных слов

Первое упоминание слова *гламур* в российской прессе датируется 1997 годом, когда в газете «Аргументы и факты» явление, им названное, было «проиллюстрировано» упоминанием певицы Анжелики Варум, «шик, элегантность, обаяние» которой и по сей день позволяют ей сохранять статус «гламурной дивы». С той поры частота употребления слова *гламур* росла лавинообразно, в полном соответствии с темпом, в котором «россияне массово ударились в гламур» (*strategiya-biznesa.info*). Три года назад представи-

тельной комиссией филологов, культурологов и литераторов *гламур* был признан словом года. Тогда, в марте 2008 года, Яндекс выдал более 6 млн ссылок по соответствующему запросу¹. В апреле 2011 года этот же запрос принес уже 11 млн ссылок, знакомство с которыми доказы-

---

¹ Данные приведены по изданию [4].

вает, что сегодня в Сети «пазитиф»¹ о гламуре встречается не чаще, чем пристальный анализ этого явления или пристрастная его оценка. Интернет-аналитики (а среди них — социологи и журналисты, лингвисты и модельеры, культурологи и диджеи, фотографы и стилисты, художники и масса «простых сетчан») рассуждают о том, *что* есть гламур и насколько это явление однородно, где его родина, когда он пришел в Россию, что принес с собой и покинет ли когда-нибудь просторы нашего Отечества. При этом разговоры вокруг гламура ведутся в самых разных речевых регистрах: от научного до просторечного, от нейтрального до повышенно эмоционального, резко оценочного.

Итак, что есть гламур?

Меньшинство скептически относится к возможности истолкования этого слова: «Гламур — совершенно непере译имое на наш язык слово. Может обозначать все что угодно» (eventur.ru/index.php?id=48); «Никто не знает, что такое гламур» [3]; «Интересно, какое они дадут определение слову "гламур"? Я однажды попытался мысленно это сделать — и "завис"» (<http://forumog.ru/5426>). Большинство же не оставляет попыток определить значение слова *гламур* в духе «народной лексикографии». Анализ многих десятков любительских определений, приведенных в Сети, показал, что под гламуром понимается: (1) культурно-социальное, социально-экономическое понятие, (2) особый мир, (3) политический инструмент, (4) идеология, (5) стиль жизни, (6) образ бытия, (7) форма существования, (8) культурное течение, (9) культурный проект, (10) новая религия, (11) культ, (12) символ, (13) категория светскости, (14) способ подачи информации, (15) философия, (16) игровая практика, (17) искусство, (18) индустрия, (19) язык, — ориентированные на доминирование внешнего (формы) над внутренним (содержанием).

Какой бы из девятнадцати перечисленных ядерных семантических комплексов ни избирался в качестве опорного, ему непременно сопутствуют оценочные значения (как положительные, так и отрицательные) и характер оценочности напрямую зависит от соотносительности понятия *гламур* с компонентами оппозиции «свой — чужой». Пре-

---

¹ «Пазитиф» здесь — безоговорочно восторженное восприятие и реклама всего отмеченного ярлыком «гламур». Например: «Гламур — это целый мир. Это мир моды, красоты, сексуальности. Гламур — это светская жизнь, это блеск дорогих украшений и роскошных автомобилей. Это сногшибательные женщины, при одном взгляде на которых останавливается дыхание. Это потрясающий калейдоскоп желаний и звездных настроений! И отныне он будет намного ближе!» (<http://pozitif4ik.beon.ru/favourite>), «Я хочу гламур хотя я и есть гламур» (avatars.co.ua/content/view/109/121), «Если хочешь быть гламурным человеком, будь им! Вперед, в мир гламура!» (<http://vglamour.ru>).

имущественно положительно оценивается «чужой» («западный», «настоящий», «подлинный», «истинный», «качественный») гламур, которому свойственны, по мнению респондентов, чарующий шарм, утонченная красота, изысканный вкус, а его персонажам — аристократизм воспитания и поведения: «Гламур... стиль человека, выросшего в богатстве и не собирающегося никому ничего доказывать. Женщина, чья прабабушка блистала в нарядах от Мадлен Вионне, будет совсем иначе реагировать на лейблы и количество нулей на ценнике, чем юная Людоедка Эллочка, только позавчера получившая доступ к бутиковым радостям» (<http://dalas.ru/forum>). При этом отмечается отличие заокеанского гламура — “glamour of Hollywood” — с его «шиком, блеском, мехами и стразами, нарочитой роскошью... напоказ» (<http://www.missus.ru>) от его «породистого» западноевропейского родственника¹.

«Свой» же («русский», «российский», «совковый», «отечественной закваски») гламур противопоставляется «первоисточнику», получая преимущественно отрицательную оценку: «Он [русский гламур] агрессивен, он не симпатизирует временам декаданса... как это было на Западе, современный российский гламур — это боевая раскраска тех, кто пришел за одним — победить, победить любой ценой» (www.richstyle.com/statya/news); «...на Западе гламур — это образ, у нас — цена» (www.runewsweek.ru/culture/7721/); «...гламур — это некий блеск, очарование, это... хороший вкус, если говорить о западном контексте. Есть кич, а есть гламур. <...> В России гламур является кичем. У нас он стал стилем нуворишей, потому что у нас нет не нуворишей: молодая элита... поэтому гламур в России — это язык и новых денег, и новой власти. И этот язык бесконечно русский, безусловно» (<http://www.russia.ru/video/diskurs>); «...гламур на Западе — это мир грёз: для кого-то — осязаемый, для кого-то — желанный и недоступный, для кого-то — тот мир, для достижения которого есть мотив работать 24/7 и в который можно, если очень постараться, войти; гламур в России — это прежде всего мир защиты от Страха. Розовый туман — как стена из гипсокартона, за которой видится тюрьма» (<http://www.lenizdat.ru/a0/rupm1>); «...вы замечаете отличия русского гламурчика от западного гламура? Нет, не только то, что там дороже и качественнее, но и то, что там основа гламо — это вкус и стиль. А не просто блестяшки с лейблами рашен-гламо-продакшен» (liveinternet.ru/showjournal.php).

---

¹ Интернет отражает широкий спектр мнений о гламуре обитателей не только Рунета, но и других подпространств Сети (правда, в русской трансляции): «...На Западе гламур — это понятие скорее негативное, сродни термину "нувориш". Гламур эпатажен, скандален, а скандал не может быть позитивным» (rumol.ru/244/html).

Подытожим вышесказанное: по мнению большинства интернет-аналитиков, *русский гламур* — агрессивно-защитный кич нуворишей, он контрастен сдержанному эстетству западноевропейского голубокровного гламура. Эта точка зрения по сути своей сходится с мнением о невозможности возникновения русской версии гламура: «В России гламура нет и, скорее всего, его тут никогда уже не будет. <...> Словосочетание "русский гламур" возможно только в качестве дешевого прикола для репризы начинающего сатирика, как "нанайский рэп" или "гренландская Ривьера". Всем смешно — и ладно» (<http://dalas.ru/forum/showthread.php>).

Размышляя над тем, что стоит за словосочетанием *русский гламур*, сетевые аналитики приходят к выводу, что наш гламур:

- «не только красивое, но исключительно бытовое и внешнее» [9];
- «официальная идеология современного общества»¹ (<http://www.worldclassjournal.ru>);
- «философия, смысл которой можно выразить в двух фразах: "Надо быть богатым" и "Надо быть знаменитым"»² (Там же);
- «понты + пошлость + чернуха» (<http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?>);
- «полное торжество массовой культуры и ее ценностей, идеал российской "элиты"... плюс откровенное программирование...» (<http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-01-17/4>);
- «красота, остановленная в точке ее абсолютной безжизненности, то есть чучело красоты... и это чучело красоты противостоит... искусству»³ (<http://www.evrazia.org/article/895>);
- «кривое зеркало современного общества» (culturehowto.info/6819-glamur);
- одна из двух главных «вампирических наук», «...переливающаяся игра беспредметных образов, которые получают из дискурса при его выпаривании на огне сексуального возбуждения» [6, с. 50, 60];
- «принял форму низкопробного мейнстрима, то есть был растиражирован и опошлен; в итоге само слово *гламур* потеряло в нашей стране свой изначальный смысл (шотландское *glamour* — 'колдовство, волшебные чары') и стало синонимом дешевого пафоса» (<http://gov.cap.ru/hierarchy>).

Русский гламур определяют как «бесмысленный и беспощадный», «крикливый, разнузданный и глупый», «отвратительный и навязчивый», «поганый и тошнотворный», как «новогоднего поросенка, напшигованного стразами Сваровски» (<http://forumog.ru/5426>), наконец, как «деревянный сортир со стразами» (rumol.ru/244.html). Как

---

¹ Высказывание Льва Рубинштейна.

² Определение Андрея Максимова.

³ Высказывание принадлежит философу и культурологу Александру Секацкому.

видим, для выражения крайне отрицательной оценки *гламура* сетевые исследователи вопроса используют ингерентно (внутренне) негативно заряженные лексемы и дискредитирующие метафоры. Хоровой вопль возмущения и неприятия «Нас уже достал гламур!!!» выражает сегодняшнее отношение к затопившей страну «гадости блестячей» (<http://www.proza.ru/2009/03/16/623>). Сегодня, в 2011 году, гламур осмеивают и клеймят (как печатными, так и непечатными словами) за вульгарность, дурновкусие, назойливость, фальшивость и содержательную ущербность, «пустотность», то есть за все те пороки, за которые Татьяна Толстая «припечатала» это явление словом *гламурьё* еще в 1998 году.

Существительное *гламурьё* отвечает сразу двум словообразовательным моделям: языковой, по которой образованы собирательные существительные типа *ворьё*, *дурачьё* (в этом случае слово *гламурьё* объединяет и метит пренебрежительно-уничижительной оценкой всех огламуренных), и окказиональной (индивидуально-авторской), по которой Маяковский образовал гиперболизирующее существительное *громадьё* («Я планов наших люблю громадьё»). В этом случае в слове *гламурьё* актуализируется масштабность экспансии явления *гламур*. Для 1998 года — грядущей прозорливо предсказанной экспансии. У Толстой читаем: «Героями прессы были (и остаются, по крайней мере на данный улетающий момент) либо эlegantный и требовательный клиент Фенди, либо бомж с открытой черепно-мозговой травмой. Читатель и глотатель прессы расположен посередине, он нормален, каждодневен, он не роется ни в помойном бачке, ни в бутике. Но это он платит за сказки...» [8, с. 255]. «Улетающий момент», зафиксированный Толстой, все еще длится, многие и многие из тех, кто «нормален, каждодневен», все еще «платят за сказки»: за глянцево читиво, ток- и прочие шоу, демонстрирующие гламурных персонажей в гламурных интерьерах и обстоятельствах.

Нельзя не сказать о том, что высказыванию-диагнозу/приговору «гламур — раковая опухоль русской культуры» (zhurnal.lib.ru/i/i/) противостоят более мягкие, можно сказать, щадящие, оправдательные суждения:

— «российский гламур — наша мечта о лучших временах и искренняя вера в равные возможности» (<http://rich-style.ru/statya/news/glamour/>);

— «гламур выполняет роль Петра I, когда тот стриг бороды и ставлял пить кофе, соединяет Восток и Запад и создает в России подобие цивилизации» (www.ogoniok.com/4988/5/);

— гламур — это «спасение от радикальных жестов» (<http://www.evrazia.org/article/895/>);

— «не следует осуждать гламурность и ее носителей. Они, правда, в самом начале пути по дороге свободы. Но большое дело уже сделано —

они на пути к ней. Сначала люди будут покупать шмотки, потом, затарившись шмотками, перейдут к книжкам, затем, почитав книжек, начнут действовать. Например, займутся благотворительностью, прочтя про какого-нибудь "Оливера Твиста", которого "просто жалко". И мир, уверяю вас, станет лучше» (vz.ru/columns/2007/5/31/85383.html);

– «гламур – это форма, не содержание... эта форма не несет в себе некоего негативного контекста»¹ (<http://www.regnum.ru/news/816554>);

– «гламур – это не что иное, как просто глянец, красивая для глаза "обертка", шик, стиль, блеск, мода, легкость. То, что рождено, чтобы радовать и услаждать глаз. Почему же это все стали мешать с внутренним содержанием, я понять так и не могу» (<http://forumog.ru/5426>);

– «мне кажется, что сейчас гламур чуть ли не является двигателем современного прогресса» (www.forum.tvergma.ru);

– гламур – «желание выглядеть некой жар-птицей на празднике жизни. Но неужели такая птица уродлива? Это всего лишь птичка, которая хочет радовать наш глаз. Так за что мы ее тесаком да по шейке?» (<http://forumog.ru/5426-glamur-kak-ponyatie.html>).

Особого внимания заслуживает версия о русском происхождении гламура – не вторичного, не пародийно подражательного, но *аутентичного* гламура высшей пробы: «Не Запад, а Россия может считать себя родиной гламура. На Западе возникло лишь некое смутное желание чего-то роскошного, блистательного и в одежде, и в самом образе жизни. Неизвестно, в какие формы облеклось бы это желание, если бы не было России. Не было Петербурга, столицы самой гламурной империи мира. <...> Образцом русского гламура являются и архитектура Петербурга, и Зимний дворец с его мебелью и коллекцией картин, фамильными драгоценностями Романовых, изделия Фаберже, русские меха, шампанское "Абрау-Дюрсо", русская икра, русские красавицы и широта русского характера» [1]. Олицетворением высокого русского гламура, по мнению историка моды Александра Васильева, являются не только русские красавицы первой трети прошлого века – русские аристократки-эмигрантки, так украсившие мир моды Европы и Америки (Ирина Юсупова, Мия Оболенская, Ксения Щербатова и др.), звезды кино (Вера Холодная, Ольга Чехова, Ольга Бакланова) и балета (Анна Павлова, Тамара Карсавина), но и наши современницы – Майя Плисецкая, Эдита Пьеха, Анастасия Вертинская, Людмила Гурченко. Очевидно, не все согласятся с приведенным списком икон современного высокого русского гламура, но многие сходятся в том, что его

---

¹ Из выступления Ксении Собчак на IV Евразийском медиафоруме «Гламуризация СМИ».

«вершинным образцом... является Майя Плисецкая»¹ (<http://www.ng.ru/Saturday/2007-12-07/13>).

Таким образом, целесообразно различать «русский высокий гламур» и «русский ширпотреб-гламур» (условимся так называть варианты описываемого явления), что побуждает внести коррективы в ранее обозначенное противопоставление «западный гламур ↔ русский гламур» и выдвинуть версию вненационального противопоставления: «высокий гламур ↔ ширпотреб-гламур». В поддержку высказанному положению приведем следующее высказывание о соотношении современного российского и западного гламура: «Российский гламур отличается от западного разве что возрастом — мы тянемся за трендами, возникающими у них, а логика та же самая» (www.rusrep.ru/2008). Интернациональными чертами гламура являются «откровенное программирование жизнедеятельности массового потребителя массовой культуры» и проповедь «крайней степени потребительства» (<http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-01-17/4>).

Но вернемся к вопросу о поиске значения слова *гламур*. Налицо бум народной лексикографии, обусловленный несколькими факторами: во-первых, накалом страстей, спровоцированным буйным расцветом гламура: противники этого явления жаждут высказать свои соображения о его сути и часто выбирают для этого самые хлесткие языковые средства, а поклонники яростно отбиваются, защищая свой жизненный выбор; во-вторых, уникальной доступностью интернет-трибуны; в-третьих, неполнотой и неточностью определений гламура, содержащихся в научных лексикографических изданиях. Так, явной недосказанностью отличаются нижеприведенные словарные статьи: «Гламур, -а, м. (англ. *glamour* — обаяние, чары; роскошь, шик < фр. *glamour* — обаяние, привлекательность). Внешний блеск (в одежде, украшениях, косметике и т. п.), внешняя привлекательность» [5, с. 208]; «Гламур, -а, м. (англ. *glamour*). Магическое обаяние, шарм; внешний блеск, лоск» [7, с. 247]. Неудачи в толковании имеют объективные основания: в лаконичном словарном определении трудно отразить неоднозначность характеристик, разнообразие проявлений и контрастность реакций на явление, развивающееся на наших глазах.

Его разнородность и масштабность проявляются и при анализе лексической сочетаемости существительного *гламур* (какой?) и прилагательного *гламурный* (-ая, -ое, -ые) (что/кто?).

Помимо вышеприведенных оценочных определений посредством сочетания слова *гламур* с качественными прилагательными отметим характерную для современного момента сочетаемость этого существи-

---

¹ Мнение Сергея Приходько.

тельного с относительными прилагательными *политический* (*советский, сталинский, путинский*), *державный, православный, нефтяной, спортивный*.

Например, *политический гламур* предполагает актуализацию внешнего при дефиците внутреннего (1) и замещение реальной жизни ее демоверсией (2): «Как вы думаете, гламур прокатит в политику, или это мимо?» (www.lenta.ru/conf). Анализ материалов, содержащихся в Сети, показывает, что *гламур*, несомненно, «прокатил» в политику, и не только в России: (1) «В Украине в силу отсутствия политических идей начинается преобладание *политического гламура*, когда внешне красивые известные люди будут занимать ведущие политические посты» (<http://www.ukrrudprom.com/news>); (2) «Задумывается ли кто-нибудь о том, почему у нас такая "гламурно-клиповая" политика, почему весь стиль культурной жизни и индивидуально-публичного поведения неизбежно сводится к упрощающему сложную жизнь "ролику"... Наша жизнь — чем ближе к выборам, тем заметнее — превращается в сплошной *политический гламур*» (<http://www.telekritika.ua/column>).

Значение новообразования *гламур-политик* выводимо из поведенческой характеристики референта: «Гламур-политик безразличен к тому, что о нем думают управляемые низы» (www.demoscopy.ru/article.php?id=1764). В статье А. Струмилина «Державный гламур» читаем: «*Державный гламур* — это... имитация державности. Она предполагает возвышенную и жесткую патриотическую риторику вкупе с постоянной и красочной демонстрацией мышц. При этом никто из более-менее серьезных субъектов и не думает о серьезном противостоянии» (<http://pravaya.ru/look/18193>). Таким образом, *державный гламур* призван создать иллюзию державности как 'величия, могущества государства'.

А. Коскелло в интернет-публикации «Ищите женщину... в церкви» приводит отклик одного из пользователей Сети на дискуссию о современном дресс-коде воцерковленной православной женщины: «Честное слово, надоели уже разговоры про "*православный гламур*". Ну да, не мешают джинсы спасению, и ногти не мешают, и плетение волос, и золото, и жемчуг, и многоценная одежда очень даже способствуют возрастанию благочестия. Если взять модель из фотобанка и пририсовать ей в фотошопе юбку, то это и будет та самая "ortho-woman", в природе не существующая и главное — нежизнеспособная. В конце концов, в фотошопе можно и модель из "Плейбоя" облечь в великую схиму. Только вот какой в этом толк?» (<http://www.pravmir.ru>).

Существительное *гламур* является своеобразным грамматическим хамелеоном: оно может быть не только отвлеченным, но и конкретно-собирательным. Так, в следующем примере *гламур* — сообщество нефтьемагнатов, гламурное существование которого обеспечивается нефтьедолларами: «Следует также отметить, что цены на нефть остаются

на очень комфортном для России уровне и соответственно через 3–6 месяцев скажутся на состоянии экономики. Рубль уже более чем стабилен, процентные ставки ниже самых оптимистичных ожиданий, а капитализация рынка акций лишь незначительно ниже, чем до кризиса. *Нефтяной гламур возвращается*» (<http://finansist.org.ua/finansy.html>).

Прилагательное *гламурный* (-ая, -ое) сочетается чаще всего с наименованиями лица женского пола, эксплицирующими возраст (*девушка, девица, девочка, женщина*), семейное положение (*мадам*), положительную (*куколка, красотка, красавица, милашка, конфетка, крошка, киса, телочка, брюнеточка, блондиночка*) или отрицательную (*кукла, штучка, стерва, сучка, бестия, идиотка, дура*) оценку этого лица. Намного реже прилагательное *гламурный* сочетается с наименованиями лиц мужского пола, несущими информацию о возрасте (*мальчик, парниша, молодой человек*), отрицательной оценке (*подонок, фраерок*) или роде деятельности (*политик, революционер, живописец*) мужчины.

Гламурными могут быть не только люди (*стилисты, фотографы, персوناжи, шпионы, публика, попса*) и животные (*кот, котенок, песик*), но и неодушевленные предметы (*одежда, костюмы, пальто, куртка, камуфляж, форма, майка, сумочка, бижутерия, коктейли, автомобили, яхты, клубы* и т. д.), чувства, свойства, состояния и отвлеченные понятия (*любовь, толерантность, кайф, депрессия, телесность, духовность*), идеологии (*сатанизм, фашизм, марксизм, коммунизм*), творчество и его «продукты» (*фото, песня, клип, рисунок, реклама, дневник*). Наконец, гламурными могут быть *жизнь и смерть, рай и ад*. Все перечисленное и формирует *гламурный мир*, в ареал которого входит не только столица (*гламурная Москва, гламурный мегаполис*), но и глубинка (*местечковый русский гламур, гламурная провинция*), от Останкино и Рублевки как его российских бастионов ширпотреба-гламур дошел до национальных окраин бывшего Союза.

Эпоха русского попсового гламура, с точки зрения одних исследователей вопроса, заканчивается: «Цивилизации Гламура приходит конец. Возникнув в России в начале 90-х на основе новорусского этноса, она завершает свое историческое существование прямо на наших глазах» (<http://pravaya.ru/look/1587>); «Уходит время разнузданного гламура» (klachkov.info/?q=node/3789); «Гламур вышел из моды — блески, стразы, каблукки... бутерброды на ногтях...» (life.pravda.com.ua). С точки зрения других, «сознательные журналисты могут сколько угодно хоронить гламур» (www.rusdoc.ru/articles/mastera_slov/) — притягательность его от этого не уменьшается. Ведь весь «ужас ситуации в том, что "антигламур" стал таким же гламуром, как и все остальное. Толпа ликует и от того, и от другого. Она хочет ликовать в этом иллюзорном мире вечного позитива» (bg.ru/article/6273).

Именно живучестью рассматриваемого явления определяется употребление слова *гламур* в списке ключевых слов современности (по определению Е. А. Земской, «ключевыми словами следует считать слова,

обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [2, с. 23]). Нахождение «в фокусе социального внимания» и далее будет провоцировать лингвистическую и социально-психологическую рефлексию по поводу словарного значения и функционирования слова *гламур*, а также развития (упадка? исчезновения?) его референта. Время покажет, сохранится ли в русском культурном пространстве отраженное в современных сетевых материалах противостояние *высокого гламура* и *ширпотреб-гламура*, очистятся ли слово *гламур* и его многочисленные производные (*гламурный, гламурно, гламурненько, гламурность, гламуризация, огламурировать, гламурищик, гламурищица, гламурияне, гламур-политик, глэм-фарш, гламо, гламурьё, псевдогламур, антигламур, неогламур* и др.) от отрицательных созначений.

Сегодня же суммарное восприятие приведенных в Интернете определений дает нам знание и о сути явления под названием *гламур* (*стиль жизни, игровая практика, создающие иллюзию о персонаже; искусство идеально нивелировать действительность*), и о его оценке (*дешевый пафос, красивая этикетка, кич, нарочитая роскошь, стиль нуворишей*), и о его функциях (*навязывание стереотипов поведения, идеологическое воздействие*), что дает основания признать Рунет пространством мониторинга и анализа актуальной лексики современного русского языка.

Об обнадеживающем здравомыслии молодых обитателей Сети говорит нижеследующая цитата:

«Flamebourne: Как быть современной молодежи в условиях смердящего гламура, этой блестящей трухи?

Bunin: Быть самим собой и не обращать внимания =))

Redfire: Оставаться самим собой.

Midhtcliff: Да плевать на него и жить своей жизнью» (<http://forumog.ru/18918-glaur-eh-to-kak.html>).

Список литературы

1. Денисова С. Химера гламура: Интервью с историком моды Александром Васильевым // Story. 2009. Февраль.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
3. Зубцова Я., Уланова А. Урок гламура от Пенелопы Крус // Домовой. 2002. 4 апр.
4. Каминская Т. Л., Шмелева Т. В. «Гламур» в языковом и медийном пространстве современной России // Индия. Russian Philology. 2008. № 27. Р. 86 – 103.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007.
6. Пелевин В. О. Амфир В. М., 2006.
7. Склярёвская Г. Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века (Актуальная лексика). М., 2006.
8. Толстая Т. Н. Я планов наших люблю гламурё // Толстая Т. Н. День: личное. М., 2001.
9. Милославский И. Г. Гламур // Известия. 2009. 2 марта.

ЗНАКИ ИСТОРИИ

Герои Тургенева и Данилевского едва ли читали Токвиля, но уж точно не понимали его; герои Салтыкова-Щедрина знали его имя, но не читали и не понимали его взглядов; герой Достоевского притворялся, что читал; героиня Толстого читала и понимала, но испытывала чувство неудовлетворенности, а герой Лескова, не читая Токвиля, уловил сущность его будущих идей. Следующее столетие русской истории окажется настолько бурным, что героям литературы будет уже не до французского мыслителя.

И. Дементьев

В целом начало войны на северо-западе СССР показало, что подразделения Красной Армии здесь ее встретили весьма достойно. Как немецкие, так и финские войска, не получившие для себя «фактора внезапности», имевшегося у вермахта на остальной части советско-германского фронта, не смогли полностью решить поставленные перед ними задачи.

В. Барышников

Кто хочет услышать — услышит. Здесь многое зависит от того, что больше волнует человека и общество: стремление узнать правду, понять, что и как происходило, либо создать «комфортную» историю, удобную для себя и своего нынешнего положения. Пока наше общество, уставшее от перемен, не жаждет слышать о том, что в прошлом что-то было не совсем так...

И. Данилевский

Илья Дементьев
(Калининград)

КТО ИЗ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОЧИТАЛ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ?

К творчеству выдающегося французского историка и политического мыслителя Алексиса де Токвиля обращались лучшие русские умы XIX столетия¹ — А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой²... Интерес к оригинальным идеям «французского Тацита» (по определению В. В. Розанова), зародившийся в 1830-е годы, обострился в эпоху Великих реформ в России. Токвиль был автором двух нашумевших книг, которые разделяют почти два десятилетия бурных политических перемен на его родине. «Демократия в Америке», вышедшая в 1835 году (второй том — пятью годами позже), была посвящена заокеанскому опыту сохранения политической свободы при демократическом правлении. В сочинении «Старый порядок и революция» (1856 год), оставшемся незавершенным, анализировались

---

¹ Едва ли не первым русским читателем Токвиля стал князь Иван Гагарин, который записал в дневнике 5 июля 1835 года свое впечатление о только что вышедшей «Демократии в Америке»: «Это одно из самых замечательных и поучительных сочинений, появившихся до сих пор об этой стране...» [3, с. 138]. Следом за ним в 1836 году свое восторженное мнение опубликовал А. И. Тургенев в журнале «Современник» («Хроника русского»); далее П. Я. Чаадаев обсуждает Токвиля в переписке с Тургеневым в 1836 году и т. д.

² Нужно признать, что этому ряду русских мыслителей, чье отношение к Токвилю колебалось между уважением и восхищением, противостоит немногочисленная группа критиков; к ним, прежде всего, принадлежат Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев.

причины Французской революции. Ответы Токвиля на злободневные вопросы его времени были более чем неожиданными, поэтому внимание русских писателей легко объяснимо. Следом за авторами герои русской литературы в свою очередь открывали книги Токвиля.

А. И. Герцен в автобиографическом произведении «Былое и думы» (часть опубликована в 1854 году) рисует яркий портрет А. А. Корнилова, лицейского товарища Пушкина и вятского губернатора. Он был человеком просвещенным, постоянно «покупал новые французские книги, любил беседовать о предметах важных и дал мне книгу Токвиля о демократии в Америке» [4, с. 296]. Чтение сочинения Токвиля привело Герцена к грустным размышлениям о том, что в современном мире «душа убывает» — стадные типы приходят на смену индивидуальности. «Скорбь и грусть» — так определял молодой Герцен свои чувства после прочтения «Демократии в Америке» (письмо Н. Х. Кетчеру от 20 августа 1838 года); он цитирует знаменитое предсказание Токвиля о великом будущем России и Америки. Тогда этот прогноз вызывает у писателя сомнения: «Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъятно — о, я верую в ее прогрессивность» [5, с. 386]. Позже Герцен познакомился и со «Старым порядком и Революцией» — это сочинение укрепило в нем веру в необходимость коренной ломки российского деспотизма. Очевидно, с возрастом его вера в «прогрессивность» России пошатнулась¹.

Герцен, вероятно, раньше других персонажей русской литературы прочитал Токвиля; не все специалисты определяют «Былое и думы» как мемуары, но это, бесспорно, литература *non-fiction*. Как же отражался образ французского мыслителя в художественной литературе? Среди вымышленных героев на роль первой читательницы Токвиля претендовала, по всей видимости, героиня первого романа И. С. Тургенева «Рудин» (1855) Дарья Михайловна Ласунская.

«— Читали ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous savez?»

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудин взял тоненькую книжонку в руки, перевернул в ней несколько страниц и, положив ее обратно на стол, отвечал, что собственно этого сочинения г. Токвиля он не читал, но часто размышлял о затронутым им вопросе. Разговор завязался» [15, с. 225] и быстро перерос в продолжительный монолог Рудина, содержание которого для читателя остается неизвестным.

---

¹ Об образе Америки по Токвилю у Герцена см. в классической работе Д. Бодена «Образ Америки в русской литературе до конца XIX века» [17, S. 133—142].

Какую книгу Рудин взял в руки? Здесь, между прочим, возникает серьезная проблема. «Демократия в Америке» никак не могла произвести впечатление «тоненькой книжонки», потому что даже первый том сочинения занимал более 350 страниц. Труд «Старый порядок и революция» был издан только в 1856 году¹. Что же читала Дарья Михайловна? Комментатор романа в собрании сочинений Тургенева высказывает предположение, что речь шла об одной из «многих политических брошюр» Токвиля [15, с. 493], однако это маловероятно: на момент действия романа (начало 1840-х годов) широкое распространение в Европе получила только «Демократия в Америке». Может быть, Дарье Михайловне попала в руки какая-то брошюра другого Токвиля — отца Алексиса². Он стал известен своими сочинениями позже сына, начиная с 1847 года, когда выпустил «Философскую историю правления Людовика XV» (тоже после событий романа); ему принадлежали разные политические брошюры, одна из которых могла случайно оказаться в России.

Как же трактовать появление Токвиля в описанном эпизоде? Современная исследовательница А. А. Арустамова небезосновательно усматривает в этом эпизоде «ироническое отношение Тургенева к "просвещенности" широкого дворянского круга. Как известно, введение неуместного упоминания философов или публицистов героем в произведениях Тургенева является одним из способов дать характеристику герою, выполняет характерообразующую функцию» [1, с. 14]. Ироническое отношение здесь присутствует, хотя вероятность ошибки была невелика — брошюра передавалась в присутствии свидетелей. В любом случае, Рудин признался, что не читал этой «книжонки», Дарья Михайловна, возможно, ошиблась в ее авторстве и наверняка также не читала ее.

Ветер перемен шестидесятых годов пополнил круг читателей Токвиля новым лицом. В 1862 году в журнале «Время» братьев Достоевских был опубликован роман Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии». Среди его персонажей — «полковник-коммерсант» Панчуковский, который, прочитав Токвиля, пришел к выводу, что «теперь нам пора подумать и о материальном счастье на земле; оно, может быть, еще выше духовного» [6, с. 47]. Прожекты полковника представляли собой «планы горячих, дерзких, небывалых еще на Руси, в среде его сословия, предприятий»: строительство городского водопровода, за-

---

¹ Еще, правда, была совместная публикация Токвиля и Г. Бомона о пенитенциарной системе в США, но, во-первых, у нее было два автора, а во-вторых, ее содержание едва ли было интересно героям Тургенева.

² Сочинения Э. де Токвиля (1772—1856) нередко приписывают его знаменитому сыну. Эту ошибку можно встретить и в энциклопедиях, и в диссертациях.

купка всего запаса хлеба в одном из портов и т.д. А. А. Арустамова верно замечает по этому поводу, проводя параллель с казусом Ласунской: «Сниженное упоминание книги Алексиса Токвиля в романе Данилевского указывает на тенденцию широкого ее распространения в русском обществе, когда знаковым является имя, а содержание во всей его полноте остается скрытым от массового читателя» [1, с. 11–12]. Нет никого более далекого от вульгарного материализма, чем Токвиль в «Демократии в Америке»: одна из главных угроз века демократии состоит в том, что замыкающиеся в своекорыстных интересах люди становятся легкой добычей деспотизма. Панчуковский, надо полагать, читал не Токвиля, а кого-то другого.

У самого Ф. М. Достоевского Токвиль появляется в руках Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы» (1871–1872). Степан Трофимович «читал постоянно». Но что он читал? «Увлекся было когда-то изучением высшей современной политики наших внутренних и внешних дел, но вскоре, махнув рукой, оставил предприятие. Бывало и то: возьмет с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль де Кока» [7, с. 19]¹. Из этого пассажа не следует, что Верховенский действительно читал Токвиля; наоборот, он имитировал чтение, чтобы создать себе определенную репутацию, а в действительности обращался к творчеству куда менее серьезного автора.

В 1870-е годы на Токвиля ссылаются герои произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина². «Токевиль, — замечает писатель в примечании к тексту романа «Дневник провинциала в Петербурге» (1872), — положительно сделался популярнейшим из публицистов в наших усадьбах». Это вовсе не значило, что герои романа читали Токвиля внимательнее Ласунской или Верховенского: напротив, они приписывали ему всевозможные вздорные мысли. Провинциальные помещики в беспокойстве о том, как им обустроить Россию, составляли «прожекты»,

---

¹ В набросках к роману Достоевский характеризует Верховенского так: «Склонялся к американским штатам (Токв<иль>», «Фурьерист; но потом, когда у нас явилось более фурьеристов» [8, с. 161]. Из записных книжек Достоевского ясно, что он читал «Демократию в Америке» в начале 1860-х годов (см.: [9, с. 154]), однако степень влияния Токвиля на русского писателя остается дискуссионным вопросом. В начале 1990-х годов этой проблеме уделял большое внимание А. Мигранян [11], доказывавший, что в поэме о Великом Инквизиторе в «Братьях Карамазовых» зашифрованы соображения Токвиля о своеобразной диалектике свободы и равенства, однако эта остроумная реконструкция не встретила особого сочувствия в среде достоевистов.

² Находясь в ссылке в 1848–1855 годах, Салтыков предпринял попытку перевода «Демократии в Америке». Поэтому, возможно, он лучше многих своих современников понимал суть взглядов Токвиля.

обязательным элементом которых были мнимые цитаты из Токвиля («Бесполезное тиранство никогда пользы принести не может»; «Так называемое оглушение не только не противно человеческой природе, но в весьма многих случаях даже способствует восстановлению человеческих сил»). Рассказчика у Салтыкова ужасают все эти «плоды деревенского досуга», составленные откровенно невежественными людьми¹. Он даже вступает в дискуссию с одним из персонажей по поводу аутентичности цитаты из Токвиля: «— Что? — парирует Александр Прокофьич, — Токевиль-то? Да я от Петра Ивановича Дракина сам своими ушами слышал, что именно это самое у него в книжке написано!» Проектом предусматривалось вооружить губернаторов и «на каждых пяти верстах поставить... дистанционного начальника из... местных землевладельцев... с предоставлением искоренять зло по обстоятельствам» [13, с. 86—87]. Все это прожектерство, конечно, не имело никакого отношения к идеям Токвиля; возможно, сатирик пародирует здесь знаменитую записку, которую в 1858 году от имени брянского дворянства подготовил крупный землевладелец С. И. Мальцов. Отгалкиваясь от идей Токвиля (возможно, они тоже слышали изложение его взглядов Петром Ивановичем Дракиным), помещики выступают против общины, крестьянского землевладения, бюрократии и «демократически-социалистических учений». Резюме составителей записки состояло в том, что необходимо всячески охранять сословные права дворянства. Нетрудно заметить, что этот вывод совершенно абсурден в контексте видения Токвилем неумолимого наступления демократии; он с грустью наблюдал, как дворянство, судорожно цепляясь за свои сословные интересы, медленно движется к пропасти, утягивая за собой все общество².

Французский автор появится еще раз в творчестве Салтыкова-Щедрина — в очерке «Господа Молчалины» из цикла «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877). Двое персонажей повести — однофамильцы Молчалины — занимаются вымарыванием разных неподобающих мест из статьи, ожидающей публикации. «"Токвиль говорил: единоначальники, доводящие свое властолюбие..."

— Марай! — вскричал Алексей Степаныч, — и читать дальше не нужно! Марай!» [12, с. 78].

¹ Впрочем, не без прозорливости замечает рассказчик, то ли еще будет: на смену этим провинциалам придет «последняя партия», которая «вследствие окончательной безграмотности и незнакомства с именем господина "Токевиля" даже не даст себе труда писать проекты об уничтожении, а просто будет зря махать руками направо и налево» [13, с. 81].

² См. о записке Мальцова издания [16, с. 65; 18, р. 305].

Нетрудно догадаться, что и Молчалины не были особо оригинальны — они едва ли прочитали Токвиля...

Л. Н. Толстому довелось познакомиться со «Старым порядком и революцией» в Женеве в 1857 году. Впечатление от этой книги было настолько сильным, что он вернулся к мыслям Токвиля спустя полстолетия — об этом свидетельствует дневниковая запись 29 июня 1905 года: на основе представления Токвиля о том, что «большая революция произошла именно во Франции, а не в другом месте именно потому, что везде положение народа было хуже, задавленное, чем во Франции»; потому следующая революция ожидается в России: «как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же призваны русские в 1905-м» [14, с. 219].

Влияние Токвиля на Толстого уже подчеркивалось исследователями. В частности, Кэтрин Фойер в недавней работе «Толстой и генезис "Войны и мира"» обосновывает тезис о конгениальности двух авторов: некоторые идеи Токвиля могли бы снабдить Толстого объяснительной рамкой для его интересов к Наполеону и Французской революции, к декабризму и современной России¹ [19, р. 185—193]. Родство политических и историософских идей Токвиля и Толстого, по мнению Фойер, отразилось на замысле романа «Декабристы» (1860—1861) и на ранней редакции «Войны и мира» (1863—1864).

Однако среди героев Толстого Токвиль не пользовался особым успехом. Следы чтения французского классика обнаружатся в черновиках романа «Анна Каренина» (1873—1877) — Анна читала книги Токвиля, Карлейля и Тэна: «Она прочитывала эти книги, понимая их вполне, но испытывая то обычно оставленное такими книгами чувство возбуждения и неудовлетворения жадью» [2, с. 453]. Пожалуй, Анна Каренина имела все шансы стать первой настоящей читательницей Токвиля среди героев русской литературы, но в окончательной редакции романа круг ее чтения был сужен до И. Тэна (испытавшего, впрочем, известное влияние Токвиля).

К 1880-м годам интерес к Токвилю стал постепенно слабеть — героям русской литературы хватало других поводов для разговоров. Но Токвиль появится еще в творчестве Н. С. Лескова. Герой его рассказа «Старинные психопаты» (1885) помещик екатерининских времен Сте-

---

¹ В понимании К. Фойер даже названия глав «Старого порядка...» могли бы быть написаны Толстым: глава 12 книга 2 — «Почему, несмотря на прогресс цивилизации, положение французских [российских] крестьян в XVIII веке было порой хуже, чем в веке XIII». Наблюдения Токвиля по поводу Старого порядка во Франции (и о положении крестьян, и о положении литераторов) неизбежно должны были вызвать у Толстого ассоциации с российской действительностью 1850—1860-х годов.

пан Иванович Вишнеvский «не был и поборник строгого уважения к властям, а, напротив... сам весьма часто и даже почти при всяком случае готов был унижать и оскорблять органы законной власти. Не был он и демократом, не был и народником в нашем нынешнем понятии. <...> По короткому, но меткому определению простых людей, был "пан, як се належи — як зубр из Беловежи", то есть он был "барин как следует, все равно что зубр из Гродненской пушчи". <...> И как пан, он наблюдал свое полное достоинство и знал толк в этом деле. Не имея настоящего образования и не читав неизвестных еще тогда политических рассуждений, написанных позже такими людьми, как Токвиль, — он верно понимал космополитические стремления настоящего аристократизма, свойственные также и настоящему демократизму, ибо при обоих объединяющим стимулом является принцип, отгесняющий в сторону симпатии национальности» [10, с. 472].

Круг замкнулся. Герои Тургенева и Данилевского едва ли читали Токвиля, но уж точно не понимали его; герои Салтыкова-Щедрина знали его имя, но не читали и не понимали его взглядов; герой Достоевского притворился, что читал; героиня Толстого читала и понимала, но испытывала чувство неудовлетворенности, а герой Лескова, не читая Токвиля, уловил сущность его будущих идей. Следующее столетие русской истории окажется настолько бурным, что героям литературы будет уже не до французского мыслителя. Он останется модным автором лишь для верхов российского общества второй половины XIX века, обязательным атрибутом разговоров в «просвещенном кругу». За пределы этого круга Токвиль не вышел — он не был близок «самым оригинальным русским мальчикам» à la братья Карамазовы, ночи напролет обсуждавшим «вековечные вопросы» в трактирах. На русской почве судьба идей французского интеллектуала оказалась не очень счастливой: как выяснилось, мало кто из персонажей отечественной литературы вообще прочитал Токвиля, не говоря уже о том, чтобы вдохновляться его идеями и разделять его ценности.

Увы, этот вывод справедлив не только в отношении вымышленных героев. Большая часть русских мыслителей XIX века, обратившихся к идеям Токвиля, пыталась применить их для подкрепления собственных идей — не более того! А. С. Пушкин нашел в Токвиле союзника в своих страхах перед Америкой; Ю. Ф. Самарину он представлялся «западным славянофилом»; для К. Н. Леонтьева главным было неприятие Токвилем процесса исчезновения общественной иерархии; Г. В. Плеханову он мнился предтечей марксизма... Пожалуй, вплоть до начала XX века чтение Токвиля в России отличалось утилитаризмом такого рода. Однако американский исследователь С. Ф. Старр имел все основания заметить по поводу рецепции «Старого порядка и револю-

ции» в нашей стране: «Существовала или нет в России в действительности революционная ситуация, о которой толковали советские исследователи, книга Токвиля помогала русским любых убеждений принять полную безотлагательность национального совершенствования, так же, как и увидеть свои проблемы в европейской перспективе» [20, р. 72].

Список литературы

1. Арустамова А. А. О некоторых американских аллюзиях в русской литературе середины XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2007. №15.
2. Бабаев Э. Г. Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 9.
3. Гагарин И. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996.
4. Герцен А. И. Былое и думы. 1852—1868 // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 8.
5. Герцен А. И. Письма. 1832—1838 // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. 21.
6. Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии. Воля: романы. Киев, 1988.
7. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974. Т. 10.
8. Достоевский Ф. М. Бесы. Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Там же. Т. 11.
9. Достоевский Ф. М. Статьи и заметки. 1862—1865 // Там же. Т. 20.
10. Лесков Н. С. Старинные психопаты // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1958. Т. 7.
11. Мигранян А. М. Метаморфозы революции: Токвиль и Достоевский // Общественные науки и современность. 1991. №1.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. В среде умеренности и аккуратности // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1971. Т. 12.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986.
14. Толстой Л. Н. Дневники. 1895—1910 гг. // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. М., 1965. Т. 20.
15. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1980. Т. 5.
16. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002.
17. Boden D. Das Amerikabild in russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968.
18. Diestelmeier F. Tocqueville lu par un magnat russe: une zapiska de S. I. Mal'cov de 1858 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. Vol. 19 (3).
19. Feuer K. B. Tolstoy and the genesis of *War and Peace*. Ithaca; L., 1996.
20. Starr S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton; New Jersey, 1972.

Владимир Барышников
(Санкт-Петербург)

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ИЮНЯ 41-ГО: К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СССР

---

*Н*ачало Великой Отечественной войны на Северо-Западе СССР по времени произошло не совсем синхронно с наступлением немецких войск через границу Советского Союза на западе. В первый день войны немецкие, а также финские части не перешли государственную границу и не обрушились на советские пограничные заставы. Здесь, таким образом, не возникло элемента той внезапности начавшегося «блицкрига», какой был ранним утром 22 июня 1941 года для остальных советских войск на других западных рубежах СССР. В результате части Ленинградского военного округа, в зону ответственности которого входила защита второго по величине и значимости города Советского Союза — Ленинграда, а также территории Карелии и Кольского полуострова, в сравнительно спокойной обстановке смогли занять оборонительные рубежи и подготовиться к возможному наступлению противника.

Однако возникает вопрос: а возможны ли были вообще здесь наступательные операции войск противника и собиралась ли Финляндия примкнуть к начавшейся агрессии Третьего рейха против СССР?

Этот вопрос в последнее время в отечественной историографии весьма активно привлекает внимание историков и публицистов. Причем в поисках определенных сенсаций некоторые люди, нередко довольно далекие от исторической науки, уже принялись старательно

реанимировать пропагандистские положения, которые были характерны, в частности, для финских органов массовой информации периода войны. Тогда, чтобы оправдать союз с нацистами, в Хельсинки упорно пытались распространять представления, что Финляндия не собиралась наступать на советскую территорию и не финская армия вместе с вермахтом все-таки напала в июне 1941 года на СССР. Наоборот, советские вооруженные силы готовились, а затем и совершили акт агрессии в отношении финского народа в июне 1941 года [1, с. 54, 59].

Особенно ярким образцом подобного характера трактовок стала работа отечественного публициста, работающего в жанре «история», М. С. Солонина. В 2008 году им была издана книга «25 июня. Глупость или агрессия?» [2]. Причем, представляя себя не иначе как «ученый», автор этого произведения, получивший до этого в Куйбышевском авиационном институте лишь техническое образование и проработав затем ряд лет в конструкторском бюро, вдруг, с имеющимися у него знаниями, обнаружил в себе историко-исследовательский «дар» и занялся «изучением» прежде всего истории Второй мировой войны. В итоге на читателя его «творений» буквально обрушиваются, по взглядам Солонина, невероятные по силе аргументы, доказывающие, что Сталин, который, естественно, всю свою жизнь мечтал о присоединении Финляндии к СССР, посчитал, что в конце июня 1941 года этот момент настал! А само решение родилось в Кремле «из вопиющей некомпетентности, из удивительной смеси трусливой подозрительности и ничем не оправданной недооценки противника» [2, с. 612].

Естественно, что столь примитивные построения «не совсем» соответствуют требованиям к современным научным исследованиям и выглядят в историческом плане просто нелепо. Объективно автор лишь обнаруживает, по его же образному выражению, свое «агрессивное невежество» [Там же, с. 17]. В книге даже присутствуют удивительные по своей глупости откровения, в которых Солонин, особо не задумываясь о том, что собственно написал, утверждает, что в первой половине 1941 года «в штабах Красной Армии продолжалась отработка каких-то планов» и далее: «И хотя их содержание нам неизвестно, некоторые выводы можно сделать на основании опубликованного во второй половине 90-х годов "Контрольного плана проведения сборов высшего начсостава, игр, полевых поездок и учений в округах в 1941 года"» [Там же, с. 282]. Подобные поверхностные суждения могут свидетельствовать лишь об одном — сейчас в России, как правильно подметил автор, «совершенно некомпетентные по своей сути люди при наличии денег или богатых спонсоров могут наполнять рынок своими графоманскими поделками» [Там же, с. 14].

Тем не менее, действительно, остается вопрос, насколько оправданным были опасения советского руководства относительно возможной перспективы участия Финляндии в новой войне с СССР вместе с теми немецкими войсками, которые уже сгруппировались на финской территории к 22 июня 1941 года?

На страницах своего «творения» Солонин утверждает, что у него «"финская составляющая" вопроса будет рассмотрена лишь в самой меньшей степени» [2, с. 23]. Более того, он весьма снисходительно дает оценку действия в Финляндии советской разведки. Солонин указывает на невесть откуда существующие у него данные, что чуть ли не все основные сведения о военных планах и подготовке финской армии советская агентурная сеть в этой стране добывала из застольных бесед финских офицеров в ресторанах Хельсинки [Там же, с. 319—320]. Но на самом деле ситуация со сбором разведанных обстояла значительно более серьезно, и об этом написано, как представляется, уже достаточно [3]. Хотя, в данных условиях, стоит, видимо, опять напомнить, что советская разведка в это время все же фиксировала массу примеров проявления нарастающего тогда германо-финского военного сотрудничества и развертывания у границ СССР в Финляндии немецкой группировки.

Прежде всего, конечно, советская разведка фиксировала устойчивое присутствие военных сил Германии на финской территории. Но поскольку к лету 1941 года поток немецких войск туда стал лишь только нарастать, советские представители, работавшие в Финляндии, это тоже начали, естественно, отмечать. Причем в Москву информация о том, что «немцы перебрасывают в Финляндию войска», разумеется, поступала из разных стран [4, с. 24—25, 78]. В частности, как сообщал в конце апреля советский военный атташе в Германии, «потоки военных транспортов из Германии в Финляндию идут непрерывно, а в последнее время получают сведения о транспортировке войсковых частей» [Там же, с. 116]. Всего же к началу мая, по финским данным, на территорию страны из рейха было направлено около 13 тысяч немецких солдат [5, S. 252].

Сведения поступали от достаточно развитой сети советских агентов, работающих в различных странах. Кроме того, советские разведчики подбирали ключи к шифротелеграммам дипломатической переписки ряда государств, а также наладили прослушивание зданий иностранных дипломатических представительств в Москве, в том числе и финского [6, с. 78, 83—86]. Далее, советская разведка перехватывала определенную информацию, которая поступала в английскую миссию в Хельсинки и даже имела агентурный доступ к определен-

ным документам разведывательной службы Англии. В результате в Москву нередко попадали весьма ценные аналитические документы британской разведки, в том числе и отдельные материалы относительно германо-финляндского сотрудничества [7, с. 479].

В итоге, согласно справке наркомата госбезопасности, обобщавшей тогда новые агентурные сведения о подготовке Финляндии совместно с Германией к нападению на Советский Союз, имелись четкие данные, что Финляндия должна была вступить в войну [8, с. 209; 9, с. 71; 4, с. 14, 26]. Особенно хорошо это стало заметно, когда 7 июня 1941 года началась массовая переброска немецких солдат в Финляндию [10, S. 93]. Туда было направлено громадное количество судов, на борту которых находились военнослужащие сразу двух немецких дивизий. Всего в июне 1941 года на более чем 70 транспортных кораблях удалось перевезти свыше 21 тысячи германских солдат. Они выгружались в портах Оулу, Пиетарсаари, Вааса, Каскинен и Турку [Ibid., S. 93; 11, S. 104]. Затем эшелонами по железной дороге эти войска перемещались в район Рованиеми.

Вместе с тем в финскую Лапландию из Норвегии стали маршем прибывать и первые механизированные части дивизии СС «Норд». Вообще же в те дни благодаря переброске войск из Северной Норвегии группировка немецкой армии в районе Рованиеми увеличилась более чем на 40 тысяч солдат [9, с. 93; 12, с. 145].

Разумеется, что такое значительное перемещение немецких войск уже просто не могли не замечать. Из информации, которая была представлена Сталину еще в начале мая 1941 года на основе данных из разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, становится ясно, что именно такое развитие событий и предполагалось в перспективе советским командованием. В указанной информации говорилось, что «вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем» [4, с. 173].

В целом по поводу переброски в Финляндию немецких войск советскому правительству неоднократно и достаточно подробно направлялась обстоятельная разведывательная информация. В течение 5, 9, 11 и 13 июня на имя Сталина и Молотова поступали сведения, в которых подробно рассматривались вопросы, касающиеся возможности вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Германии [13; 6, с. 140, 151–153]. В них, в частности, верно указывалось, что с 5 по 15 июня в порты Финляндии «выгружилось не менее двух моторизованных дивизий». Также сообщалось, что «немцы перебрасывают

из Северной Норвегии в Финляндию дивизию, которая прибывает в Рованиеми» [4, с. 366; 6, с. 154]. Таким образом, сведения поступали в Москву весьма четкие.

К тому же в последние дни перед войной советская радиоразведка еще перехватила ряд шифровок зарубежных посланников в Хельсинки. В телеграмме, адресованной 18 июня японскому послу в Москве, и в другой, отправленной 19 июня итальянским посланником в Рим, говорилось о последних военных приготовлениях, происходящих в это время в Финляндии. Так, в частности, отмечалось: «Всеобщая мобилизация, объявленная неофициально, сейчас завершена. Страна находится на военном положении. Продолжается прибытие германских вооруженных сил, включая авиационные части. Считается, что Германия немедленно примет решение в отношении СССР» [8, с. 216—217; 9, с. 254, 266]. Более того, советской разведке стало известно из сообщения японского посланника своему руководству о том, что в его дипломатическом представительстве в финской столице начали сжигать секретную документацию [9, с. 268]. Все это говорило только об одном — неотвратимо приближается война с СССР.

Основываясь на воспоминаниях командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта М.М. Попова и начальника штаба округа генерал-майора Д.Н. Никишева, можно заключить, что они, располагая поступавшей разведывательной информацией, имели довольно ясное представление о приближавшейся военной опасности с территории Финляндии [14; 15. Оп. 1. Л. 272].

Именно тогда по указанию командующего Ленинградским округом и было принято решение о переброске на кандалакшское направление из района Пскова 1-й танковой дивизии. М. Солонин только в этом увидел предвестник готовящейся СССР агрессии в отношении Финляндии. Но он, как это можно понять, при этом просто не захотел еще посмотреть на то, что тогда происходило в самой Финляндии.

Все перемещения советских войск к финской границе на севере, безусловно, были вызваны только одним — стремительной концентрацией частей германской армии на этом направлении. Другого просто не было, если, конечно, не рассматривать события в сугубо публицистическом жанре, далеком от истории. Более того, говоря о серьезном отношении к происходящим событиям в Финляндии командования Ленинградского военного округа, следует заметить, что 19 июня почти весь состав военного совета округа выехал специальным поездом в Заполярье. Целью этой поездки было изучение на месте складывавшейся обстановки. Впоследствии М.М. Попов писал: «...Мы и лично наблюдали, поднимаясь на некоторые вышки пограничников, отчетливо ви-

димые группы немецких офицеров, группы солдат, продвигавшихся в различных направлениях, машины, носившиеся по дорогам, и много дымов — очевидно от полевых кухонь, так как в жаркий июньский день вряд ли кто-нибудь разводил костры» [14, с. 36—37]. В данном случае советскому окружному командованию действительно повезло, поскольку оно убедилось в том, что немецкие войска, выполняя приказ, начали уже с 18 июня выдвигаться к советской границе на севере Финляндии [11, S. 108].

Но то, что лично наблюдал тогда командующий округом, было еще не все. В это время в Финляндии в распоряжение немецкой авиации предоставили ряд аэродромов, что позволяло серьезно приблизить места германского авиационного базирования к жизненно важным районам северо-западной части СССР. Далее, еще за десять дней до начала войны, 12 июня в финские территориальные воды вошел отряд боевых кораблей, состоящий из лучших торпедных катеров Германии [5, S. 459; 11, S. 108]. Эти суда должны были вместе с финскими кораблями с началом войны постараться перекрыть выход советского Балтийского флота из Финского залива.

К тому же тогда, а точнее с 15 по 19 июня, в генштабе финской армии были внесены окончательные уточнения в наступательные операции в северном Приладожье и на Карельском перешейке [5, S. 427], а 17 июня финскому военному командованию уже четко сообщили, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня. После получения этих сведений генеральный штаб финской армии вынужден был срочно провести совещание командиров оперативных отделов корпусов, которые были проинформированы об ожидаемом развитии событий. Как отметил затем 19 июня в своем дневнике финский боевой генерал П. Талвела, «предварительный приказ о наступлении получен» (!!!) (Цит. по: [Ibid., S. 430]).

Иными словами, вооруженные силы Финляндии в данном случае действовали вполне согласованно с вермахтом и действительно готовились перейти советско-финляндскую границу. События тогда развивались для Финляндии достаточно естественно и в строгом соответствии с тем, какие задачи отводились ее армии в немецком оперативном плане «Барбаросса», утвержденном Гитлером еще 18 декабря 1940 года. Вполне понятно поэтому, что за день до нападения Германии на СССР финские вооруженные силы уже тоже были приведены в состояние полной боевой готовности, а в финском генштабе даже появился заблаговременно составленный маршалом Маннергеймом приказ о переходе в наступление [16]. Более того, накануне начала войны финляндские подводные лодки и германские минные заградители,

располагавшиеся в шхерах, уже направились в территориальные воды Советского Союза для постановки мин [5, S. 573—574; 10, S. 205—206]. Все эти события свидетельствовали, естественно, только об одном — Финляндия и Германия действовали строго по выработанному единому стратегическому плану.

Таким образом, реальные действия Финляндии ясно указывали советскому командованию на факт сложившихся у рейха союзнических отношений с финским руководством. И, действительно, Ленинграду немецкая авиация начала угрожать уже с первого дня Великой Отечественной войны. Боевые операции люфтваффе стали осуществляться тогда именно с использованием финских аэродромов, поскольку технические данные самолетов пока еще не позволяли с самой территории Германии разворачивать массированные операции против района Ленинграда.

В результате уже 22 июня в два часа ночи через аэродром в Финляндии в районе Утти пролетело до 18 немецких бомбардировщиков «Ю-88», которые далее пересекли воздушное пространство Советского Союза в районе города Лаппеенранта. После этого над акваторией Ладожского озера они долетели до Невы у Шлиссельбурга, а затем повернули в сторону Ленинграда. Целью этого налета являлось, как утверждают финские исследователи, минирование «объектов, связанных с судоходством на Неве» [5, S. 584]. Поставленную задачу, очевидно, германские самолеты выполнили, хотя по советским данным уже тогда состоялся первый воздушный бой в небе у Ленинграда, где немецкие самолеты были встречены истребителями ВВС округа [17, с. 45].

Действительно, определенная готовность противовоздушной обороны Ленинграда к возможной атаке авиации противника на город, по-видимому, объяснялась тогда тем, что еще до этого налета в половине первого ночи в штаб ЛВО пришла директива, подписанная наркомом обороны и начальником Генерального штаба. В этой директиве говорилось о возможности нападения немецкой армии на СССР уже 22—23 июня. В результате командованию ВВС округа «была поставлена задача немедленно привести всю авиацию в полную боевую готовность». Такую же задачу поставили командованию ленинградских войск противовоздушной обороны [Там же, с. 45; 18, с. 12]. В результате самолеты истребительной авиации округа уже спустя два часа после отданного из Москвы распоряжения начали боевое патрулирование воздушного пространства Ленинграда. Еще на двадцать минут раньше были подняты по боевой тревоге и части ПВО [19, с. 12].

Тем не менее все 18 немецких самолетов смогли благополучно вернуться обратно в Финляндию, приземлившись уже в 3 часа 15 минут

утра на аэродроме в Утти. «Иными словами, — как отметил военный историк Х. Сеппяля, — с финского воздушного пространства атаковали район Ленинграда, еще до перехода в наступление немецкой армии» и начала Великой Отечественной войны [20, С. 38—39]. В результате можно говорить, что Великая Отечественная война для СССР началась именно на ленинградском направлении.

Однако налеты на советскую территорию в эту ночь не закончились. В 3 часа 30 минут, если верить неопубликованным воспоминаниям генерала Д. Н. Никишева, ему позвонил начальник ПВО округа и доложил «о подходе группы самолетов в направлении Кронштадта и Ленинграда» [15. Д. 24 (2). Л. 277]. Естественно, начальник штаба Ленинградского округа сразу же сообщил об этом в Москву. Он связался с заместителем начальника Генштаба Н. Ф. Ватутиным и проинформировал его о налете, а также запросил у него информацию об обстановке в целом. Ответ был весьма коротким: «Война, тов. Никишов, действуйте» [Там же. Л. 278]. Действительно, 14 немецких бомбардировщиков, вылетевших из Восточной Пруссии, тоже использовали Финляндию для своего временного базирования в осуществлении своего налета на район Ленинграда — Кронштадта. Однако и этот налет не оказался неожиданным для ленинградской противовоздушной обороны. По информации ряда советских источников немецкие самолеты были обнаружены над акваторией Финского залива и обстреляны зенитными батареями кронштадтских фортов [21, с. 187; 22, с. 64], а по некоторым сведениям даже указывается, что «два фашистских самолета с их экипажами отправились на дно Финского залива» [23, с. 177].

После полученных из Москвы указаний незамедлительно для штаба и всех окружных управлений была объявлена полная боевая тревога. Также оповестили о начале войны все военкоматы, партийные и советские организации Ленинграда. Д. Н. Никишев, кроме того, отдал срочное распоряжение «предупредить военкоматы о предстоящей мобилизации и формировании частей по схеме развертывания» [Там же, с. 177]. Так, уже рано утром войска округа переходили на абсолютный режим военного времени.

Тем не менее финская армия не пересекла тогда государственной границы, поскольку в соответствии с планом «Барбаросса», она должна была включиться в наступательные операции на ленинградском направлении только после подхода к городу войск немецкой группы армий «Север». Но налеты немецких самолетов на советские стратегические объекты из Финляндии, естественно, продолжились. Наряду с попытками проникнуть в воздушное пространство Ленинграда 14 немецких самолетов «Me-110» утром 22 июня на малой высоте

постарались атаковать советский военный аэродром под Выборгом. Однако и здесь они натолкнулись на достаточно сильную систему противовоздушной обороны. Завязался воздушный бой, в котором участвовали истребители 7-го авиаполка [24, с. 165]. Как отмечает в своем исследовании отечественный историк авиации И. Г. Иноземцев, «советские летчики атаковали "мессершмиттов", которые, не приняв боя, поспешили скрыться в сторону Финского залива» [25, с. 36].

Также стали происходить достаточно ожесточенные бои и в небе над советской военно-морской базой в Ханко [26, с. 136]. На Крайнем Севере немецкая авиация подвергла бомбардировке район Мурманска. Рано утром 22 июня в городе был дан сигнал воздушной тревоги [27, с. 6]. На следующий день это коснулось и Ленинграда. Немецкое командование тогда решило нанести свой первый авиаудар прямо по городу. До 18 бомбардировщиков, взлетев поздно вечером с территории Финляндии, пытались прорваться к городу со стороны Карельского перешейка. Однако уже на подлете к цели в районе города Сестрорецка они натолкнулись на весьма плотный огонь зенитных орудий. В результате половина этой авиационной группы развернулась и двинулась в сторону Финского залива в направлении Кронштадта, а другая продолжала свой курс прямо на город.

Обе группы немецких самолетов так и не смогли выполнить поставленной перед ними задачи. У Кронштадта бомбардировщики были встречены мощным заградительным огнем зенитных орудий Балтийского флота. В итоге, по некоторым данным, было сбито «четыре самолета, а остальные повернули обратно» [19, с. 19]. Другая же группа бомбардировщиков «Ю-88» оказалась прямо над артиллерийскими позициями 2-го корпуса ПВО Ленинградского округа. Сразу же один из самолетов этой группы был сбит огнем зенитной батареи, находившейся в районе станции Дибуны, остальные же бомбардировщики, беспорядочно сбросив свой груз, быстро взяли обратный курс к территории Финляндии [Там же]. Что же касается сбитого над Карельским перешейком самолета, то три члена его экипажа смогли катапультироваться и оказались одними из первых с момента начала войны военнопленных. В результате выяснилось, что взятый в плен «экипаж вместе с экипажами других бомбардировщиков получил задачу совершить налет на Ленинград и нанести удар по Кировскому заводу» [18, с. 13]. Этот факт также подтверждали и изъятые у пленных летчиков документы. Среди них, в частности, оказались карты района Кировского завода [28, с. 226].

В то же время руководству Ленинградского округа стали поступать достаточно разнообразные разведывательные данные из Генштаба о

том, что немецкое командование уже готовит масштабные «авиационные удары по Ленинграду, подобно тем, которым подверглись Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь» [18, с. 13]. Эти сведения подтверждались также информацией от радиоразведки. Из полученных данных становилось ясно, что уже началось «сосредоточение на аэродромах Финляндии крупных сил немецкой авиации» [Там же]. Очевидно эта информация прежде всего была связана с тем, что тогда из Германии на аэродром в Мальми под Хельсинки уже стали перебрасывать немецкую бомбардировочную авиацию 1-го воздушного флота, что было вызвано, как объясняется в финской исторической литературе, недостаточной пропускной способностью аэродрома в Утти [5, S. 586]. Все это требовало от советского командования принятия крайне оперативных решений. Начальник разведотдела штаба округа комбриг П. П. Евстегнеев срочно доложил об имеющихся у него сведениях своему руководству.

Советскому военному командованию нужно было делать весьма адекватные выводы относительно событий, происходивших на северо-западных границах СССР. Как по этому поводу заметил А. А. Новиков, «нужно было принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке в первые часы войны». Далее он в своих воспоминаниях отметил, что у руководства ВВС округа тогда уже сложилось мнение, что «если не будем медлить, то вполне справимся с такой задачей» [17, с. 50].

Так, на второй день войны с позицией Финляндии стало все предельно ясно. Нарушение воздушного пространства СССР превращалось в весьма регулярные боевые действия. Очевидно, что в подобных условиях требовалось дать соответствующий отпор. Об этом решении, естественно, должны были думать прежде всего в Москве, поскольку ранее, с началом войны, войскам Ленинградского военного округа давалось категорическое указание, чтобы они «не шли на провокации» [15. Д. 24 (2). Л. 288]. По воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня связался по прямой телефонной линии с Москвой и доложил о сложившейся ситуации и о действиях финнов заместителю наркома обороны СССР и начальнику Генштаба Г. К. Жукову. Как пишет Д. Н. Никишев, он сообщил ему о систематических фактах нарушения границы со стороны Финляндии. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «"Бейте эту св...чь" и положил трубку» [Там же]. Следовательно, военному командованию СССР стало очевидно, что финны фактически вступили в войну на стороне Германии и что необходимо предпринимать адекватные ответные действия.

В ночь с 23 на 24 июня разведотделу округа было поручено подготовить карту финских «аэродромов с указанием координат каждого из них», а также «количества базирующихся самолетов и зенитного прикрытия» [18, с. 13]. Эта карта, собственно, затем и стала использоваться для разработки весьма поспешного по своей сути плана действий советских военно-воздушных сил против немецкой авиации на финской территории. Сам этот план, судя по воспоминаниям А. А. Новикова, был утвержден командующим округа днем 24 июня, когда он лично связался с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Тот, в свою очередь, «проконсультировался в еще более высоких инстанциях, и решение было получено» [17, с. 50]. В результате ранним утром следующего дня разработанный в штабе ВВС округа план начал воплощаться и «первый удар по вражеским аэродромам был нанесен 25 июня в 4 часа утра» [Там же, с. 51].

Из общей подготовки, планирования и осуществления данной операции видно, что она готовилась стремительно. Более того, за ее реализацией не скрывалось ничего, кроме желания при возникновении реальной угрозы нанесения противником «внезапного удара» не давать ему «инициативы действий». Так, собственно, говорилось в довоенных документах «стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» [4, с. 216; 29, с. 304]. И теперь эта задача начала выполняться.

Упреждающий удар был нанесен советской авиацией 25 июня по 18 аэродромам в Финляндии и захваченной Германией Норвегии. В этой операции принимали участие 260 бомбардировщиков и 225 истребителей сопровождения [30, с. 45; 25, с. 40]¹. Таким образом, на каждую цель советское командование направило приблизительно столько же бомбардировщиков, что и люфтваффе в район Ленинграда в момент их налетов на советскую территорию. Отличие между немецким и советским авианалетами заключалось лишь в значительно большем количестве целей, которые были подвергнуты атаке советской авиацией. Перед советским командованием стояла задача предотвращения дальнейших массированных налетов авиации Германии на стратегически важные районы северо-запада Советского Союза и на Ленинград. Операция достигла нужного результата — с этого момента налеты на Ленинград немецкой авиации с финской территории прекратились и фактически уже больше не осуществлялись до конца войны.

---

¹ В мемуарах А. А. Новиков, подтверждая цифру уничтоженных самолетов противника, указывает, что в этой операции приняло участие 263 бомбардировщика и 224 истребителя [17, с. 51].

Безусловно, это было наиболее существенным из того, что достигли советские военно-воздушные силы в начале Великой Отечественной войны.

С другой стороны, можно еще отметить, что советский налет нанес первый удар по военной политике Финляндии того времени. Позволив сначала разместить части вермахта на своей территории, а затем разрешив базироваться у себя военно-морским и военно-воздушным силам Германии, руководство страны, вероятно, не до конца задумывалось о возможных последствиях таких решения. Надежды на то, что вермахт в считанные месяцы сокрушит Красную армию, а люфтваффе уже в первые часы войны сможет подорвать мощь советской авиации, не оправдались. В итоге при ответном советском авиационном ударе пострадала территория самой Финляндии. Более того, по данным финского управления противовоздушной обороны 25 июня 1941 года от бомбардировки погиб 21 человек, а более 100 было ранено [31]. Так появились первые жертвы политики военного сотрудничества Финляндии с Германией.

События 25 июня дали финскому руководству возможность официально объявить готовящуюся им войну Советскому Союзу. В этой связи остается лишь задать вопрос: когда финские войска действительно начали боевые действия и перешли в наступление? Имея значительное превосходство в численности своей армии перед войсками Северного фронта, который был развернут на основе частей Ленинградского военного округа — 475 тысяч человек против 240 тысяч [32, с. 107] — финские войска не спешили переходить к решительным действиям. Бои на границе стали разгораться лишь к концу июня синхронно действиям немецких войск на Севере. Финские части переходили государственную границу с тем, чтобы перерезать проходящую по территории Карелии мурманскую железную дорогу и начали наступать севернее Ленинграда в приладожском районе [24, с. 175]. Эти действия совпали по времени с наступлением 29 июня на мурманском направлении с территории Финляндии немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» [Там же, с. 173].

Основные свои действия финские войска так называемой «Карельской армии» развернули лишь 10 июля 1941 года, в то самое время, когда германские части группы армий «Север», наступавшие на Ленинград, вышли в район Пскова и стремительно начали продвигаться на ближние подступы к городу. Именно в этот момент по согласованному ранее плану финские войска перешли в общее наступление на Ленинград. В результате над городом нависла угроза как с севера, так и с юга.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, насколько долго Финляндия могла пребывать в положении странного «нейтралитета», не случись атаки советской авиацией финских аэродромов 25 июня, можно со всей уверенностью поддержать мнение отечественных исследователей, отмечающих, что эта позиция финского руководства могла реально сохраняться «не дольше 10 июля» [32, с. 107]. Разгоралась битва за Ленинград, Финляндия и ее армия, по согласованному с германским командованием плану «Барбаросса», должна была принять самое активное участие в этой операции.

В целом начало войны на Северо-Западе СССР показало, что подразделения Красной армии здесь ее встретили весьма достойно. Как немецкие, так и финские войска, не получившие «фактора внезапности», имевшегося у вермахта на остальной части советско-германского фронта, не смогли полностью решить поставленные перед ними задачи. Поскольку боевые действия тут начались спустя неделю после нападения Германии на Советский Союз, это привело к тому, что подразделения Ленинградского военного округа оказались полностью готовы к отражению готовящегося наступления. В итоге германские войска с территории Финляндии так и не смогли взять Мурманск — стратегически важный порт СССР. Финские и немецкие части не сумели перерезать мурманскую железную дорогу, они были остановлены 25 сентября 1941 года у стен Ленинграда, где советские войска фактически одержали первую крупную победу в ходе Великой Отечественной войны [33]. В результате же Тихвинской оборонительно-наступательной операции осенью — зимой 1941 года наступавшие немецкие части были разбиты. Это означало явное крушение германского плана «Барбаросса» на Северо-Западе и отказ германского командования от дальнейшего масштабного наступления вглубь северо-западной части территории Советского Союза.

Список литературы

1. *По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.* Петрозаводск, 1995.
2. Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2008.
3. Барышников В. Н. Что было известно в 1941 г. о возможности нападения Финляндии на СССР и наступлении финских войск на Ленинград // Уроки Второй мировой войны и проблемы обеспечения мира в XXI веке. СПб., 2000.
4. *Россия. XX век. Документы.* 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2.
5. Jokipii M. *Jatkosodan synty.* Hels., 1987.
6. *Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР.* Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995.

7. *Очерки истории российской внешней разведки*: в 6 т. М., 1997. Т. 3.
8. *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 4.
9. *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*. М., 1995. Т. 1. Кн. 2.
10. *Serrälä H. Suomi hyökkääjänä 1941*. Porvoo; Hels.; Juva, 1984.
11. *Menger M. Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg*. Berlin, 1988.
12. *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.
13. *Правда*. 1989. 8 мая.
14. *Оборона Ленинграда. Воспоминания и дневники участников*. Л., 1968.
15. *Архив штаба Ленинградского военного округа*. Ф. 47/127. Оп. 1. Л. 272.
16. *Tiedonantaja*. 1979. 16.02.
17. *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970.
18. *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. Л., 1980.
19. *Дворянский Е. М., Ярошенко А. А.* В огненном кольце. Таллин, 1977.
20. *Serrälä H. Leningradin saarto 1941–1944*. Hels.; Pietari, 2003.
21. *Дважды Краснознаменный Балтийский флот*. М., 1978.
22. *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976.
23. *Гужков А. А., Раздольский Е. И.* Противовоздушная оборона КБФ // *Моряки-балтийцы на защите Родины 1941–1945*. М., 1986.
24. *История Ордена Ленина Ленинградского военного округа*. М., 1988.
25. *Иноземцев И. Г.* Под крылом – Ленинград. М., 1978.
26. *Кабанов С. И.* На дальних подступах. М., 1971.
27. *Иноземцев И. Г.* Крылатые защитники Севера. М., 1975.
28. *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // *От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944*. СПб., 2006.
29. *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
30. *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002.
31. *Ulkoasiainministeriön arkisto*. 110 A 1. Pommituskertomus ajalta 22–26.06. 1941.
32. *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010.
33. *Барышников Н. И.* Две судьбоносные даты в битве за Ленинград // *Материалы научно-практической конференции «Тихвинско-Волховская наступательная операция 1941 года»*. СПб., 2007.

ВОПРОСЫ К ИСТОРИКУ (интервью с И. Данилевским)

С 2009 года в БФУ им. И. Канта проводится международный научный семинар «Между Вислой и Неманом: перекресток культур». Его организаторы — исторический факультет и представительство Польской академии наук в Москве — третье заседание семинара, состоявшееся 22 ноября 2010 года под названием «Грюнвальд 1410 — Историческая память 2010»¹, посвятили 600-летнему юбилею Грюнвальдской битвы, широко и разнообразно отмечавшемуся в ряде европейских стран. С докладами на семинаре выступили ученые из Польши, Литвы и Белоруссии. Среди российских докладчиков

был известный московский историк Игорь Николаевич Данилевский, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Высшей школы экономики. И. Н. Данилевский автор более 150 научных работ по истории средневековой Руси, в том числе новаторского исследования о герменевтических основах изучения «Повести временных лет», двухтомного курса лекций по истории Руси IX — XIV веков, учебного пособия по источниковедению, нескольких учебников по истории России для средних школ и университетов. Во время работы семинара редактор студенческой газеты исторического факультета «ДИФ» студент 3-го курса Владимир Лемешевский взял интервью у И. Н. Данилевского. Оно было опубликовано в декабрьском номере газеты и, с любезного согласия автора, специально отредактировано и дополнено для публикации в нашем журнале.

---

¹ См.: Международный научный семинар «Грюнвальд 1410 — Историческая память 2010 // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 12. Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 152—154.

Об исторической науке

В.Л.: Последние 20 лет — сложный период для нашей страны. Можно ли то же самое сказать об отечественной исторической науке?

И.Д.: Мне представляется, что последние 20 лет были невероятно сложными для нашей науки. Связано это, прежде всего, с утратой более или менее ясных методологических и профессиональных ориентиров.

Свобода выбора для историков — как и для всего народа в целом — оказалась невероятно трудной задачей: их этому никто не учил. Наверное, отсюда постоянное стремление многих коллег вернуться в наше недавнее прошлое, ощутить под ногами «твердую почву» марксистско-ленинских основ и четкости формулировок, от которых нельзя было отказаться под угрозой отлучения от профессии. Иначе придется очень много читать и очень много думать. И никто не скажет, «что такое хорошо и что такое плохо». Думать, размышлять, а не заучивать и запоминать — этому нас тоже не учили. Отсюда, видимо, ощущение кризиса исторической науки, стремление бороться с «попытками фальсификации истории», глухое неприятие новых подходов, ощущение профессионального дискомфорта, которые явно прослеживаются и в ряде публикаций, и в выступлениях, и в частных разговорах.

Между тем в науке — если речь идет о науке — спорят не позиции, а аргументы. Наступило время собственно научных дискуссий, когда навешивание ярлыков не дает возможности избавиться от доводов оппонента — или от него самого, если эти доводы все равно оказываются неопровержимыми. А это тоже непростая задача. Все это, на мой взгляд, и дает основания характеризовать последние 20 лет как сложный период для отечественной исторической науки. Хотя работать стало намного интереснее.

В.Л.: В нашем регионе исторически сложились довольно непростые условия для развития исторической науки: отсутствие архивов довоенной истории области, оторванность от остальной территории России, весьма бедные фонды библиотек. Какие Вы видите перспективы для развития исторической науки в Калининграде?

И.Д.: Увы, в таком же положении находятся многие регионы страны. Впрочем, в последнее время ситуация хоть немного облегчилась за счет развития интернета и цифровых технологий. У меня, скажем, в портфеле с собой всегда порядка восьми тысяч книг, включая

основные публикации источников по истории древней Руси, в том числе дореволюционные: спасибо интернету, сканеру и цифровым фотоаппаратам! Так что это сегодня — дело наживное.

Главное, чтобы были люди, способные научить грамотно работать с источниками, и люди, которые хотели бы этому научиться, а потом работать над проблемами истории — в том числе истории региона. И такие люди, насколько я могу судить по своим более или менее регулярным визитам в Балтийский федеральный университет им. И. Канта и общению с коллегами, в Калининграде есть. Здесь формируется своя историографическая школа. И это здорово!

В.Л.: Историк Павел Уваров, критикуя институт ВАК, в одном интервью высказал такую мысль: «Если журналы делятся на научные и ВАКовские, то мы — за научность». Согласны ли Вы с таким противопоставлением?

И.Д.: В принципе, да. Можно понять ВАК, который вынужден искать формальные критерии, чтобы определить степень профессиональной компетенции соискателей ученых степеней. Сейчас столько желающих получить заветную ученую степень, не имея для этого никаких оснований... И получают! И никакие деления журналов на «рекомендуемые», «рецензируемые» и прочие тут не спасут. К сожалению, формальные препоны, которые «сочиняет» ВАК для недобросовестных (точнее, непрофессиональных) соискателей, оказываются в основном препятствиями для тех, кто лучше разбирается в научных проблемах, чем в чиновничьих играх.

В науке иные критерии, по которым твой авторитет признают или не признают коллеги. Можно иметь все формальные регалии, вплоть до звания академика, — но не иметь «веса» в профессиональной среде. И пусть у тебя появятся десятки публикаций в «ВАКовских» журналах — делу это не поможет. И наоборот. Я, например, знаю одного очень крупного историка, чей авторитет признают все. И хотя он даже не кандидат наук, может, как говорится, дать сто очков вперед многим академикам.

О фальсификации истории

В.Л.: На конференции «Грюнвальд 1410 — Историческая память 2010» в нашем университете на примере Ледового побоища Вы показали, как исторический миф может прочно укорениться в идеологии и культуре. Может ли историк успешно противостоять таким ложным представлениям? Услышит ли общество доводы ученого, который нарушает привычный порядок вещей?

И.Д.: Кто хочет услышать — услышит. Здесь многое зависит от того, что больше волнует человека и общество: стремление узнать правду, понять, что и как происходило, либо создать «комфортную» историю, удобную для себя и своего нынешнего положения. Пока наше общество, уставшее от перемен, не жаждет слышать о том, что в прошлом что-то было не совсем так, как этому учили в школе, — если это «что-то» оказывается по каким-то причинам неудобным для него.

Проще сделать вид, что все, отступающие от «канона», — если не фальсификаторы, то не совсем разумные люди. И никакие аргументы в этом случае не помогут. Тем не менее работа историка по преодолению такого рода мифов — дело, на мой взгляд, необходимое. Без нее мы никогда не сможем создать гражданского общества, никогда не сможем вырваться из бесконечно повторяющегося прошлого. Мы ведь — не суд Истории, и не прокуроры, и не адвокаты ее. Мы — осужденные ею. И пока мы не осознаем, за что осуждены и почему, никогда из этого заключения не вырвемся. Мертвые тянут живых, как говорится.

В.Л.: На нашем факультете один преподаватель ежегодно проводит для третьекурсников семинар в виде деловой игры «Суд над Фоменко». Примечательно, что уже несколько лет подряд студенты не выносят Фоменко и другими последователям «Новой хронологии» обвинительный приговор. Из года в год ему «позволяют» заниматься творчеством. Если бы у Вас были полномочия и возможность судить Фоменко, какое решение Вы бы приняли?

И.Д.: У Н.В. Гоголя, если помните, самой страшной мезьей оказывается невозможность отомстить. Думаю, для господина Фоменко и К^о самым страшным приговором было бы простое невнимание к его писаниям. Графоманы большего не заслуживают, по-моему. К тому же отсутствие интереса к трактатам «хроноложцев», как назвал их один остроумный писатель, подорвало бы основы у этого блестящего коммерческого проекта. Но, к сожалению, наши соотечественники всегда готовы пособить наперсточникам, мошенникам, ворам на доверии. Правда, потом обычно требуют от государства возмещения убытков, понесенных по собственному недомыслию.

В.Л.: Уже больше года при президенте РФ действует «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Заметили ли Вы положительные или отрицательные эффекты от присутствия этой комиссии в нашей научной жизни?

И.Д.: Честно говоря, никаких результатов деятельности этой комиссии я не вижу. Да и вообще, может ли какая-то комиссия — при

ком бы она ни была создана — повлиять на результаты научной работы? Если вдруг начнет влиять, — значит, это будет уже не наука, а нечто иное.

Об образовании

В.Л.: В Высшей школе экономики Вы преподаете не на историческом факультете, а на факультете истории. Очевидно, что такой порядок слов не случаен. Чем же отличается факультет истории от исторического факультета?

И.Д.: Во-первых, само словосочетание «исторический факультет» при ближайшем рассмотрении выглядит несколько двусмысленно. Не так ли? Во-вторых, действительно, еще на стадии обсуждения концепции нового факультета мы договорились, что будем стараться привести структуру обучения на нем в соответствие с современным уровнем развития исторической науки, сохранив все лучшее, что есть у нас сегодня в профессиональном образовании историков. Это отступление от традиции внешне и зафиксировано в формальном изменении традиционного названия факультета.

У нас, скажем, нет деления истории на «отечественную» и «всемирную», поскольку история Руси-России неотделима от истории народов и государств, окружавших и окружающих ее. Мы не сможем понять процессов в XIII веке в Восточной Европе без знания того, что происходит в это время во Внутренней Монголии или, скажем, в Восточной Прибалтике. К тому же попробуйте ответить на вопрос: представляется ли народам Сибири и Дальнего Востока история Киевской Руси своей историей? И если да, то почему? А история каких народов и государств является своей для жителей вашей области?

Историческое образование нельзя свести к запоминанию бесконечного количества фактов, дат и имен, на что направлена традиционная система. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть перечни контрольных вопросов, которыми завершаются школьные и вузовские учебные программы. На наш взгляд, гораздо важнее научить будущих историков добывать и грамотно работать с ретроспективной информацией, дать им представление об общих тенденциях развития человеческого общества и тех факторах, которые определяют специфику исторического существования того или иного социума. Хотя, безусловно, и без знания определенного фактического материала обойтись нельзя. К тому же в последние годы с развитием компьютер-

ных технологий резко изменилась информационная обстановка. Преподаватель истории уже не является основным носителем «сакрального» исторического знания. Вот мы и поставили перед собой задачу найти по возможности оптимальное соотношение этих составляющих в учебном процессе. Наши выпускники должны уметь свободно ориентироваться в нарастающем информационном потоке, работать в новых условиях. Что у нас получится — покажет время. Во всяком случае, мы стараемся.

Кстати, Высшая школа экономики — один из самых «прозрачных» вузов в России. Буквально всю информацию о различных сторонах жизни «Вышки» можно найти на ее официальном сайте (<http://www.hse.ru>). Структура его проста и понятна. Там вы можете познакомиться с концепциями факультетов и кафедр, с нашими учебными планами и программами, научной жизнью вуза и мероприятиями, которые проходят под его эгидой или при участии его преподавателей, найти информацию о каждом из них, можете пообщаться с деканами факультетов. Короче, найти ответы практически на все интересующие вас вопросы. На страничке нашей кафедры существует даже небольшая электронная библиотека, в которой есть целый ряд редких изданий прошлого и позапрошлого веков и которой может пользоваться любой желающий (к сожалению, огромные электронные ресурсы фундаментальной библиотеки НИУ ВШЭ доступны только нашим преподавателям и студентам).

В.Л.: Как Вы относитесь к переходу на Болонскую систему образования?

И.Д.: В принципе, положительно. Но, как говорится, без фанатизма. Надо сохранить все лучшее, что накоплено отечественной системой высшего образования. Но при этом нельзя ее изолировать от иных систем, которые существуют в зарубежных странах. «Кавалерийская атака» здесь не поможет. Надо думать, как совместить эти системы, создать условия для их взаимодействия. На это и направлен Болонский процесс. К сожалению, пока, как мне кажется, у нас все идет по линии внешнего соответствия. Как всегда, мы пытаемся изменять форму, но не содержание высшего образования, пытаемся изменяться внешне, не меняясь по существу. В этом-то и беда.

К тому же Болонская система, насколько я понимаю, дает студентам большую возможность выбора. Конечно, это создает и новые проблемы — не только для студентов (у нас довольно широкий спектр дисциплин по выбору и факультативов), но и для преподавателей. В частности, открывая магистратуру, мы прекрасно понимаем, что обучение в ней потребует определенной подготовки. А есть ли она у поступаю-

щих к нам бакалавров из других вузов — мы не знаем. Поэтому мы вводим ряд специальных адаптационных курсов по истории религии, философии, искусства, исторической науки, которые позволят выпускникам других вузов быстрее и безболезненнее войти «в курс дела».

В.Л.: Нужно ли требовать от студентов стопроцентной посещаемости занятий? И отражаются ли их пропуски на Вашем отношении к ним во время сессии?

И.Д.: В Высшей школе экономики посещаемость учитывается при выставлении итоговых рейтинговых оценок по учебным дисциплинам. Однако дело, как мне представляется, опять-таки не в соблюдении формального требования посещаемости занятий. Надо преподавать так, чтобы студент сам хотел ходить к тебе на лекции и семинары, чтобы ему было интересно с тобой, чтобы он чувствовал, что общается с профессионалом, у которого можно многому научиться. А это возможно, если я буду не просто повторять известные даты и факты, которые легче найти в книжках или в Википедии, а поделюсь с ним своим опытом работы — это то, чего ни в каком интернете не найдешь. По-моему, это должен быть не только (а может быть, и не столько) разговор учителя с учеником — хотя без этого не обойтись, — но и беседа коллег. При этом очень важно прислушиваться к вопросам, которые тебе задают, и честно на них отвечать.

В.Л.: Должен ли преподаватель участвовать вместе со студентами во внеучебной жизни факультета? Можно ли говорить о его воспитательных задачах в условиях современной высшей школы?

И.Д.: Конечно, должен! Во-первых, это интересно — и преподавателю, и студентам. Во-вторых, как же иначе можно приобщить студента к профессии? Для меня мои учителя — Александр Павлович Прохштейн, Владимир Яковлевич Кияшко, Юзеф Иосифович Серый — были и остаются друзьями и коллегами. С ними всегда интересно было поговорить не только на профессиональные темы. Они меня научили многому в жизни. Вообще, так сказать личностная составляющая играет огромную роль в становлении историка-профессионала. Как сказал когда-то А. В. Гулыга, история — это лицо науки, обращенное к человеку. Собственно, сейчас именно воспитательная функция, по-моему, становится все более важной в работе вузовского преподавателя. Ведь образование (в отличие от обучения), как говорил А. Эйнштейн, — это то, что остается после того, как забыто все, чему тебя учили.

В.Л.: Какие качества Вы цените больше всего в студентах, а какие в преподавателях?

И.Д.: И в тех, и в других я больше всего ценю заинтересованность, интерес к жизни, к человеку, к профессии.

В.Л.: Что нужно делать или не делать для того, чтобы факультет был по-настоящему живым организмом?

И.Д.: Не знаю. Наверное, надо просто жить и общаться, не делая вид, что преподаватели и студенты — две воюющие армии. У нас общее дело, и необходимо, чтобы мы — и студенты, и преподаватели — хорошо его делали.

СЛОВЕСНОСТЬ

Трудно себе представить людей более непохожих: небольшого роста, худощавый, подвижный Пушкин и крупный, флегматичный, несколько полноватый Дельвиг. И тем не менее они сошлись раз и навсегда.

О. Павляк

Блатной фольклор функционально служил не только для украшения досуга воров. Он кодифицировал культурное пространство и обладал соответственной регулирующей и дидактической прагматикой. Блатная песня — хранилище воровской этологии.

С. Свиридов

*Ольга Павляк
(Калининград)*

АНТОН ДЕЛЬВИГ: БИОГРАФИЯ — ЛЕГЕНДА — ГЕРОЙ

Вот загадка моя...
А. С. Пушкин

Оня Дельвига прочно вошло в русскую культуру рядом с именем его великого друга — Александра Сергеевича Пушкина. Они оба родились в Москве, были практически ровесниками, принадлежали к знатным, но не слишком богатым семьям, оба оказались в числе первых воспитанников Царскосельского лицея в 1811 году. Трудно себе представить людей более непохожих: небольшого роста, худощавый, подвижный Пушкин и крупный, флегматичный, несколько полноватый Дельвиг. И тем не менее они сошлись раз и навсегда. Сначала их объединяли детские шалости и пристрастия, круг друзей, литературные вкусы, позже к этому добавилось сотрудничество в «Литературной газете», общие радости и утраты. Друзья могли встречаться каждый день или, в силу обстоятельств, не видеться годами, но при этом всегда неразрывно были скреплены необыкновенной душевной привязанностью. При встрече и расставании они целовали друг другу руки, а в письмах иначе не обращались, как «милый» и «брат».

Эта великая дружба, освещавшая жизнь Дельвига, после его смерти заслонила и его художественный талант, и человеческий облик, превратив сложную и самодостаточную личность поэта в антураж литературного быта — «Керн в мужском роде» [1, с. 103]. Вместе с тем даже простое перечисление заслуг Антона Дельвига перед отечественной культурой обнаруживает несправедливость такого к нему отношения.

Именно он первый услышал и оценил Пушкина, а затем, предположительно тайно от автора, отправил в «Вестник Европы» стихотворение «К другу стихотворцу». Это была первая публикация, открывшая миру Пушкина. Дельвиг помог становлению таланта Баратынского, предсказал большое будущее Языкову, из его песен вышел Кольцов, он был основателем «Литературной газеты» и возглавлял альманахи «Северные цветы» и «Подснежник» — издания, оказавшие огромное влияние на развитие литературного процесса XIX века.

У Дельвига был удивительный и достаточно редкий для художника дар: он умел радоваться поэтическим успехам своих друзей, помогал им иногда в ущерб себе, о своем даровании был очень скромного мнения, сознательно избрав позицию дилетанта. Это давало ему определенную свободу, без постановки задачи завоевания поэтического Олимпа; он писал, руководствуясь лишь вдохновением и собственным вкусом. Творчество Дельвига невелико и составляет одну книгу среднего размера. Возможно, оно не поражает блистательной смелостью, тем более в ореоле художественных достижений его великого друга, но вместе с тем по-своему оригинально и представляет собой очень гармоничный поэтический мир, сотканный из тончайших нюансов, за которыми скрыто неброское обаяние его лирики.

Дельвиг вошел в литературу в эпоху романтизма, для которой было характерно принципиально новое отношение к личности. Расставшись с рационалистическим мироощущением классицизма и сентиментализма, романтики стали воспринимать человека как микрокосм, познание которого невозможно по определению. Личность становится самоценной, начинается внутреннее освоение мира души, авторские переживания приобретают качество уникального события, а собранные воедино в контексте творчества поэта разрастаются в завораживающий лирический сюжет. Как отмечает Лидия Гинзбург, романтическая лирика 1820—1830-х годов «строит собирательный образ романтической личности», воплощенный в двух основных типах: «протестующая, мощная, демоническая личность» и «поэт-жрец философического романтизма молодых русских шеллингианцев» [2, с. 63]. «Собирательный образ» строится поверх биографии поэта и захватывает не только художественную, но и жизненную реальность. Выработывается некое представление о «правильном» поведении поэта: он может быть страстным и разочарованным, страдающим и мечтательным, холодным и недоступным, этот ряд можно продолжать, но главное — поэт должен быть удален от прозы жизни. Значительная часть биографии, в которой были служба, имущественные проблемы, настоящая, иногда единственная любовь, оставались в тени, на публику выносились биография-легенда. События, действительно проис-

ходившие в жизни автора, в неё, конечно, тоже включались, но лишь те, что не мешали общей концепции романтической личности. С течением времени биография-легенда укреплялась, настоящие черты в ней смешивались с выстроенными, и уже трудно было различить грань между ними, постепенно образ, созданный поэтом, в сознании читателя замещал своего создателя.

В сознании Дельвига уже в лицее начинает формироваться концепция личности, тяготеющая ко второму типу собирательного романтического образа «поэта-жреца», и со временем складывается в законченный образ мудреца, спокойно взирающего на жизнь, баловня судьбы, ленивца, «проникнутого поэзией, важного, степенного, торжественного, как Олимп» [3, с. 279]. Такая позиция вполне соответствовала тезису Вяземского: «...В наш деятельный век // Ленъ не порок, а добродетель». В этих стихах поэт абсолютно точно отразил весьма важный духовный процесс конца XVIII — начала XIX века, захвативший многих людей того времени: лень стала знаком неучастия в общественной жизни, своего рода молчаливым несогласием с ее бездушной «деятельностью». Это была особая форма свободы, позволяющая личности оставаться независимой от навязываемых официальной идеологией норм и правил. Спустя почти полвека этот процесс получает блестящее художественное отражение в образе Обломова.

Роль «ленивца», мудрого «поэта-жреца» в какой-то степени была органична Дельвигу. Еще в детстве он был медлительным, несколько тучным, неохотно учился в лицее, болезненный от рождения, он до четырех лет вообще молчал. По воспоминаниям его двоюродного брата А. И. Дельвига, будущий поэт «заговорил лишь в Чудовом монастыре, приложившись к мощам Алексия митрополита» [4, с. 169]. Лицейисты отмечали, что его умственные способности развивались медленно, зато воображение не имело границ. Рассказывая о своих приключениях, он так входил в роль, что не только учащиеся, но и преподаватели заслушивались и верили в реальность его историй, настолько убедительно и правдоподобно он их излагал. В числе таких «обманутых» оказался и сам директор лицея В. Ф. Малиновский. Конечно, это не был обман в прямом смысле слова, скорее юношеская фантазия. Дельвиг, кстати сказать, никогда не лгал в бытовых ситуациях, но мечта и воображение открывали для него невиданные горизонты, за которыми была иная действительность, для него не менее реальная. Потом он страдал, что наговорил неправду, и признавался в своем вымысле, но это потом, а в момент рассказывания он увлекался и превращался в героя своей выдумки. Со временем его мечтательность переросла в способность к серьезной внутренней работе. Это был человек с очень тонкой нервной организацией, ранимый, болезненно пе-

реживающий свои неудачи, но внешне холодноватый, уравновешенный, спокойный и несколько даже равнодушный, то есть такой, каким и должен быть «поэт-жрец». Можно найти немало примеров, доказывающих, что роль и жизненная реальность у Дельвига часто расходились, и если лень в какой-то степени соответствовала его психофизическому типу, то демонстративное спокойствие и нарочитая несерьезность, граничащая с цинизмом, были явно напускными. Так, на словах он мог позволить себе достаточно фривольное предложение Рылееву о поездке «к девкам», о чем свидетельствует запись Пушкина: «Я женат», — отвечал Рылеев. — «Так что же, — сказал Д<ельвиг>, — разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что у тебя дома есть кухня?» [5, с. 159]. Ю.М. Лотман совершенно справедливо по этому поводу пишет, что для Дельвига это была игра слов, его в первую очередь интересует «острота высказывания» [6, с. 166]. Хочется подчеркнуть, что романтик и будущий декабрист Рылеев следовал совершенно иной модели поведения, построенной на принципах серьезного отношения к жизни. И Дельвиг, будучи его близким другом, конечно, знал, что может ответить собеседник, к тому же и сам «Дельвиг... не предлагает всерьез воспринимать его слова как декларацию моральных принципов» [6, с. 166]. Такая игра вполне соответствовала роли свободного человека, живущего по своим правилам. Образ «Олимпа» допускал словесные вольности, ведь божеству можно все... Между тем он был очень любящим и преданным мужем, гостеприимным хозяином, ценил свой дом, с нежностью относился к родным. Маска холодного спокойствия, которой он нередко пользовался, абсолютно не соответствовала его натуре, если бы это было не так, то вряд ли Дельвиг ушел бы из жизни так рано. «Гнилая» горячка, в результате которой он «сгорел» за три дня, была вызвана не столько простудой, которую любой молодой человек тридцати двух лет перенес бы достаточно легко, а прежде всего глубочайшим душевным расстройством, возникшим после унижительного разговора с шефом III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфом. Шеф жандармов обвинял поэта и издателя в том, что он публикует в «Литературной газете» антиправительственные заметки, а дома собирает неблагонадежных молодых людей. Дельвиг чувствовал себя оскорбленным еще и потому, что основанием для «разноса» послужил ложный донос Ф.В. Булгарина, с которым поэт был хорошо знаком. Впечатлительный Дельвиг так и не смог оправиться от грубости и предательства литературного собрата. Была и еще одна причина его преждевременного ухода из жизни, и она еще больше шла вразрез с образом благодушного ленивца. В начале XX века биограф поэта С. Шервинский так формулирует свое представление о его образе жизни:

«Лень, беспечность и добродушие были отличительными чертами поэта... Судьба дала спокойную и безмятежную, хотя и краткую жизнь певцу лени и нег... Счастливая женитьба на Софии Салтыковой внесла новые радости в жизнь Дельвига. До самой смерти эта жизнь не была омрачена никакими грустными событиями!» [7, с. 148]. Между тем семейная жизнь у Дельвига, по выражению С. Б. Рассадина, «катастрофически не сложилась» [8, с. 43]. Софья Салтыкова, которую поэт безумно и преданно любил, хотя и подарила ему дочь, но так и не составила ему спокойного семейного счастья. Вскоре после брака в светлой лирике Дельвига появились стихи: «За что, за что ты отравила // Неисцелимо жизнь мою?», в них поэт выразил свою мечту о счастье: «И много ль жертв мне нужно было? // Будь непорочна, я просил, // Чтоб вечно я душой унылой // Тебя без ропота любил» [9, с. 384]. Дельвиг терзался в сомнениях ревности и, как следует из воспоминаний современников, не совсем безосновательных, что, собственно, и привело «певца лени и неги» к семейной драме. В записках Алексея Вульфа, непосредственного виновника этой драмы, появятся строчки о сообщении Анны Керн: «Забыла тебе сказать новость: Б. Д. (Барон Дельвиг) переселился туда, где нет "ревности и вздыханий"» [10, с. 306]. В словах подруги Софьи Салтыковой, близко и очень хорошо знавшей Антона Дельвига, не прозвучало ни горечи, ни сожаления...

Внешняя манера поведения Дельвига вводила в заблуждение, и даже лень, хоть и была ему свойственна в какой-то мере, все же была больше позой, нежели внутренней формой существования. Н. Эйдельман писал об этом: «Близкие друзья, однако, рано распознали, как много в лени маскировки, позволяющей хитроумному ленивцу жить и действовать, как ему нравится, и отстаивать свою личность порою в очень непростых обстоятельствах» [11, с. 74]. Демонстрируемая лень стала источником шуток, розыгрышей, эпиграмм и совершенно оттеснила в сознании современников, а уж тем более в восприятии читателей последующих лет многие факты, которые с этим качеством плохо уживались. Так, еще в лицее Дельвиг активно работал для рукописного журнала, выучил наизусть «Собрание русских стихотворений», изданное Жуковским, не расставался с книгами Державина, прекрасно знал Шиллера и Гёте, то есть занимался тем, что ему было действительно интересно, и на это не жалел ни сил, ни времени. Войдя во «взрослую» жизнь, он не имел никаких средств к существованию и всегда должен был служить; сначала местом его службы был департамент горных и соляных дел, затем канцелярия Министерства финансов, Императорская публичная библиотека, Министерство внутренних дел... Кроме этого, как уже говорилось, Дельвиг был издателем, составителем и редактором альманахов «Северные цветы»,

«Подснежник» и «Литературной газеты», а также автором стихов и литературно-критических статей. Однако эта сторона его жизни как бы терялась в ореоле образа «ленивца» и «баловня», созданию которого он активно содействовал. Роль эта стала формой общественного поведения. Это был его путь к обретению личной независимости, позволяющий ему воспринимать мир как «прекрасный спектакль» [3, с. 279], не включающий в себя мелкое, обиденное, суетное. Избранная роль была органична для Дельвига, создавалось полное впечатление, что именно таким он и был в жизни. Один из его современников писал: «Такой целостности человеческой, такого единства личности я до того и после того не встречал. Только в залах Ватикана древние статуи античной особенностью своего выражения невольно напоминали мне характер Дельвига» [3, с. 279].

Концептуальная модель романтического поведения требовала соответствующего воплощения и в творчестве. Лирический герой Дельвига — это мудрый «ленивец» с эпикурейскими воззрениями на жизнь и природу. Уже в лицее появится стихотворение «Бедный Дельвиг» (между 1814—1817 годами), манифестирующее эти качества:

Вот бедный Дельвиг здесь живет,
Не знаем с суетою.
Бренчит на лире — и поет
С подругою мечтою [9, с. 224].

Прямая биографическая включенность не редкий случай в поэтической системе Дельвига, он называет лирического героя своим именем, но наделяет его условно-романтическими чертами, характерными для личности концептуальной («бренчит на лире», «с леностью живет», «век с радости поет»). Однако говорить о том, что это чисто условный образ, нельзя, так как каждая черта имеет эмпирическое подтверждение во внетекстовой жизни поэта. «Мудрый поэт», «ленивец», презирающий «гром невежества», — это ведь не только поэтический образ, но и модель поведения, которой Дельвиг следовал в жизни. Мы имеем дело с условностью особой природы, в которой литература и жизнь часто меняются местами и порой трудно различимы. Реальность, как поэтическая, так и жизненная, несомненно, шире любой концепции. И речь может идти лишь о доминирующей тенденции, суть которой в осознании ценности личности, ее принципиальной самодостаточности и независимости. Глубочайший конфликт романтизма, заключающийся в разладе человека с миром, у Дельвига не столько показан в развитии, сколько предполагаем в случае разрушения гармонии его личного поэтического пространства.

«У Дельвига... в образе поэта имеется утверждение поэта, обязательности для него лишь законов его собственного мира» [12, с. 15]. Стремлению к бездействию, мечтательной беспечности соответствует и оценка своей роли:

Умру — и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? Я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастье в Лилете! [9, с. 247].

Поэзия для Дельвига — это тот же «прекрасный спектакль», каким он хотел видеть жизнь. В самом слове «спектакль» ощущается заданность — это пьеса, режиссер, актер, роли и т.д. Заданность в поэзии определяется жанром и типом поэтической личности автора, они взаимосвязаны. Основа этой взаимосвязанности заключена в сфере поэтического освоения действительности. В данном случае это сфера частной жизни, входящая в поле зрения поэта, отсюда и характерный выбор жанров: романс, элегия, идиллия, послание и др. Наиболее существенной чертой концептуальной личности Дельвига, воплощенной в лирике, становится ее социальная автономия:

В судьбу я верю с юных лет.
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной.
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.

Всегда в пути моем тяжелом
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом [Там же, с. 124].

Это стихотворение особенно интересно тем, что сам момент отказа от участия в официальной общественной жизни приобретает эстетическую значимость и становится смысловым центром лирического сюжета. «Не выбрал я стези придворной. // Не полюбил я эполет». Волевое решение лирического субъекта подкреплено важным сюжетным ходом — решение пришло не само по себе, а благодаря «внушению судьбы». Таким образом, отказ от службы, замкнутость в частной сфере имеют как бы двойную мотивацию: «судьба внушила» и «моя душа заговорила». Человек, ограничивший себя маленьким личным миром, обретает покой и гармонию. Жизненные реалии, способные помешать лирическому герою, такие, как «тяжелый путь», по которо-

му он идет, преодолеваются благодаря спасительной судьбе. Понимаемый таким образом союз судьбы и души определяет общую тональность отношения к жизни, отношения легкого, естественного, органично философичного.

Поэт — это не столько обозначение рода занятий, сколько знаковое выражение мировосприятия, важнейшим компонентом которого является стремление к свободе. В лирической системе Дельвига свобода осмысливается одновременно как личностная и творческая ценность, они неразрывны и тождественны, свободное «Я» — это «Я» творчески свободное. Внутренняя автономия достигается во многом благодаря локализации пространства; наследуя традицию Батюшкова, Дельвиг изображает место обитания поэта как «домик низкий и простой» [9, с. 179]. Образ такого «домика» с особой яркостью представлен в стихотворении с одноименным названием:

За далью туманной,
За дикой горой
Стоит над рекой
Мой домик простой;
Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью [Там же, с. 163].

Именно так выглядит идеальное жилище поэта в представлении Дельвига. Это очень личное пространство, спрятанное от всего света («за далью... за горой»), предел видения лирического героя ограничен возможностями взгляда из окна — это «луг», «дубрава», «огород». Домик — это, конечно, не только физическое пространство, это ценностная модель мира поэта. Определение «простой» становится знаковым выражением его философии. Само слово происходит от древнерусского *простъ*, которое значит «прямой, открытый, свободный, простой» [13, с. 380], все эти коннотации прочитываются в тексте. Домик незамысловат, открыт для «друзей» и «веселья», в нем просторно «безделью» и «мечтам», он «замкнут на ключ» от всего, что может мешать свободе живущего в нем поэта. Такая своеобразная территория гармонии: маленький, скромный мир и непритязательный, сохранивший живую чувствительную душу человек.

Стихотворение «Тихая жизнь» наполняет это пространство новыми чертами:

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется;
Кто с доброй совестью и с милою своей
Как весело заснет, так весело проснется [9, с. 247].

Граница идеального пространства простирается до рубежей «наследственных полей», таким образом «Я» поэта оказывается включенным в родовые связи, закрепленные временем, и это становится дополнительным ценностным ориентиром. Тихая жизнь — счастливая жизнь, которую составляют очень понятные аксиологические знаки: «добрая совесть», «милая», «труд» («спокойно целый век проводит он в трудах»), «веселье», в данном случае укрепляющее состояние «добротой совести». Завершается такая жизнь приходом смерти:

И смерть к нему придет с улыбкой на устах
Как лучших, новых дней пророчица благая [Там же].

Таким образом, пространство поэта, ограниченное «домиком» и «наследственными полями», оказывается открытым вечности. Важно подчеркнуть, что финал такой жизни осмысливается Дельвигом в христианском духе, а это уже совершенно расходится с традиционной анакреонтической философией, согласно которой смерть обращает все в прах, только «полет» сладострастного наслаждения способен «смерть опередить», все заканчивается «гробницей», украшенной цветами. У Дельвига земная жизнь по «добротой совести» предполагает продолжение, его лирическому герою не надо убегать от времени, наступающего человека с «безжалостной косой», он не боится «полета быстрого часов», смерть приходит к нему с «улыбкой на устах» и благим пророчеством о «лучших» и «новых днях» в жизни небесной.

Свою первую и единственную выпущенную при жизни книгу Дельвиг предварил словами из Гёте: «Я пою, как поет птица». Эпиграф задает тон сборнику и, шире, всей лирике Дельвига. В этих словах выражена поэтическая установка на свободное творчество, провозглашен главный эстетический и стилиевой принцип — легкость. Свобода и легкость определили движение внутри поэтической системы к обретению гармонии. Стихи Дельвига, завершающие сборник, словно возвращают читателя к эпиграфу: «Так певал без принужденья, // Как на ветке соловей». В таком обрамлении весь лирический контекст воспринимается как песня свободного человека. Это и был тот гениальный «спектакль», в котором царили любовь и дружба, свобода и непринужденность, спокойствие и мудрость, легкость и гармония.

Дельвиг написал этот «спектакль» и сыграл в нем главную роль счастливого баловня судьбы. Сама жизнь оказалась намного сложнее и трагичнее...

По просьбе Пушкина для «Северных цветов» Баратынский написал в память о Дельвиге два стихотворения: «Бывало, отрок, звонким кликом...» и «Мой Элизий» («Не славь, обманутый Орфей...»). Первое стихотворение Пушкин в сборник не включил, впервые в жизни отказав Баратынскому. В нем были строки: «...все проходит. Остываю // Я и к гармонии стихов» [14, с. 158], и, очевидно, Пушкин почувствовал невозможность озвучивания отказа от поэзии в стихах, написанных на смерть поэта. Второе стихотворение завершалось так:

Там жив ты, Дельвиг! Там за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты [Там же, с. 159].

Это и были самые нужные слова о дружбе, о продолжении веселой и молодой жизни — того замечательного «спектакля», который Дельвиг хотел оставить после себя.

Список литературы

1. Успенский В. О Дельвиге // Русская поэзия XIX века. М., 1929.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л., 1964.
3. Кирпичников А. А. Жуковский и Дельвиг в изображении современника // Русская старина. 1897. № 2.
4. Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. М.; Л., 1930. Т. 1.
5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 12.
6. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
7. Шервинский С. Барон Дельвиг и русская народная песня // Русский архив. 1915. № 6.
8. Рассадин С. Б. Спутники. М., 1983.
9. Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934.
10. Вульф А. Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929.
11. «Прекрасен наш союз...» / сост. и сопроводительный текст Н. Эйдельмана. М., 1979.
12. Розан Е. С. Ссылка на мертвых // Сын отечества. 1847. Июнь. Отд. 3.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2003. Т. 3.
14. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989.

Станислав Свиридов

(Калининград)

ЧТО ТАКОЕ БЛАТНАЯ ПЕСНЯ

Блатная песня¹ редко привлекает внимание филологов сама по себе, в семье городских фольклорных традиций она не только «бедная», но и «неблагонадежная» родственница. Как правило, о ней вспоминают лишь в связи с генезисом авторской песни и вкупе с другими, типологически близкими песенными традициями. Поставленная в положение объекта косвенного и маргинального, блатная песня кажется предметом общеизвестным и «несерьезным», а потому не требующим определения. Ее дефиниция может ограничиваться замечанием об аморфности традиций городского фольклора и «условности» их разграничения [7, с. 15]. В других случаях блатной фольклор определяют по нескольким отдельно взятым признакам. В частности, по тематике — как песни, «сюжетно связанные с жизнью криминального круга» [13, с. 59; ср. также: [3, с. 186; 6; 14, с. 100]; по стилистике — как песни, «опирающиеся на жаргон и просторечие [13, с. 59]; по социальной сфере бытования [6]; по выражаемым ценностным позициям [3, с. 186; 14, с. 100; 8, с. 79]. К этому добавляют эпизодические наблюдения в области поэтики [6; 14, с. 100–101]. В большинстве определений ничего не говорится о принадлежности блатной песни к фольклору, о ее исторических границах, а выбор дифференцирующих признаков не аргументируется.

---

¹ Наши наблюдения и выводы о блатном фольклоре основаны на двух репрезентативных собраниях [4; 5], которые отличает квалифицированный и критичный подход к публикации текстов, в частности наличие информации об источниках, о времени и условиях записи.

Компромиссы и умолчания, конечно, позволяют избежать неудобных вопросов (например, о статусе эстрадного «русского шансона» или о фольклоризированных авторских стилизациях), но при этом снижают достоверность исследований блатного фольклора, мешают предметному разговору о его истории, поэтике, влиянии на литературу. Чтобы судить об этом аргументированно, мы должны представить себе блатную песню как одну из традиций *фольклора*, причем фольклора *городского*, отграниченную от типологически близких форм народного и авторского творчества в историческом и синхронном контекстах на основе системно значимых признаков.

Город отличается от традиционной фольклорной «среды» пестротой своей культурной «карты». Песенные традиции города прикреплены к его локальным культурным формациям (так называемым «субкультурам»). Как отмечает С. Ю. Неклюдов, городской фольклор «фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы» [12]. Г. А. Левинтон подчеркивает, что при системном подходе фольклор необходимо воспринимать как план выражения культуры и традиции [9]. Блатной фольклор выражает ту субкультуру «профессиональных» воров, которая сложилась в России еще до революции, расцвела в годы послереволюционной разрухи и НЭПа, а затем продолжала существование в сталинские годы как архаичное по своей культурной типологии социальное подполье, «активно хищнический пласт маргинального слоя», «где главенствуют модели культуры и социальности каменного века» [16, с. 88, 90].

Городской фольклор двадцатого столетия формировался при активном влиянии профессионального творчества [1, с. 228]. В генезисе блатной песни существенную роль сыграла песенная эстрада, сначала в форме сценических представлений, потом — в виде грамофонных записей [8, с. 78—90; 12]. Народная песня, в свою очередь, могла фиксироваться на грампластинке или на звуковой дорожке популярного фильма, и растиражированная запись становилась стимулом для укрепления песни в фольклорной традиции. При этом зафиксированный вариант заслонял собой другие бытовавшие ранее формы и выступал в качестве «контролирующей инстанции» [2]. Соединение жанрово-поэтических черт старой песенной традиции и «массовой культуры» своего времени стало отличительным признаком блатной песни.

Как мы видим, социокультурные и поэтические контексты формирования и функционирования блатной песни сложились не раньше первых десятилетий XX века. Кризис же блатной традиции пришелся, по-видимому, на 1980-е годы и был обусловлен, вероятно, двумя ос-

новными причинами. Во-первых, преступный мир в конце века стал менять свою социальную форму: из сообщества целиком «архаичного» и родоплеменного по культурной типологии он превратился в «альтернативное государство», перешел к стратегии встраивания в структуру современного социума и, соответственно, стал перенимать его организационные формы. На смену воровской «малине» пришла мафия, вместо стратегии обворовывания — стратегия «приватизации государства», которая стирала культурные границы между преступным миром и официальным истеблишментом [16, с. 91 — 93]. В результате блатная песня утратила свой социальный субстрат, а ее герой сменил культурную функциональность, стал превращаться в художественную абстракцию.

В этих условиях преступная «среда», может, и продолжает слушать блатную песню, но теряет способность творчески поддерживать ее традицию. Модернизированный преступный мир нуждается уже не в архаичной (фольклорной) песенности, а в более современной — эстрадной. Поэтому блатная песня перерождается в один из цехов поп-индустрии — «русский шансон» [15]. Это мы и имеем в виду как вторую предпосылку кризиса блатной песни — традиция перестает пополняться новыми текстами, и даже вариантами. Генеральным ориентиром для нее становятся растиражированные записи профессиональных исполнителей.

Критерии историзма требуют отделять блатной фольклор от песни заключенных и каторжан XIX столетия, традиция которой появилась намного ранее сроков формирования «блатной субкультуры» и блатной поэтики, и от современной песни на уголовно-тюремную тематику, ушедшей за пределы поля блатной традиции. По верному замечанию А. Башарина, «блатная песня возникла тогда, когда слово "блатной" стало общеизвестным, и сошла со сцены, когда оно стало историзмом» [3, с. 185].

В синхронном контексте мы должны ограничивать блатную песню от других тематически и социально локализованных традиций городского песенного фольклора — «сиротских», «филоэзотических» [11] и т.п. А также «от лагерных, где герой — заключенный, образ которого раскрывается в типичной для этого образа позиции (тоска по дому, по любимой, родным, прочие претерпеваемые муки, стремление на волю, противопоставление миров "здесь" и "там" и т.п.)» [3, с. 187]. Современная лагерная песня — это зачастую продукт самостоятельности из системы исполнения наказаний, наводящий на мысль о самоцензуре с оглядкой на тюремную администрацию. В отличие от лагерной блатная песня демонстрирует героя «в соответствующей ситуации, то есть, как правило, на свободе» [3, с. 187]. Даже если нам

удастся вспомнить примеры блатных песен с тюремными сюжетами, это не изменит дела, поскольку критична не фактура сюжета, а выражаемые им ценностные позиции.

Блатной фольклор функционально служил не только для украшения досуга воров. Он кодифицировал культурное пространство и обладал соответственной регулирующей и дидактической прагматикой. Блатная песня — хранилище воровской этологии, лаконичное описание которой мы находим у И. Яковенко: «Преступный мир рождает свой этос, в котором легко узнать этос *воина-варвара*. В него входят: культ физической силы, презрение к боли и смерти, презрение к карам, которыми общество грозит преступнику; обладание оружием как атрибутом полноценного мужчины, презрение к мужику, пахарю, "фраеру", то есть человеку цивилизации, в трудах зарабатывающему хлеб насущный; жгучую ненависть к "ссучившимся", то есть предавшим воровской мир и перешедшим на сторону государства. Настоящая, достойная мужчины жизнь — жизнь воровская, то есть жизнь хищника. Высшая моральная доблесть состоит в верности воровскому закону, в презрении к карам и "ментам" — противостоящим вору агентам государства.

В криминальной культуре огромное место занимает *культ прожигания жизни*, "расточения" награбленного. <...> Напор и интенсивность процесса "прожигания" определяют вес человека, его престиж. Существование вне практики развеивания по ветру доставшегося цивилизационного ресурса достойно презрения... Очевидна телеология такой установки. Культ расточения блокирует формирование собственника и рождение нормальной социальности. Настоящий мужчина "идет на дело", стремительно прожигает награбленное и снова "идет на дело"» [16, с. 88].

Все типичные сюжеты не слишком разнообразного в этом плане блатного репертуара могут быть интерпретированы как связанные с той или иной ключевой ценностью воровской общины.

Сюжетный состав блатной песенной традиции невозможно описать в рамках данной статьи, поэтому мы ограничимся локальным примером — теми самыми «тюремными» сюжетами, которые, как может показаться, противоречат тематической специфике блатной песни.

Смысловым центром блатных песен о тюрьме выступает *воля* как ценность в специфической блатной интерпретации¹. В спациопэти-

---

¹ Свобода как самостоятельная, абстрагированная ценность блатному сознанию чужда. Невозможно представить, чтобы она вступила в конфликт с какой-либо другой ценностью в составе блатного этоса. Не случайно само это слово в контексте блатного фольклора ассоциируется с цинично-саркастической формулой «свобода, б., свобода, б., свобода» из песни «Раз в Ростове-на-Дону...» [4].

ческом выражении воля — это «свое» пространство, где осуществляется «идентичное» поведение вора: тут он может жить красиво, свободно и независимо от государства, никому не подчиняться, может красть и эффектно расточать добычу. Этнос воровского фольклора исключает отношение к тюрьме как к «дому родному» или смирение с пребыванием в тюрьме, поскольку это означало бы подчинение государственной власти — извечному, онтологическому противнику. Открытое и закрытое пространства блатной фольклор противопоставляет как *свое* и *чужое* (отношение, характерное для культурного сознания «варварского» типа). Причем *чужое-закрытое* — объект охоты, пищевая база блатного мира. Замкнутое пространство — это и квартира, и сейф, и карман, и кошелек... Вору положено открывать *закрытое*, в соответствии с его культурной идентичностью. Поэтому нахождение самого вора в закрытом пространстве (тюрьме, камере, лагере, «стольпине») — ситуация острейшего противоречия, которая требует непременно исправления.

Этими условиями определяется специфический взгляд блатной песни на тюрьму. Практически всегда это взгляд сквозь призму побега, потому что только такое видение соответствует культурному коду вора. Песни о побеге в корпусе блатного фольклора немногочисленны, но занимают почетное место в самом ядре традиции, среди ее «знаковых» текстов, например: «С одесского кичмана...» или «Раз в Ростове-на-Дону...»¹ [4; 5]; ср. также «За окном кудрявая белая акация...»; «Это было весной, зеленеющим маем...» [4; 5]; «Завезли нас в края отдаленные...» [4]; «Шесть часов пробило...» [5]. Структурная противоположность «побега» — истории о том, как вор «горит» и попадает в тюрьму. Хотя эти песни часто осложняются мотивом инициации (обретение статуса и судьбы вора, обычно по вине «фраеров»: бессердечной девушки, подельника-предателя, бездушного общества и т.п.), в основе данного сюжета тоже лежит смена пространства — только в этом случае воли на неволю («Помню ту ночьку осеннюю, темную...»; «Чубчик» [4; 5]; «Ночь начинается, фонари качаются...» [5] и др.). Песни об аресте имеют содержанием потерю *своего* пространства, песни о побеге — его обретение. В любом случае тюрьма, или «зона», воспринимается в связи с сюжетобразующим перемещением героя [10, с. 467], но не как место пребывания и прозябания.

---

¹ В ряде вариантов этой песни герой не бежит, а освобождается из тюрьмы. Однако устойчиво встречающиеся строки «Но я душою не поник, // Судьбу я взял за воротник» заставляют думать, что в исходном тексте речь шла именно о побеге.

Рассматривая специфику блатной песни на идейно-тематическом уровне, мы неизбежно переходим в сферу поэтических моделей, в частности на уровень сюжета, мотива. К более детальной характеристике поэтики блатного фольклора мы предполагаем обратиться в следующей статье данного цикла.

Список литературы

1. Аникин В. П. Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник материалов научно-практической конференции. М., 2004. Вып. 2.
2. Архипова А. С., Неклюдов С. Ю. Два героя / два уркана: привал на пути // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arkhipovaneckludov2.htm> (дата обращения: 21.03.2011).
3. Башарин А. С. Блатная песня: terra incognita // Массовая культура на рубеже веков: сб. статей. М.; СПб., 2005.
4. Блатной фольклор. URL: <http://www.blatt.dp.ua> (дата обращения: 21.03.2011).
5. Боян. Поэтическая речь русских. URL: <http://www.daabooks.net/index-ko1.html> (дата обращения: 21.03.2011).
6. Ефимов И., Клишков К. В. Высоцкий и блатная песня // Высоцкий: время, наследие, судьба. URL: <http://otblesk.com/vysotsky/i-blatt-1.htm> (дата обращения: 21.03.2011).
7. Кулагин А. В. Поэзия В. С. Высоцкого: Творческая эволюция. М., 1997.
8. Левин Л. И. Блатная песня // Эстрада в России. XX век: энциклопедия. М., 2004. С. 79–81.
9. Левинтон Г. А. Структура фольклорной традиции: текст лекции. URL: http://window.edu.ru/window/catalog?p_rid=38487 (дата обращения: 21.03.2011).
10. Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 462–484.
11. Неклюдов С. Ю. Русский горожанин поет о далеких странах: «филоэксотический» слой городской баллады // Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе. Ч. 1. Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских. Калининград, 2008. С. 158–171.
12. Неклюдов С. Ю. Фольклорные традиции современного города. URL: <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=open-source/38> (дата обращения: 21.03.2011).
13. Новиков В. И. Высоцкий. Калининград, 2010.
14. Скобелев А. В., Шаулов С. М. Владимир Высоцкий: Мир и слово. Уфа, 2001.
15. Цукер А. Интеллигенция поет блатные песни (блатная песня в советской и постсоветской культуре) // Искусство XX века: элита и массы: сб. статей. Н. Новгород, 2004. С. 289–308.
16. Яковенко И. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 4: Государственная власть и блатной мир // Общественные науки и современность. 1996. № 4.

ИКОНА

...Полевой, Пушкин, Гоголь, Мельников-Печерский, Лесков, Толстой, Достоевский и Вячеслав Иванов дают достаточно полное представление об отношении русских писателей к иконе и о многообразии тех художественных целей, ради достижения которых они вводили икону в произведения, уделяли ей место в развитии сюжета. Та же тема в литературе двадцатого столетия заслуживает особого разговора.

В. Ленахин

Валерий Лепяхин
(Сегед, Венгрия)

ИКОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА¹

Алексей Феофилактович Писемский и его рассказчики довольно часто и практически во всех самых популярных произведениях писателя обращали внимание на иконы. Один из героев романа «Масоны» Егор Егорыч Марфин приезжает в дом адмиральши Рыжовой. Хозяйка с одной из дочерей собиралась уезжать в Москву и по этому поводу в дом пригласили священника, который служил напутственный молебен, как его называет писатель. Эта сцена умилила его до глубины души. «Молебен собственно, — говорит Писемский, — служили иконе Казанской Божией Матери, считавшейся в роду Рыжовых чудотворною и стоявшей в настоящем случае с почетом в углу залы на столике, покрытом белую скатертью» [1, т. 8, с. 65]². После чтения Евангелия священник запел: «Заступница усердная, Мати Господа вышнего...» Две другие дочери адмиральши усердно молились; Сусанна даже преклонив колени. Егор Егорыч смотрел не на чудотворную икону, а на Сусанну. «...Часто повторя-

---

¹ Продолжение. Начало см.: Слово. ру: балтийский акцент. 2010. № 1–2. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Русская словесность и икона: проблемы интермедиальности», № 10-04-00016а.

² Из дальнейшего повествования можно понять, что в семье адмиральши Рыжовой была еще одна икона Казанской Богородицы, которую брали с собой в путь. Описывая пребывание адмиральши с дочерью в Москве, Писемский замечает: «Старуха же адмиральша подняла свои глаза на висевший в углу дорожный образок Казанской Божией Матери, как бы возлагая все свои надежды на Владычицу» [1, т. 8, с. 68].

мые священником слова: Мати Господа моего, Мати Господа вышняго, совершенно против воли его вызвали в нем воспоминание об одной из множества виденных им за границей мадонн, на которую показалась ему чрезвычайно похожею Сусанна, — до того лицо ее было чисто и духовно», — заключает писатель [1, т. 8, с. 65]. В этом эпизоде в некотором смысле противопоставлены икона и живописное полотно, византийское каноническое изображение Богородицы и живописная Мадонна. Набожное отношение к чудотворной Казанской иконе Сусанны Николаевны и возгласы священника, прославляющие Богородицу, не мешают Марфину видеть в Сусанне итальянскую Мадонну, его больше привлекает земная красота, через совершенное изображение которой итальянские художники стремились выразить красоту духовную.

В романе «Люди сороковых годов» Писемский прибегает к сказанию о чудотворной иконе в следующем эпизоде. Главный герой романа Павел Вихров, которому писатель, по его собственному признанию, придал автобиографические черты, по долгу службы должен посетить острог, чтобы разобраться с жалобой зрителя на то, что арестанты противозаконно держат и разводят в казарме голубей. Вихров допрашивает «бунтовщиков» и обращает внимание на одного из них — совершенно седого молодого человека. Между ними происходит следующий диалог:

— Ты за что посажен? — обратился он [Вихров] к нему, наконец, с вопросом.

— За покражу церковных вещей-с, — отвечал тот...

— Отчего ты такой седой — который тебе год? — спросил Вихров арестанта.

— Двадцать пять всего-с. Я в одну ночь поседел.

— Как так?

— Так-с! Испугался очень, укравши эти самые вещи.

— Но как же ты украл их?

У парня при этом как-то лицо все подернуло и задрожали губы.

— Я-с, — начал он каким-то отрывистым голосом, — за всюнощную пришел-с и спрятался там вверху на этих палатках-то, что ли, как они там называются?

— На хорах.

— Да-с!.. Священники-то как ушли, меня в церкви-то они и заперли-с, а у Спасителя перед иконой лампадка горела; я пошел — сначала три камешка отковырнул у Богородицы, потом сосуды-то взял-с, крест, потом и ризу с Николая Угодника, золотая была, взял все это на палатцы-то и унес, — гляжу-с, все местные-то иконы и выходят из мест-то

своих и по церкви-то идут ко мне. Я стал кричать, никто меня не слышит, а они ходят тут-с! «Поддай, говорят, поддай нам наше добро!» Я хочу им подать, а у меня руки-то не действуют. Потом словно гроб какой показался мне.

– Какой гроб?

– Не знаю-с. Меня поутру, как священники-то пришли служить, замертво почесть подняли, со всеми этими поличными моими вещами, и прямо же тогда в острог, в лазарет, и привезли [1, т. 5, с. 97].

Этот рассказ арестанта, по сути, является готовым сказанием о чудотворных иконах. В нем налицо четыре широко распространенных мотива: а) оживание иконы, а в данном случае нескольких икон; б) мотив говорящего образа или иконы, издающей голос; в) мотив схождения иконы со своего места; г) наказание за святотатство и кощунство по отношению к иконе.

В этом рассказе арестанта названные мотивы усложнены личным отношением персонажа к происшедшему и дополнительными деталями. Как можно понять из его слов, иконы сошли со своих мест и ходят по храму. Это очень интересная деталь. В европейской литературе изображения обычно сходят с полотна, в православных же сказаниях (византийских, древнерусских и, как следствие этого, в русской литературе XIX—XX веков) иконы «действуют» в своей целостности. Святому нет нужды сходить с иконы, он совершает чудеса, не отделяясь от иконы, от своего изображения.

Мотив «говорящей иконы» является одним из древнейших. Вероятно, самым первым в этом смысле является образ Эфесской иконы Богородицы. Обычно икона издает голос, чтобы открыть тайну, пообещать исцеление, послать человека куда-нибудь. В сказании Писемского иконы требуют у вора отдать награбленное. Причем этот мотив сочетается с другим: не одна, а несколько икон выходят из своих киотов. Подобный мотив встречается в одном из первых древнерусских сказаний — «О чудесах от Владимирской иконы Богоматери», когда описывается многократное схождение иконы со своего места в Вышгороде, что и послужило причиной ее перенесения во Владимир. В сказании, переданном Писемским, *все* ограбленные иконы сходят со своих мест и двигаются в сторону святотатца. Можно представить себе ужас вора. Это сцена, достойная гоголевского «Вия».

В других сказаниях о чудотворных иконах вор, который забрался в церковь с целью святотатства, обычно застывает на месте, теряет возможность двигаться. В этом же случае вор все видит, чувствует и понимает; он даже кричит и хочет вернуть украденное, но поздно — он

падает замертво, и его находят утром¹. Существуют также народные легенды, былички, в которых описываются подобные случаи.

Итак, Писемский неоднократно с разными целями использует сказания о чудотворных иконах. Мы привели только два эпизода из разных романов, но иконные мотивы довольно заметно звучат у писателя в таких произведениях, как: «Тысяча душ», «Взбаламученное море», «В водовороте», в повести «Тюфяк» и в рассказе «Плотничья артель».

Очень много об иконах писал Мельников-Печерский, как в своих художественных произведениях, так и в исследованиях. Некоторые источники сообщают (а отдельные современные авторы, некритически читая текст, пересказывают, к тому же и приукрашивая), как в бытность свою чиновником по делам раскола Мельников-Печерский отбирал у старообрядцев и уничтожал иконы (якобы, даже рублевские!). Но по его романам, по «Очеркам поповщины», по «Письмам о расколе» мы видим, что писатель не просто любил и ценил древние иконы, но и признавал огромную роль старообрядцев в деле спасения многих памятников древнерусской иконописи от забвения и истребления.

В «Письмах о расколе» писатель обратил внимание на то, что во многих списках различных толков в старообрядчестве встречается секта иконоборцев, или иконоборщина. Мельникову-Печерскому как русскому человеку было странно слышать о какой-то *особой* секте иконоборцев в России — стране икон и иконопочитания, и он провел краткое расследование. Попробуем сформулировать его выводы. 1. Все старообрядческие толки не принимают новописанные и живописные иконы. Новописанные — потому что на иконах Спасителя и святых пишется не двуперстие, а именное перстосложение, отвергаемое старообрядцами; живописные — потому что они выполнены в чуждой иконе технике масляной живописи, появившейся на Руси под западным влиянием. Но многие толки и признают, и по-

---

¹ Для сравнения коротко перескажем два известных сказания с похожими мотивами. Некий святотатец решил обокрасть Купятицкую церковь, в которой хранилась знаменитая Купятицкая икона Богородицы. Зная, что пономарь ночью пойдет в храм, он спрятался у входа и стал его поджидать. Когда тот пришел и начал отпирать церковные двери, вор захватил на него топором, но руки его застыли в этом положении, и он не мог сдвинуться с места. Пономарь ничего не заметил, а вор, стоя с поднятым топором, начал со слезами молиться Богородице, обещая навсегда оставить воровство. Перед преступником предстала Богородица и вернула ему способность двигаться. Через три года святотатец был уличен в краже церковных вещей в селе Молодове и осужден. По пути к месту казни он рассказал о чуде в Купятицкой церкви от иконы Богородицы (см.: [2, с. 561–562]).

читают древние «дониконовские» иконы. 2. Как сообщает писатель, иногда старообрядцы «совершали иконоборные ругательства над новыми живописными иконами» [3, т. 8, с. 31]. На этом основании, замечает писатель, их невозможно назвать иконоборцами¹. 3. Существуют секты, члены которых не только признают иконы, но еще и пишут иконы своих «святых»: хлысты — икону их «верховного гостя саваофа» Даниила Филипповича; скопцы — их Христа Кондратия Селиванова и проч.» [Там же, с. 32]. Эти секты, считает писатель, также нельзя назвать иконоборческими, не объясняя, почему². 4. Следует иметь в виду и таких *псевдоиконоборцев*: «Случился ночью в деревне пожар, — рассказывает писатель как очевидец, — сгорело несколько раскольничьих домов; из дома, в котором загорелось, не успели и икон вынести, хотя, как известно, русский крестьянин, православный он или раскольник, все равно, в случае пожара, прежде всего спасает от огня "божье милосердие", то есть иконы. Утром, на восходе солнца, когда дома еще догорали, погорелый старик и с ним две старухи *молились на восток*, потому что их иконы сгорели, а другим, по их словам, они поклоняться не привыкли» [Там же, с. 34]. 5. Из свт. Димитрия Ростовского («Розыск о раскольнической брынской вере») писатель приводит такую формулировку иконоборщины: «Иже вся святыя иконы и старыя и новыя отметають». Но, как справедливо замечает писатель, нет такого течения в старообрядчестве, которое отрицало бы *только* иконы. Есть толки, секты, категорически отвергающие и старые, и новые иконы, но это в их учении далеко не главное, а скорее следствие. Они иконоборцы, но в их учении отрицание икон — второстепенный признак, и на основе его дать название всей секте было бы неверно. И писатель, вопреки всем авторитетам и документам XVII—XIX веков, утверждает: «*Особой секты иконоборцев в русском народе нет и никогда не бывало*» [Там же, с. 31]. Ныне с этим мнением, думается, вряд ли кто будет спорить, но для XIX века это было довольно смелое заявление.

Заслуженную и немеркнущую славу принесла писателю эпопея «В лесах» (1871—1874) и «На горах» (1875—1881). В этих романах много упо-

---

¹ Вероятно, Мельникову-Печерскому не было известно, что то же самое делал поношаемый старообрядцами патриарх Никон, иначе писатель использовал бы в своей книге этот факт.

² Нам кажется, что ответ прост, хотя писатель и не нашел нужным прямо об этом сказать: это скорее идолопоклонничество, чем иконоборство, хотя, строго говоря, идолопоклонничество с православной точки зрения — это форма иконоборства.

минаний об иконах, несколько «иконных» эпизодов. Мельников-Печерский ненавязчиво показывает свои богатые знания историка, литератора и этнографа.

В древнерусской литературе известно множество сказаний о чудотворных иконах. Они также стали возникать у старообрядцев, и в них история старообрядчества как бы освящалась помощью и заступлением новоявленного чудотворного образа. Одно такое сказание Мельников-Печерский поведал в романе «В лесах». Легенда следует канону сказаний о чудотворных иконах. Во время «соловецкого сидения» в своей келии в «тонком сне» старец Арсений слышит голос от иконы, который повелевает ему основать обитель, затем икона исчезает; Арсений бежит из-под стражи, и икона вновь является ему в лесу, она ведет его по непроходимым местам, указывает место для скита, обещает процветание «древлего благочестия», пока она будет пребывать в нем. Таким образом, скит, основанный Арсением, становится как бы продолжением Соловецкого монастыря, а Керженские леса — «землей обетованной» древлего благочестия. Эта легенда пересказана у писателя в двух вариантах — кратком и полном, украшенном подробностями [3, т. 2, с. 374; т. 3, с. 169—170].

В романе «На горах» у Мельникова-Печерского много говорят об иконах и показывают свои знания относительно всего, касающегося иконописания, два героя: один — продавец, владелец иконной лавки Герасим Силыч Чубалов, другой — покупатель, любитель старинных икон, купец Марко Данилыч Смолокуров [Там же, т. 6, с. 19—24, 42—47]. Последний приходит в иконную лавку к Чубалову «выменять Божьего милосердия». *Милосердие Божие* — так в старину называли иконы. Именованное это народное, не церковное, но очень глубокое по смыслу. По великому милосердию Бог Отец ради спасения и искупления человека посылает на землю едиnorodного Сына Своего. Икона является важнейшим свидетельством истинного, а не призрачного Боговоплощения. Сын Божий воплотился и вочеловечился, соединив Собою земное и небесное (Еф. 1:10). На иконе созерцается человеческий образ Спасителя, но по причине нераздельности божественной и человеческой природы во Христе на человека нисходит благодатное воздействие Его Божественной природы, а по причине нераздельности Лиц Пресвятой Троицы — благодать Отца и Духа. Так икона становится одним из главных свидетельств милосердия Божия к человеку.

Ни Чубалов, ни Смолокуров у Мельникова-Печерского ни разу не обмолвились и не сказали «купить» иконы, но постоянно говорят «вы-

менять». Икона — святыня, и *продавать, покупать* ее — грех¹. Грех *торговать* святыней, поэтому в старину и избегали говорить о продажке-купле икон. Иконы меняли, обменивали, выменивали. Писатель по этому поводу сообщает в примечании: «Никогда не говорится *купить* икону, крест или другое священное изображение, а *выменять*. В иных местах набожные люди и о церковных свечах, деревянном масле и т.п. ни за что не скажут: купил, но "выменял"» [3, т. 6, с. 21]. Если речь шла о покупке иконы за деньги, то все равно икона не продавалась за деньги, а *менялась на деньги*. Марко Данилыч пришел в лавку с полным кошельком, но пришел *менять*, а не *покупать* святыню.

Как и во многих других иконных лавках старообрядцев, у Чубалова было два помещения: в одном, открытом для всех продавались дешевые, расхожие иконы современной работы, в другом же хранились старые дорогие образа «дониконовского» письма. Доступ туда был открыт не всем, а только своим. На этот раз почетному покупателю требовались иконы простые, «неважные», что для Смолокурова было равнозначно хлудским иконам, которые, начиная с XVII века, не раз упоминались в разных документах в отрицательном контексте.

Из разговора выясняется, что во владениях Марко Данилыча случился пожар и все постройки погорели. Отстроившись заново, Смолокуров собирается во всех восемнадцати новых помещениях поставить «милосердие Божие». Для каждой комнаты Смолокуров заказывает иконы Спасителя. Он называет три иконографических типа: «седницы», «убруссы» и «Эммануилы». Так называемая «седница» (от глагола «сидеть») изображает Спасителя восседающим на престоле. Такая икона — *Спас на престоле* — помещается обычно в середине деисусного ряда иконостаса. Под «убрусом» Марко Данилыч имеет в виду икону *Спас Нерукотворный*, исключительно популярную на Руси. Наконец, *Спас Эммануил* — погрудное, как правило, изображение Иисуса Христа в отроческом возрасте со свитком в левой руке.

Из икон Богоматери погоревший Смолокуров заказывает образ *Неопалимой Купины* — защитницы и избавительницы от пожара. Сюжет иконы основан на видении пророком Моисеем объятого пламенем тернового куста, из которого с ним говорил Бог. По окончании видения куст-купина остался таким же зеленым, как и был прежде (Исх.

---

¹ Также по отношению к иконам не употребляли глагол «вешать», поскольку он ассоциировался с виселицей и смертной казнью. И иконы действительно не вешали. В храме или дома их ставили на особых полочках, которые называли «полица» или «иконник».

3:1—6). Со времен свт. Григория Нисского, написавшего толкование на этот библейский рассказ, Неопалимая Купина стала символом Божией Матери.

На третьем месте после икон Спасителя и Богородицы у Смолокурова стоят образы свт. Николая Чудотворца — летние и зимние. Великий святитель в церковном календаре имеет два праздника — 9/22 мая и 6/19 декабря: Никола вешний и Никола зимний, как называют эти дни в народе. Но иконописцы ради удобства переосмыслили эти названия праздников и стали называть образ свт. Николая в митре (знак святительского достоинства) — зимним, а без митры — летним. Смолокуров выменивает также несколько «главных» образов свт. Николая, то есть оглавных изображений, которые были особенно популярны в среде старообрядцев.

Итак, для каждой избы Смолокуров заказал своеобразный Деисус со Спасителем в центре, с Богородицей справа от Него и свт. Николаем вместо св. Иоанна Предтечи слева. Затем он просит восемнадцать икон св. мученика Вонифатия, которому молятся об избавлении от пьянства или сами страдающие сим недугом, или их близкие. Объяснение у заказчика простое: все рабочие любят подвыпить, именно по пьянке они и спалили у него избы. В некоторых болезнях или нуждах обращаются не к одному святому, а к двум, трем и более. Поэтому Марку Данилычу предлагают выменять иконы преп. Моисея Мурина, который также помогает в исцелении от пьянственной страсти. На это Смолокуров соглашается, лишь убедившись, что имя преподобного значится в «Сказании», *киим святым, каковыя благодати от Бога даны*. Такие «Сказания» в середине XIX века были напечатаны в большом числе экземпляров и разосланы по храмам. Наконец, Марко Данилыч заказывает образ св. муч. Феодора Тирона, которому молятся об отыскании и возвращении украденного, поскольку рабочие, как подозревает покупатель, воруют у него пеньку и сбывают на стороне.

Разговором с Чубаловым Мельников-Печерский очень метко и ярко высветил отношение Марка Данилыча к святым образам, его своеобразное, можно сказать, *утилитарное* иконопочитание. Он выбирает и хочет поставить в каждой комнате иконы тех святых, которые *помогают* в тех или иных случаях. Нет ли у тебя такой иконы, спрашивает он у Чубалова, «чтобы от воровства помогала?» Но помогают не иконы — помогает Господь по предстательству святых, к которым человек обращается с молитвой. В отношении Смолокурова к иконам есть также элементы *идолопоклонства*: они как бы сами по себе, без молитвы, должны охранять его владения. «Авось меньше станут пеньку воровать», — высказывает он не совсем твердую надежду владельцу иконной лавки. Характерно, что Смолокуров пропускает мимо ушей точ-

ное замечание Чубалова: святые помогают по вере и молитве просящего. Насколько было распространено такое смолокуровское отношение к иконам? — Мы склонны верить Достоевскому, который, как увидим ниже, решительно отвергал массовый характер этого явления.

Тема «Лесков и иконопись» заслуживает, конечно, целой книги и, может быть, не одной. Всерьез писатель увлекся иконографией, по его собственным словам, лишь в начале 1860-х годов. В то время Лесков изучает иконографию; он знакомится с толковыми и лицевыми иконописными подлинниками [4, с. 191]. Следы внимательного чтения толковых подлинников и упоминания о них можно найти в самых разных как художественных, так и публицистических произведениях писателя. Назовем для примера только описание икон Ангела и Богородицы в повести «Запечатленный ангел» или иконы *Воскресения Христа* (*Сошествие во ад*) в статье-исследовании «Благоразумный разбойник». Писатель, конечно, не буквально повторяет иконописный подлинник, а «развивает» его, вносит элементы психологизма, динамики, переводит в план настоящего времени, иногда предельно актуализирует.

В период увлечения иконописью писатель посещает музеи христианских древностей в Киеве и Петербурге, знакомится с частными собраниями икон. В одной из статей 1873 года Лесков упоминает известные ему собрания икон при Петербургской академии художеств и во дворце великой княгини Марии Николаевны; в Москве — при Румянцевском музее и при Строгановском училище рисования. Из частных собраний писатель отмечает коллекции графа С.Г. Строганова, князя Шаховского, Ф.Л. Соллогуба, М.Е. Лобанова, И.С. Лабутина, И.В. Стрелкова. По его словам, из всех наиболее известных частных собраний ему не случилось увидеть лишь одно, принадлежавшее графу С.Г. Строганову. Вместе с тем писатель выражает сожаление, что «все названные музеи и собрания почти никем не посещаются» [5, с. 181].

Может быть, именно в это время Лесков начинает собирать иконы и произведения живописи. В 1883 году он уже говорит о своем «собственном маленьком собрании», в нем, кстати, была редкая икона благоразумного разбойника, которой писатель посвятил свою «иконописную фантазию» [4, с. 187–196].

Почти все мемуаристы хоть несколько слов говорят о кабинете Лескова, на стенах которого было размещены произведения живописи и «старинные образа» [6, т. 2, с. 203–207]. Сын писателя пишет даже об «обилии» икон Спасителя и Богородицы. Особенно выделялся в со-

брании Лескова огромный, «совершенно необыкновенный», по выражению одного посетителя, образ Богоматери работы Боровиковского. Эту икону писатель обнаружил и купил у священника села Кагарлык под Киевом. Совершенно почерневшая, она использовалась в качестве крышки самодельного стола. Было известно, что кагарлыкскую церковь расписывал знаменитый Владимир Боровиковский, а его подпись на иконе Лесков расчистил сам. Долгое время «кагарлыкская Богородица» оставалась гордостью писателя.

Особенно заметно в художественных произведениях и статьях Лескова прекрасное знание им особенностей отношения к иконам старообрядцев, в среде которых у писателя было много добрых знакомых, а также народного, если можно так сказать, «бытового» иконопочитания. В статье «Благоразумный разбойник» Лесков рассказывает полуанекдотический случай о почитании разбойниками иконы, которую они называли «разбойный бог Страх». Писатель проделал настоящую исследовательскую работу, чтобы доказать, что речь идет об известной иконе благоразумного разбойника, распятого одесную Спасителя и первым вошедшего в рай [4, с. 187–196].

И в особой статье, и в художественных произведениях Лесков обращался также к теме «адописной» иконы, которую живо обсуждали в начале 1870-х годов. Один священник, освящая икону, случайно обнаружил на ней под загнутым краем фолежного оклада изображение чертика и надпись: «Поклонись мне семь лет — будешь мой навеки» (вспомним здесь гоголевский портрет). Когда об этом заговорили вслух в печати и поступили другие подобные известия, оказалось, что таких «икон» немало. Писатель откликнулся статьей, в которой сообщал, что видел сам или слышал от очевидцев о таких кощунственных поделках в Пензенской, Орловской, Полтавской, Харьковской и Московской губерниях. Иногда чертик изображался на доске под слоем левкаса или на обратной тыльной стороне оклада. Лесков пишет, что встречал «адописные» иконы только среди новых икон фряжского письма, которым старообрядцы не только никогда не поклоняются, но и не покупают. Писатель сделал осторожное предположение о том, что таким способом они, возможно, пытаются *оторвать народ от почитания новых икон*. С «адописными» иконами сталкивается в Москве один из героев «Запечатленного ангела» — Марк [7, т. 5, с. 252–254].

В биографии Лескова есть удивительный случай, когда его знания иконописи помогли уголовному следствию. В 1885 году на льду Невы было найдено тело двухлетней девочки. На груди ее обнаружили об-

разок. Лесков откликнулся на это событие острой газетной заметкой «Об образке загубленного ребенка». В ней писатель отмечал: «Зная народные обычаи, всего легче предположить, что святой, изображенный на образке, тезоименит кому-нибудь из близких лиц ребенка» (отца или восприемника). Следовательно пригласил Лескова в качестве эксперта и попросил дать заключение об образке, найденном на жертве. Лесков согласился и дал «весьма полезные указания для обнаружения виновных» [6, т. 1, с. 132, 440].

Писатель хорошо знал труды об иконописании известных историков искусства И. П. Сахарова и Д. А. Ровинского. Среди собеседников на темы иконописания у писателя были знаменитые иконоведы, например Ф. И. Буслаев, В. А. Прохоров; «аматеры и знатоки античной изографии», из них можно назвать князя Павла Вяземского, Аполлона Григорьева; иконописцы, причем как «академисты» — Е. С. Сорокин, С. К. Заряно, так и «народные умельцы», об одном из которых он написал статью-воспоминание «О художном муже Никите» [4, с. 205—215].

Особый интерес представляет лесковская статья 1873 года «О русской иконописи». Попробуем коротко изложить ее основные идеи.

1. В древности икону называли «книгой для неграмотных». Это значение икона сохранила и поныне: «...Тот, кто не может читать книги, с иконы, которой поклоняется, втверживает в свое сознание исторические события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых церковью за их христианские заслуги» [5, с. 180].

2. Некогда «изумительно прекрасное русское иконописное искусство» в настоящее время находится «в самом крайнем упадке», им занимаются «невежды, которые пишут неведомо что и неведомо как». Писатель говорит о «безобразном повреждении иконографического искусства», о низведении его к «безобразию», называет иконопись «одной из самых покинутых отраслей искусства» [Там же, с. 179, 180, 186]. И это при том, что в разных мастерских по всей стране в год изготавливаются многие сотни тысяч икон.

3. Такие иконы не могут приносить той пользы народу, которую они призваны приносить и которую приносили ранее. В нынешнем их виде «расхожие» иконы способны причинить духовный вред. Главное же здесь для писателя заключается в том, что «у церкви, очевидно, отнимается одно из самых удобных средств распространения в народе знакомства с Священной историей и деяниями святых» [Там же, с. 180].

4. Необходимо возродить иконописание, «поднять русскую иконописную школу на ту высоту, на которой она стояла до порчи ее фряжью» [Там же, с. 182]. Какие меры можно предпринять для этого? —

Следует поставить на профессиональный уровень исследовательскую работу в иконных собраниях музеев; привлечь внимание общественности к государственным и частным собраниям икон, открыть широкий доступ к ним; пробудить интерес к занятиям иконографией прежде всего у художников, которые все еще не удостаивают икону своим профессионально-художественным вниманием; открыть иконописные отделения при Академии художеств в Москве и Петербурге; перевести и издать техническую часть иконописного подлинника иеромонаха Дионисия из Фурны, в которой описаны особенности приготовления темперных «яичных красок», придающих иконе «ей одной приличный тихий, мягкий, бесстрастный тон и нежность» [5, с. 186]¹; открыть выставку-продажу современной иконы (писатель называет и троих иконописцев, которые могли бы принять участие в выставке: Пешехонов, Силачев, Рачейсков); учредить премию за лучшую икону, выставленную на конкурсе (Лесков сразу же предлагает и председателя комитета по присуждению премии — графа С. Г. Строганова).

5. Наряду с мерами по развитию иконописания необходимо сделать все, чтобы постепенно вытеснить дешевые иконы низкого качества, «безвкусную фрязь», а также «иконы фантастические» (по композиции и сюжету). Как это сделать? — Необходимо возродить контроль за иконописцами, учрежденный при императоре Петре I; следует проверить и издать лицевые иконописные подлинники, причем издать дешево, чтобы они стали доступны самым бедным приходам; в каждом храме у священника должен быть такой подлинник; прежде чем совершить чин благословения и освящения иконы, священник обязан «сверить» принесенную икону с подлинником; следует наладить особый контроль за иконописанием в чтимых монастырях, местах массового паломничества, ибо там по причине огромного спроса «в продаже обращается иконопись невероятнейшего безобразия», и ее покупают набожные паломники только за то, что она продается «под колокольнями лавр».

Как видим, в статье Лескова дана целая программа возрождения иконографической, художественной и технической сторон русского иконописания, причем как высокого, неповторимо авторского искус-

---

¹ Вероятно, писателю не было известно, что *Ерминия* Дионисия Фурноаграфота была переведена и издана в Киеве в 1868 году епископом Чигиринским Порфирием (см.: [8, с. 185, 332]).

ства, так и массового. Жаль, что услышана она была с большим опозданием. *Комитет попечительства о русской иконописи* был создан по высочайшему указу государя императора лишь в 1901 году (в нем состоял, кстати, и сам государь). Большая часть предложений Лескова вошла в программу Комитета (организация иконописных школ, выставок, музеев икон, открытие специальных иконных лавок, издание подлинников и т. д.), отдельные предложения были реализованы на практике. После революции Комитет, конечно по известным причинам, был упразднен, не успев в полной мере развернуть свою деятельность, а иконописные мастерские по всей России закрыты или даже уничтожены.

Заслуживает внимания и отношение писателя к бумажным иконам, о которых он упоминает в своей статье. В качестве одного из способов вытеснения плохих икон было предложено выпускать цветные литографии хороших икон. Против этого писатель находит два возражения. Во-первых, он ссылается на святоотеческие правила, возбраняющие «поклонение иконам печатным и писанным на стеклах». Во-вторых, с полной уверенностью утверждает, что «по желанию и вкусу русского человека икона непременно должна быть *писанная* рукою, а не *печатная*. Хромолитографические иконы народом не принимаются, и как бы они ни были хорошо исполнены, наши набожные люди, держащиеся старых преданий, откидывают печатные иконы и называют их "печатными пряниками и коврижками". То, — говорят... пряник печатный, а не икона, с верою писанная для моего поклонения» [5, с. 182].

Творчество Лескова связано с иконой еще одной своей стороной: язык и стиль писателя неоднократно пытались характеризовать через иконопись. Литературовед А. А. Измайлов после выхода в свет «Запечатленного ангела» писал: «...Письмо беллетриста из распространенного светского журнала ударило в стиль легенды из "Пролога" и "Четьи Минеи". Литературная живопись перелилась в чистую *литературную иконопись!*» [6, т. 1, с. 400]. Позже, через пятьдесят лет, А. Л. Волынский назвал писателя «тончайшим и, может быть, единственным *изографом* русской литературы» (Цит. по: [9]).

«Запечатленный ангел» занимает совершенно особое место в творчестве Лескова. До сих пор он остается, пожалуй, единственным писателем в мировой литературе, создавшим светское художественное произведение, «главным героем» которого является икона. Этой повести посвящена обширная литература. Здесь же мы хотели бы только отметить, что Лесков затрагивает в ней многие темы, лишь косвенно связанные с иконописью. Некоторые из них совсем не имеют отношения

к развитию сюжета; это как бы краткие популярно-художественные экскурсии в историю или технику иконописания, в его духовные основы. Причем, как отмечают комментаторы повести, «с чисто фактической стороны "Запечатленный ангел" довольно точно отражает достигнутый тогда наукой о русской иконописи уровень знаний» [7, т. 4, с. 543—544]. Как нам кажется, вместе с этим следует обязательно отметить, что в своих заботах о русском иконописании Лесков несколько опережал своих современников, а художественными произведениями пробудил интерес к иконе у многих тысяч и даже миллионов русских людей.

Отношение к иконе Л. Н. Толстого в русской художественной литературе стоит особняком. И в детстве, и в зрелые годы он молился перед иконами не только в храме, но и дома. В 1858 году, во время написания рассказа «Три смерти», Толстой делает такую запись в дневнике: «Я молился Богу в комнате перед греческой иконой Богоматери. Лампадка горела. Я вышел на балкон: ночь темная, звездная. Звезды, туманные звезды, яркие кучки звезд, блеск, мрак, абрисы мертвых деревьев. Вот Он. Ниц перед Ним и молчи» (Цит. по: [10, с. 103]). В этой записи интересен отмеченный писателем переход от «келейной» молитвы перед иконой к безмолвному восхищению перед Творцом и миром, Им сотворенным; правда, в этом преклонении перед Создателем у Толстого проскальзывает пантеистическая нотка.

В своих ранних произведениях Толстой может сочувственно упомянуть икону, рассказать о молитве перед иконами в красном углу. Например, в повести «Детство» писатель описывает ночную молитву юродивого Гриши, за которым дети подсматривали из чулана, и там упоминает о киоте. В нем стояло несколько образов, перед ними и взывал к Богу коленопреклоненный Гриша [11, т. 1, с. 43]. В «Воине и мире» после попытки отравления и болезни Наташа Ростова решает в конце Петровского поста поговорить. Она начинает ежедневно ходить на богослужения в церковь. Там они со спутницей «становились на привычное место перед иконой Божией Матери, вделанной в зад левого клироса, и новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым охватывало ее, когда она в этот непривычный час утра, глядя на черный лик Божией Матери, освещенный и свечами, горевшими перед ним, и светом утра, падавшим из окна, слушала звуки службы...» [Там же, т. 6, с. 77].

Когда князь Андрей Болконский уезжает в армию, княжна Марья хочет благословить его образком, но не решается, боясь отказа. Нако-

нец, осмелившись, она говорит: «"Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его [образок] еще отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах... André, я тебя благословлю образом, и ты обещаешь мне, что никогда его не будешь снимать... Против твоей воли он спасет и помилует тебя и обратит тебя к себе, потому что в нем одном и истина и успокоение", — сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом, в серебряной ризе, на серебряной цепочке мелкой работы... Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок» [11, т. 4, с. 136—137]. Княжна Марья, желая убедить брата принять образ, упоминает, что иконка — древняя, что она уже прошла войны и походы, уже показала свою силу, защитив от гибели их деда. И князь Андрей принимает благословение сестры: он надевает образок на шею¹.

Этот эпизод имеет в романе продолжение. Французские солдаты сорвали с груди тяжело раненого князя Андрея подарок сестры. Но ласковость и благосклонность, с которой Наполеон разговаривал с ранеными и пленными, заставила их отдать ему образок. Князь не заметил, кто вернул ему иконку, но тут же вспомнил сестру и пожалел, что у него нет той ясной и простой веры, которой живет она [Там же, с. 369—370]. Но не подумал князь о том, что, может быть, именно образок молитвами княжны Марьи спас его от смерти, уберег и от плена: как безнадежно раненый он был сдан на попечение местных жителей. Княжна же Марья не забывала о своем подарке, через два месяца после Аустерлицкого сражения и известия о гибели брата она не переставала надеяться на то, что он жив. Единственно, что смущало ее и внушало сомнения, — это неверие князя Андрея. И когда она вспоминала брата, «видела его в ту минуту, как он *нежно и насмешливо*

---

¹ У самого писателя был небольшой образок, который он долго хранил при себе. Эта иконка, также в золотом окладе, была подарена Ергольской отцу Л. Толстого, а после кончины отца (будущему писателю было в ту пору девять лет) перешла к сыну. Образок представляет собой стилизованную под икону уменьшенную копию с картины Рафаэля *Мадонна в кресле* (см.: [12, с. 107]). Это заключенное в овал (оригинал вписан в круг) поясное изображение Мадонны, которая обеими руками обнимает Младенца, чуть в глубине справа написан еще один младенец — будущий Иоанн Креститель. Как отмечается в комментарии к воспроизведенному в одной из книг образку, Толстой «не расставался с этой реликвией до своего разрыва с церковью» (см.: [13, с. 145]).

надевал образок на себя. "Верил ли он? Раскаялся ли он в своем неверии?"» [11, т. 5, с. 38. Курсив наш. — В.Л.]. Жизнь и спасение брата для княжны неразрывно связаны с верой в Бога, залогом которой стал образок Спасителя. Как это ни странно, но больше об этой иконке в романе нет ни слова. Была ли она на груди князя Андрея, когда тот получил смертельную рану при Бородине? — Об этом Толстой умолчал. Но и в таком случае эпизод с иконкой глубоко символичен. Первое ранение было как бы предупреждением князю Андрею и призывом к вере; молитвы сестры и образок-напоминание уберегли его от смерти. Но князь не внял этому призыву и через семь лет умер от другого ранения, полученного также в сражении: икона не спасает автоматически — без веры и молитвы того, кто ее носит. Из этого «иконного эпизода», на наш взгляд, естественно вытекает именно такая мысль, хотя, скорее всего, это произошло против воли писателя.

Образок князя Андрея был маленький, и носил он его под одеждой, как нательный крест. Но вот у Денисова икона свт. Николая висела на груди, что и бросилось в глаза Пете Ростову: «Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая Чудотворца...» [Там же, т. 7, с. 149]. В своих воспоминаниях поэт, гусар, партизан и мемуарист Денис Давыдов (прототип Денисова в «Воине и мире») так объясняет ношение иконы на груди поверх одежды. Когда Давыдов организовал первый партизанский отряд и начал совершать рейды по французским тылам, то крестьяне часто принимали партизан за французов. «К каждому селению, — пишет Давыдов, — один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли на помощь к ним и на защиту православной церкви. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от ударов коих судьба спасла нас... Сколько раз я спрашивал жителей *по заключении между нами мира*: "Отчего вы полагали нас французами?" Каждый раз отвечали они мне: "Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежу схожо". — "Да разве я не русским языком говорю?" — "Да ведь у них всякого сбора люди!" Тогда я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая...» [14, с. 109—110]. Характерно, что Денис Давыдов начал носить на груди не икону Спасителя или Божией Матери, а святителя Николая, которого русский народ с незапамятных времен окружил особым почитанием. Итак, икона на грудь толстов-

ского Денисова перешла из воспоминаний легендарного командира партизан Давыдова: она защищает не от врагов, а от недоразумений со своими, она не только святыня, но и важный опознавательный знак, своего рода пароль, поэтому должна быть больших размеров и носиться поверх одежды.

А где молились Ростовы? — Естественно, каждый в своей комнате, поскольку иконы имелись во всех помещениях, в том числе и служебных. Но в доме Ростовых была особая комната, которая называлась «образной». Иконы в ней закрывали обычно сплошь все стены. Там были собраны наследственные иконы, там совершалась общая семейная молитва, там приглашенные священники служили молебны, совершали требы. Перед бегством из Москвы Соня нашла старую графиню в образной на коленях перед оставшимися то тут, то там иконами; с собой взяли только самые дорогие семейные святыни [11, т. 6, с. 330]. Здесь у Толстого символом приближающегося разорения российской столицы становятся зияющие пустотами стены образной с висящими «разрозненно» иконами.

Но вот в армию перед Бородинским сражением приносят чудотворный образ Смоленской Божией Матери и совершают пред ним молебен. Толстой описывает этот эпизод. Икона, как это всегда бывает в описаниях икон у Толстого, просто большая, у нее черный лик, она в окладе и украшена лентами, несут ее на полотенцах. Подразумевается, что этого достаточно и читателю больше ничего об иконе знать не нужно. О лике Пресвятой Богородицы не говорится ни слова, об окладе — золотой или серебряный, украшен ли камнями, ведь на солнце они должны сверкать, — также ни слова. Или какого цвета ленты украшали великую святыню? — Нет и намека на ответ. Как ни странно, в описании торжественного церковного шествия у Толстого кроме *черного* лика богородичной иконы нет *ни одного* красочного эпитета. А ведь кто хоть раз видел крестный ход, тот не мог не поразиться многоцветью картины: голубые одежды священников (канун богородичного праздника), золотые, серебряные, зеленые, малиновые хоругви, сияющие драгоценными камнями оклады. А солдаты? Ведь на молебне присутствовали солдаты и офицеры разных родов войск, все в своей форме, а формы у всех разные не только по покрою, но и по цвету. Не говоря уже о синем небе и зеленой траве. У Толстого же в этом отрывке совсем нет красок. Читатель находит лишь пыльную дорогу, бесцветных священников, дьячков, солдат, ополченцев, «пехоту», офицеров, генералов.

А что увидел писатель на лицах молящихся? — Мы узнаем только, что солдаты «однообразно жадно» смотрели на икону. Но кто был на молебнах, тот знает, что нигде, пожалуй, невозможно увидеть такого многообразия вдохновенных, просветленных и радостных или скорбных и залитых слезами человеческих лиц, как на молебне перед чудотворной иконой. Тем более в такую минуту, когда речь идет не только о своей жизни, но и о спасении Отечества. Кто читал воспоминания участников первой Отечественной войны или кто видел народные молебствия перед чудотворными иконами в наше время, тот никогда не поверит Толстому, который без вдохновения и сочувствия описал молебен как унылое, серое и бесцветное «мероприятие».

В поздних произведениях писателя иконы или не упоминаются совсем, хотя действие происходит в местах и помещениях, где их не могло не быть, или описываются в сниженном контексте. В повести «Отец Сергей», действие которой развивается в храмах, монастырях, келиях, имеется лишь *одно* упоминание об иконе и то не совсем уместное. Однажды во время богослужения игумен позвал Сергия в алтарь. «Войдя в алтарь, — пишет Толстой, — он, по обычаю, крестно поклонился, перегибаясь надвое, перед иконой, потом поднял голову и взглянул на игумна...» [11, т. 12, с. 352—353]. Но герой Толстого — иеромонах, войдя в алтарь, он должен приложиться к главной святыне храма и алтаря — престолу Божию, а не к иконе (хотя после этого мог бы приложиться и к за престольной иконе). Больше в повести об иконах — ни слова. *Православный иеромонах* Сергий у Толстого икон не имеет, не видит, они ему не нужны, и писатель о них не упоминает.

В «Анне Карениной» есть несколько «иконных эпизодов». Умиравший Николай Левин, давно потерявший веру, соглашается собороваться и причаститься. Во время соборования он горячо молится, глядя на образ, поставленный на столик возле кровати. Писатель даже не упоминает, какой именно образ стоит перед больным (и это у Толстого скорее правило, чем исключение). Когда совершается таинство соборования, Константин Левин обращается к Богу: «Сделай, если ты существуешь, то, чтоб исцелился этот человек (ведь это самое повторялось много раз), и ты спасешь его и меня» [Там же, т. 9, с. 75]. Толстой, видимо, даже не замечает, что его любимый персонаж Левин становится в позу книжников и фарисеев на Голгофе: «...Пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в него» (Мф. 27:42; Мр. 15:32; Лк. 23:39), то есть сделай чудо, и мы уверуем. Но ведь по Евангелию совершенно ясно, что личная искренняя вера есть обязательное условие совершение

чуда. Когда Господь исцелял больных, он отпускал их со словами: «Иди, вера твоя спасла тебя» (Мф. 9:22; Мр. 5:34, 10:52; Лк. 7:50, 8:48, 17:19, 18:42). И наоборот, в Галилее, в отечестве Своем, среди людей, которые «соблазнились о нем» (как явно «соблазняется» Константин Левин), Спаситель не совершает чудес «по неверию их» (Мф. 13:58). Для Толстого и его героев икона как бы идол, они *требуют* от нее чуда (это мы видели у героя Мельникова-Печерского Смолокурова); они как бы восклицают: если ты чудотворная, соверши чудо, и тогда мы уверуем. Толстой изображает дело так, как будто он передает в этой сцене учение церкви об иконе и показывает, что оно обман. Но церковь об иконе и иконопочитании так, как это показывает писатель, не учит. И Толстой в этом эпизоде продемонстрировал лишь одно: он не знает и не хочет знать церковного понимания иконы.

Верующему народу Толстой также приписывает свое искаженное и окарикатуренное «иконпочитание». Особенно показателен в этом отношении роман «Воскресение». В главе XL писатель утверждает: «...Большинство (арестантов, поскольку богослужение совершается в тюремном храме. — В.Л.) верило, что в этих золоченых иконах... заключается таинственная сила, посредством которой можно приобрести большие удобства в этой и будущей жизни» [11, т. 13, с. 145]. Толстой говорит об арестантах, но имеет в виду, конечно, народ вообще. Для описания православного богослужения он использует в романе прием «остранения» (термин Виктора Шкловского) [15, с. 523]. Прием этот состоит в том, что писатель смотрит на происходящее (в данном случае — богослужение) глазами новичка, постороннего человека или даже иностранца, для которого странно и не совсем понятно все, что он видит. В маленькой главе XXXIX, где изображено православное богослужение, Толстой трижды называет иконостас «перегородкой» и ни разу его собственным именем, а царские врата иконостаса (в «Войне и мире» они еще *царские врата*) нарекает «средними дверями» [Там же, с. 141–143]. Так же «остраненно» он описывает и икону Спасителя, перед которой совершается после литургии акафист Иисусу Сладчайшему. Священник у Толстого встает «перед предполагаемым выкованным золоченым изображением (с черным лицом и черными руками) Бога [Там же, с. 142]. Здесь все до предела настолько «странно», что похоже на пародию. Бог у Толстого — «предполагаемый», изображение Его — выкованное и золоченое, то есть как бы идол, но при этом имеет черное лицо и руки. Писатель не хочет знать, как это было уже в романе «Анна Каренина», что по церковному учению и

народному благочестию икона не Бог и ее почитают не как Бога (о чем писал, например, Достоевский в «Дневнике писателя»).

Прием «остранения» при описании богослужения в романе «Воскресение» у Толстого не сработал. У писателя получилась кощунственная, издевательская пародия на православное богослужение. Толстой хочет убедить читателя в нелепости происходящего, но убеждает лишь в своих пропагандистских намерениях и пренебрежении к чувствам миллионов верующих людей. Он часто сам разрушает использованный прием, вторгаясь в текст с авторским комментарием: глава XXXIX описывает Божественную литургию и чтение акафиста Иисусу Сладчайшему «остраненно», а следующая — посвящена аналитическому разбору богослужения. В ней писатель уже без всяких литературных приемов называет святое таинство Евхаристии «кощунственным волхвованием» [11, т. 13, с. 143].

Итак, вначале Толстой описывает литургию, а потом «разоблачает» ее, как бы не замечая, что разоблачает он не богослужение, а свою собственную карикатуру на него. И критикует не иконопочитание, а *свое* материалистическое и совсем *не церковное* понимание иконы.

В романе «Воскресение» есть такой персонаж — Топоров. От его имени Толстой говорит: «Разумеется, все эти Иверские, Казанские и Смоленские — очень грубое идолопоклонство, но народ любит это и верит в это, и потому надо поддерживать эти *суеверия*» [Там же, с. 306]. Писатель относится к своему персонажу критически и изображает его почти пародийно, но отношение к иконам через него он передает свое — личное. Для позднего Толстого икона — грубое идолопоклонство и суеверие, что подтверждают его высказывания последних лет жизни.

Второго февраля 1901 года вышло определение Святейшего синода, в котором высший орган церковной власти, обращаясь к верным чадам православной церкви, засвидетельствовал, что писатель граф Лев Николаевич Толстой отпал от церкви. Последнюю точку в своем отрицании икон и иконопочитания он поставил в «Ответе» на определение Синода. В нем, наряду с другими известными заявлениями, писатель вполне определенно сказал, что «в почитании икон» он видит «приемы грубого колдовства» (Цит. по: [16, с. 138]).

Как ни удивительно, но за всю свою долгую жизнь писатель не увидел, не заметил иконописных ликов на русских образах. Толстой настойчиво и последовательно именуется иконы «черными», демонстрируя тем самым свое пренебрежение к ним и нежелание их рассматривать. Писатель оказался совершенно нечувствителен к духовной мис-

тической красоте иконописных ликов. Ведь не можем же мы поверить, что Толстому на его долгом жизненном пути попадались только совершенно черные иконы. Можно отрицать иконопочитание, но, кажется, невозможно не оценить духовную красоту, неземную чистоту, эстетическое своеобразие иконы, ее краски и певучие линии. Конец XIX — начало XX века называют эпохой «открытия иконы». Иконы были показаны на всемирной выставке в Париже в 1867 году и стали художественной сенсацией русского павильона. В 1890 году Всероссийский археологический съезд организовал богатую выставку икон в Москве. Не говоря уже о том, что к концу XIX века накопилась огромная литература, посвященная иконописи как художественному явлению. Писатель жил активной жизнью, много читал и писал. И, однако, великий художник прошел мимо величайшего художественного явления русской культуры.

А как относился к иконам Достоевский? Один из ответов на этот вопрос — иконы в его квартире и теплящаяся перед ними лампада. Другой ответ — его произведения с многочисленными упоминаниями икон. Но сохранились и прямые высказывания писателя об иконопочитании; один из знакомых Достоевского записал такие его слова: «Если народ, целый народ — заметьте, может чтить Божий образ, то есть слабое, а у нас иногда и уродливое изображение Бога, Христа, Богородицы, то насколько же больше чтит он и любит самого Бога! У народа Богу всегда первое место — передний угол; там у него божница, боговня. Ему надо иметь у себя святыню, видимую, как отображение Божества. Здесь в этом почитании сказывается трогательная целокупность духа и сердца. — Надо веровать, устремляться к невидимому Богу, но и почитать Его на земле простым сродным обычаем...» [17, с. 468]¹. Икона для писателя — свидетельство веры народа, его любви к

---

¹ В «Дневнике писателя» Достоевский выступил в защиту народного иконопочитания и решительно отверг обвинение народа в идолопоклонстве, «осуждение православных русских за поклонение иконам». Достоевский пишет: «Иной лютеранский пастор ни за что не может понять, как можно, веруя в истинного Бога, поклоняться в то же время "доске", изображению святого, и допустить, чтоб из этого не вышло идолопоклонства. Русский интеллигентный человек всего чаще согласен в этом суждении с пастором. Между тем нет ни одного русского мужика или бабы, которые, поклоняясь иконе, в то же время *хоть сколько-нибудь* смешивали "доску" с Самим Богом, несмотря на то, что православный народ в то же время верует в чудотворность иных икон. Но нет ни одного русского, который чудотворную силу иконы приписал бы самой ико-

Богу, единства духа (вера в невидимого Бога) и сердца (особое почитание Его видимого образа), причем почитание даже несовершенного по своему художеству образа.

В своих произведениях писатель многократно упоминает красный угол в квартирах своих героев: Кириллов («Бесы»), Ипполит («Идиот»), Софья Андреевна, князь Сокольский, Аркадий («Подросток»), Алеша, Федор Павлович («Братья Карамазовы»). Даже у *социалиста* Дергачева в «Подростке» имелся «в углу образ без ризы, но с горевшей лампадкой». В то время икона часто еще не мешала ни нигилистам, ни социалистам, ни революционным демократам, ни богоборцам и безбожникам. Красный угол есть и в квартире Кириллова. Знаменательно, что Достоевский никогда не забывает отметить горящую перед иконой лампаду, свидетельствующую о живой вере, а не об исполнении обычая. Ставрогин, пришедший к Кириллову в гости, обращает внимание именно на лампаду, а не на икону: «Уж не вы ли и лампаду зажигаете?» Уходя же, Ставрогин с иронией предсказывает: «Бьюсь об заклад, что когда я опять приду, то вы уж и в Бога уверуете» [18, т. 10, с. 189]¹. Ставрогин оказался плохим предсказателем, но примечателен сам факт предположения, что Кириллов мог бы уверовать в Бога, ведь оно основывается единственно на том, что в его комнате есть икона (принадлежащая, кстати, хозяйке) и перед ней Кириллов зажигает лампаду (опять же ради хозяйки).

Нередко икона у Достоевского играет важную роль в художественной структуре произведения. Кроткая бросается из окна с прижатой к груди иконой Богоматери. Тем самым она хочет сказать, что ее уход из жизни не бунт против Бога (как у Кириллова), а слабость жизненной силы, и заранее просит прощения за грех самоубийства [18, т. 24,

---

не, а не соизволению Божию» [18, т. 25, с. 168]. В этом отрывке Достоевский показывает себя не только сторонником иконопочитания, но и богословски подготовленным его защитником. Седьмой Вселенский собор еще в VIII веке определил, что почитание иконы относится не к «доске» и краскам, оно «восходит» к Самому Богу или святому, изображенному на иконе, поэтому слово «доска» взято у писателя в кавычки. Также и чудеса творит не «доска», а изображенные на иконе Господь, Богородица или святые. Источник чудес, по Достоевскому, — «соизволение Божие». Писатель долгие годы провел в непосредственном общении с самыми разными слоями русского народа, он имел право так решительно отместить обвинение народа в идолопоклонстве; его слова — свидетельство очевидца и потому особенно убедительны.

¹ См. анализ этого эпизода в работе [19, с. 239–240].

с. 32—33]. В «Подростке» Версиров разбивает икону, на которой изображены два святых, и это действие-аллегория становится и бунтом против Бога, и низкой мстью Ему, и разрывом с Екатериной Николаевной (а не Софьей Андреевной, как понимают окружающие), и свидетельством расколотого сознания самого Версирова [Там же, т. 13, с. 407—410].

В романе «Бесы» икона выступает объектом кощунства, как бы предвещающая все надругательства, всю против нее ожесточенную борьбу, начавшуюся в стране спустя полстолетия после написания романа, когда к власти пришли метко изображенные Достоевским герои. В городе совершено двойное преступление: ограбление церковной святыни и «безобразное» и «бессмысленное», как называет его рассказчик, кощунство над ней — в киот подбросили мышь [Там же, т. 10, с. 252—253]. Кажется, никого не возмутил сам факт ограбления или оно просто стусеивалось рядом со вторым преступлением — *кощунством*. Так ли уж оно «бессмысленно», как называет его рассказчик?

Как выясняется впоследствии, первое преступление совершил беглый каторжник Федька, второе — Лямшин, человек, близкий к обоим Верховенским и входивший в группу заговорщиков и убийц Шатова. Принципиальное отличие двух преступлений друг от друга выясняется позже при встрече Петра Верховенского с Федькой. Обвинителем выступает Федька-каторжник, который «читает лекцию» младшему Верховенскому, подчеркивая его атеизм. Их диалог предельно показателен:

— И знаешь ли ты, — говорит Федька, — чего стал достоин уже тем одним пунктом, что в самого Бога, Творца истинного, перестал по разврату своему веровать? Все одно что идолопоклонник...

— Ах ты, пьяная харя! Сам образа обдирает, да еще Бога проповедует!

— Я, видишь, Петр Степанович, говорю тебе это верно, что обдираю; но я только зеньчуг поснимал, и почему ты знаешь, может, и моя слеза пред горнилом Всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою, так как есть точь-в-точь самый сей сирота, не имея насущного даже пристанища. Ты знаешь ли по книгам, что некогда в древние времена некоторый купец, точь-в-точь с таким же слезным вздоханием и молитвой, у Пресвятой Богородицы с сияния перл похитил, и потом всенародно с коленопреклонением всю сумму к самому подножию возвратил, и Мать Заступница пред всеми людьми его пленой осенила, так что по этому предмету даже в ту пору чудо вышло, и в государственные книги все точь-в-точь через начальство велено за-

писать. А ты пустил мышь, значит надругался над самым Божиим перстом. И не будь ты мой природный господин, которого я, еще отроком бывши, на руках наших нашивал, то, как есть тебя теперича порешил бы, даже с места сего не сходя! [18, т. 10, с. 290].

Ситуация очень характерная для романов Достоевского: один преступник «читает мораль» другому. Федька оправдывает себя тем, что снял только жемчуг, то есть только внешнее украшение иконы, и тем, что сделал это по необходимости, от голода и бедности, саму же икону оставил в неприкосновенности. По сравнению с Петром Верховенским Федька оказывается более осведомленным и подготовленным в области иконопочитания. Комментаторы полного собрания сочинений Достоевского в примечании к этому эпизоду отмечают, что источник христианской легенды о ризе Богородицы, пересказанной Федькой, установить не удалось [Там же, т. 12, с. 363]. Но герой, вернее Достоевский, позаимствовал эту легенду из сборника русских народных сказок Афанасьева [20, с. 289–290].

Нельзя не обратить внимание и на такой немаловажный факт: Федька обвиняет Верховенского в том, что тот пустил мышь в разбитый киот с иконой Богородицы. Но читатель из романа знает, что это сделал Лямшин, а не Верховенский. Но для Федьки главный преступник не тот, кто *сделал*, а тот, кто идейно вдохновил и *позволил* совершить преступление «по совести». Вспомним, что Смердяков считает главным убийцей не себя, а Ивана Карамазова и несколько раз кричит ему об этом в глаза: «Ты убил!» [18, т. 15, с. 61, 63]. Лямшин лишь исполнитель; такие исполнители всегда найдутся, но они ничего не могут сделать, пока их не подбодрят и не направят Иваны Карамазовы или Петры Верховенские.

У Достоевского находим самое глубокое *богословие образа* в светской литературе, прежде всего в романе «Подросток» и в «Дневнике писателя». Человек сотворен по образу и по подобию Божию. Свещное его призвание — это богообразие и благообразие. Одним из представителей благообразия у Достоевского выступает странник Макар Иванович из «Подростка». В этом романе тема благообразия развита особенно подробно [Там же, т. 13, с. 291, 302, 392; т. 16, с. 368 и др.]. Благообразию у Достоевского противостоит безобразие — без-образ-ие, то состояние души человека, при котором образ Божий в человеке подвергается поруганию самим человеком. Страницы, посвященные теме благообразия и безобразия, свидетельствуют о том, что Достоевский был не только прекрасным психологом, но и самобытным богословом,

его понимание человека, отталкиваясь от психологического факта, начиная с имманентного уровня, перерастает в богословские обобщения, переходит на онтологический уровень. Такого глубокого богословского понимания человека, такой точной христианской антропологии в русской литературе XIX столетия мы не находим ни у одного другого писателя.

Поэзия XIX века в лице прежде всего Ф. Глинки, А.К. Толстого, К. Случевского, обращаясь к теме иконы, касается, как правило, тех же ее сторон, что и проза. Ситуация меняется в начале Серебряного века русской литературы. Конец XIX — начало XX столетия в истории отечественного искусства называют эпохой «открытия иконы». Многие писатели и поэты той поры своим творчеством подтверждают справедливость такого мнения, многократно обращаясь к иконописи. Наряду с разработкой уже известных направлений в теме иконы¹, они открывают три новых ее аспекта: 1) краски древнерусской иконы; 2) особенности передачи пространственных отношений в иконе; 3) богословие иконы (именно иконы, а не иконопочитания, как это было в XIX веке).

Особым вниманием к богословию иконы выделяется творчество Вячеслава Иванова. Стихотворений, непосредственно посвященных иконам или каким-либо образом связанных с иконной тематикой, у поэта не много (по сравнению, например, с Клюевым), но все без исключения случаи обращения поэта к ней дают примеры глубокого проникновения в сущность иконы, в ее богословские основы. Останавливает на себе внимание начало второго стихотворения из мелопеи «Человек»:

Творец икон и сам Икона,
Ты, Человек, мне в ближнем свят... [21, с. 198].

Эти две строки позволяют говорить не только об иконе в восприятии поэта, но и в определенной мере о богословии иконы и христианской антропологии Вячеслава Иванова². Эмпирически человек гре-

---

¹ Горький, например, по тематике «иконных эпизодов» в своих повестях был прямым продолжателем Лескова и Мельникова-Печерского, правда, без их любви к иконе.

² Отец Павел Флоренский был первым, кто обратил внимание на необычную сложность и глубину религиозно-философских идей мелопеи, усугубленных лаконичностью и индивидуальными особенностями поэтического языка Вячеслава Иванова, и предложил поэту: «Вещь прекрасная, но ее мало кто поймет. Хотите, я напишу примечания?» (см.: [21, с. 737]). Иванов согласился и

шен; онтологически, потенциально — свят, ведь каждый является в большей или меньшей мере просветленной иконой Христа, по образу которого он сотворен вначале. Святость человека — это его богообразие, богоподобие, иконичность. Путь к святости — выявление этой иконичности в себе, стремление стать живой иконой. Иконичная, онтологичная святость — основа, условие и возможность святости эмпирической. По этой онтологичной святости все люди — братья. Традиционное христианское обращение «Братья и сестры» имеет в виду не желанное лишь взаимоотношение христиан друг к другу как братьев и сестер, а факт наличия такого духовного, онтологичного братства во Христе как образов единого Первообраза, как живых икон-списков единой Первоиконы. В стихотворении «Икона» поэт пишет:

«Господь Вседержитель» —
 Слова ни иконе.
 Кто в злате? Кто в славе? — Христос Иисус.
 Не ветхий деньми Родитель
 На мысленном троне,
 Но спутник друзей в Эммаус.
 Человек
 И брат мой, Ты — Вседержитель,
 Начальное Слово и мира Творец? [21, с. 555].

Вопросительный знак в конце означает скорее не вопрос, а удивление поэта перед безмерностью чуда, в которое так трудно уверовать: Бог стал человеком и назвал человека Своим братом.

У поэта, бесспорно, был и личный опыт молитвенного общения с Богом через икону; он выражен Вячеславом Ивановым в следующем автобиографическом стихотворении:

У темной Знаменья иконы, в ночь, елей
 Лампадный теплится; я ж, отрок, перед ней
 Один молясь, не знал, что кров мой был какою
 Судна, носимого во мраке бурей лютой,
 Что голосами тьмы не бес меня пугал,

даже отложил печатание своей поэмы, Флоренский же выполнил свое обещание и написал комментарий. Все было готово к изданию (оба текста даже набраны), но тут начались революционные события и примечания Флоренского, к большому сожалению, затерялись. Сам поэт чувствовал необходимость пояснений к поэме, по мнению О. Дешарт автокомментарием к ней можно считать «Пролегомены о демонах» (см.: [Там же, с. 744]).

А в доски бьющийся осатанелый шквал,
Что малый, кроткий свет, по серебру скользящий,
Елея данью был, валы миротворящей [21, с. 625].

Даже свет лампы, отражающийся от серебряного оклада иконы, чудотворен, способен умирять стихии. Поэт делает акцент на том, что икона приносит не просто субъективно-психологическое удовлетворение, душевное равновесие, — по усиленной молитве она способна снизить в мятежное бытие, вмешаться в него, изменить течение даже космических событий. Икона — это место прорыва трансцендентного в имманентное.

Стихи Вячеслава Иванова об иконах как бы завершают эту тему в литературе XIX века и вместе с тем открывают ее для поэзии XX века, внося струю религиозно-философского подхода к иконе, столь модного в эпоху Серебряного века русской культуры. В целом же Полевой, Пушкин, Гоголь, Мельников-Печерский, Лесков, Толстой, Достоевский и Вячеслав Иванов дают достаточно полное представление об отношении русских писателей к иконе и о многообразии тех художественных целей, ради достижения которых они вводили ее в произведение, уделяли ей место в развитии сюжета. Та же тема в литературе двадцатого столетия заслуживает особого разговора.

Список литературы

1. Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. М., 1959.
2. Поселянин Е. Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон: в 2 т. М., 2002. Т. 2.
3. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: в 8 т. М., 1976.
4. Лесков Н. С. О литературе и искусстве. Л., 1984.
5. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1956—1958. Т. 10.
6. Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным и несемейным записям и памяткам: в 2 т. М., 1984. Т. 2.
7. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1993.
8. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986.
9. Евдокимова О. В. Живописание в структуре произведений Н. С. Лескова // Русская литература и изобразительное искусство. Л., 1988.
10. Толстая А. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989.
11. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978—1985.
12. Шрамкова Г. Искусство Возрождения. М., 1977.
13. Лев Толстой и Ясная Поляна. М., б. г.
14. Давыдов Д. Записки партизана. Стихи. М., 1984.

15. Шкловский В. Собр. соч.: в 3 т. М., 1974.
16. *Архиепископ Иоанн (Шаховской)*. К истории русской интеллигенции (революция Толстого). Нью-Йорк, 1975.
17. *Опочин Е.* Беседы с Достоевским // Звенья. 1936. Т. 6.
18. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972—1990.
19. *Власкин А. П.* Народная религиозная культура в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1996.
20. *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева*: в 3 т. М., 1986. Т. 3.
21. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель, 1971—1987. Т. 3.

**ДОКУМЕНТЫ
ВРЕМЕНИ**

«С ПРИВЕТОМ К ТЕБЕ»: ОТКРЫТКИ И СУДЬБЫ

Маленький картонный прямоугольник 9 × 14 сантиметров. Спусток времени: чьи-то судьбы, тревоги и радости, повседневные заботы и огорчения, разочарования и надежды на ответное послание, встречу, любовь. Это "Postkarte", "Carte postale", «открытое письмо» — почтовая открытка, чаще всего поздравительная. На лицевой стороне — репродукции картин известных художников конца XIX — начала XX века: Б. Зварыкина, Елизаветы Бем, А. Яременко, К. Маковского, Е. Лебедевой или незамысловатые, а порой затейливые и изысканные рисунки, пейзажи из жизни России, поверх рисунка — слова поздравления: «сердечный привет», «с днем ангела», «Христос Воскресе» и т. д.

На реверсе, обратной стороне открытки, в правом углу — почтовая марка, иногда царской России с двуглавым орлом достоинством в 3 коп. и почтовый штемпель с названием города и датой. Например: Бердянскъ, Таврич. губ., 4.2.1914 г.; Кострома, 27.3.1912 г.; Москва, 19.4.1905 г.; Ленинград, 19.2.1945 г., и др. Можно представить, какой огромный путь проделали эти почтовые открытки, сколько верст или километров преодолели, прежде чем попали от адресата к адресанту: из Иркутска в Москву, из Риги в Санкт-Петербург или от одного человека к другому — в границах одного города. А дальше — каллиграфическим, ученическим, кавалерийски-размашистым или бисерным почерком — конкретные судьбы людей, судьба народа, судьба России! Например, открытка в Ригу (орфография и пунктуация сохранены): «Христос Воскресе! Милая Оля! Нам теперь жить пока хорошо. Павлик у нас записался в коммунисты. Мы хотели приехать к вам в ригу, но не попасть в поезд. Поздравляю всех с праздником. Тетиньку Дядиньку и всех сестер. Тоня». Или открытка, отправленная из Восточной Пруссии в 1949 году с видом побережья Балтийского моря: «3 "з" класс, 217 школы. На память раненому бойцу от Бриковой Галины. 27.IV.49 г.».

Дорогие читатели нашего журнала, взгляните, вчитайтесь в содержание, проникните в смысл этих посланий, ощутите это время. Чья-то судьба, чьи-то судьбы, эпоха, спрессованная до размера 9 × 14 сантиметров.

Открытки из коллекции Андрея Макеенкова (Калининград)
Подготовил к публикации Владимир Малащенко

**ФИЛОСОФСКИЕ
СТРАНИЦЫ**

Философа Густава Шпета и поэта Юргиса Балтрушайтиса связывали узлы дружбы, однако для нас — исследователей их творчества — важно увидеть в их дружбе не только экзистенциальную привязанность, но и идейное созвучие.

Т. Щегрина

*Татьяна Щедрина
(Москва)*

ГУСТАВ ШПЕТ И ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС: ЗНАКИ ДРУЖБЫ¹

Густав, согласно уговору,
Сегодня в полночь я — с тобой...
31. XII. 1925
Юргис Балтрушайтис

В своей незаконченной статье «Искусство как вид знания» Густав Шпет охарактеризовал «законы метаморфоз смысла», присутствующие любому творческому акту, так: «В переходе от действительности к возможности действительное полностью сохраняется как такое возможности, но только уже осуществленное. Но все-таки, так как "возможность" означает здесь не случайность — разновидность такой же действительности, а формально-идеальную узаконенность, то соблюдение сказанного условия равносильно сдвигу всего плана смысла, при сохранении, однако, внутренней закономерности отношений в последнем: логос выступает в новой установке, смысловое содержание его суппонируется, действительность или недействительность становятся безразличными для нас, иррелевантными для конституции логоса, и сфера возможности заполняется, как содержа-

---

¹ Выражаю сердечную признательность дочери Густава Шпета Марине Густавовне Шторх и его внучке Елене Владимировне Пастернак за предоставление писем Юргиса Казимировича Балтрушайтиса к Густаву Густавовичу Шпету и электронной копии портрета Ю. К. Балтрушайтиса работы Леонида Пастернака.

нием своим, взаимоотношением и системою чистых форм» [15, с. 113]. Эта цитата из работы Шпета может служить выражением самой сути поэтического творчества Юргиса Балтрушайтиса: «"Пламени восторга он дает остыть", как писал о характере поэтического вдохновения Балтрушайтиса критик С.С. Розанов. "Операция" для лирика не безопасная, довольно редкая и роднящая Балтрушайтиса... с такими поэтами-философами, как Баратынский и Тютчев» [13, с. 11]. Замечу, что именно строки Тютчева и Баратынского цитировал Шпет в «Эстетических фрагментах», когда раскрывал смыслы «внутренних поэтических форм». Но об этом ниже.

Юргис Балтрушайтис

[2, с. 216]. Именно здесь, в «Обществе свободной эстетики», в дружеских беседах Балтрушайтис и Шпет могли размышлять о проблеме внутреннего отношения страсти и мысли в поэтическом произведении.

Балтрушайтис искал такую форму выражения своих поэтических «видений», чтобы в слове «интимно сливались» страсть и мысль: мысль становится страстной, а страсть — осмысленной. В письме из Норвегии он признается Валерию Брюсову: «Когда бродишь здесь среди полуобнаженных, совершенно безлюдных скал, когда добираться до какого-нибудь места, откуда вдруг открывается свободное

Философа Густава Шпета и поэта Юргиса Балтрушайтиса связывали узы дружбы, однако для нас — исследователей их творчества — важно увидеть в их дружбе не только экзистенциальную привязанность, но и идейное созвучие.

Как возможно целостное единство страсти и мысли в поэзии? Этот вопрос идейно окрашивал дружеское общение Шпета и Балтрушайтиса. Они познакомились, когда Шпет переехал из Киева в Москву и, как вспоминает Андрей Белый, «тогда завелся в "Эстетике"... в душе артист — этот крепкий подкальватель кантианцев при помощи Юма пенял: мое дело — стихи: ни к чему философия мне; с Балтрушайтисом, да и со мной стал на "ты"... и его появление бодрило»

море, какая-то тревога овладевает человеком, и неотложно, сейчас же, хочется узнать окончательную судьбу людей. И притом видишь, что к этому знанию можно прийти не путем сплетения каких бы то ни было мудрых силлогизмов, а как-то проще, непосредственнее, ясновидением или наитием, что ли... Но ни этого наития, ни достаточной силы мышления не оказывается. И тогда вдруг потянет к рынку, к непомнящим себя людям, к той пляшущей суете, которая живет, сколько может, плачет, когда горько, но ничего не предпрещает и ничего не хочет узнать наперед. Эх, дорогой Валерий, есть чем похвалиться, бесспорно, а *того*, важного, знания маловато. И вот я ищу его, подставляю решето под водопад своих мгновений и... молчу о добытом» [9, с. 11–12]. Вот строки из его стихотворения «Полночный парус»:

В полночный час, в моем уме холодном,
От бега лет покорном и бесстрастном,
Чуть дышит явь в броженьи первородном,
Вплести в свой вихрь мой темный дух невластный.

Это свойство поэтического творчества Балтрушайтиса, стремящегося найти созвучие страсти и мысли, тонко прорисовал Вячеслав Иванов: «Кто впервые услышит стихи Юргиса Балтрушайтиса, если он не вовсе глух к лирической гармонии, испытает смутное вначале, но необычно завладевающее душою волнение. Словно из-за развесистых старых деревьев, наполовину заглушенная серою толщею церковных стен, зазвучала органная fuga. И вот уже сбежала с уст суетная улыбка и внезапно отрезвился готовый к полету дух, между тем как ухо с удовлетворением отмечает верность и благородство естественно расцветающих мощных форм. Какое богатство внутренних (душевных) и внешних (музыкально-словесных) звучаний и отзвуков — и с каким художническим целомудрием притушен этот блеск суровым спокойствием и горделивым воздержанием от вызывающих удивление и любопытство приманок, угодливых прельщений, своекорыстных умыслов!» [3].

* * *

В архиве Густава Шпета сохранились письма Юргиса Балтрушайтиса и упоминания о нем в письмах Шпета к Наталии Константиновне Шпет (урожд. Гучковой).

Общение в письмах позволило им выразить взаимное отношение друг к другу как своему собеседнику, что в реальном разговоре выска-

зять весьма затруднительно (всегда ощущается легкая фальшь). Общение между ними не прекращалось и во время длительных разлук. Письма связывали их.

31/XI 1925

Тучавы, сошлешь уловку,
 Сегодня в Калосы и - а жодой,
 Чтоб в эту очередь пою
 Твои мила не стили / борбой!

Да будем сердце к нему мило!
 Для вторых, прощания вдаль,
 Для вторых искра — во мне была
 Свои края отмерили от земли...

Едино — мы, Ами Жилим радно —
 И мы кутимся вт ели —
 И ~~восточек~~ киргизчак соблави
 Нам не замечим мубини...

Своей борной

Автограф стихотворения Ю. Балтрушайтиса

В одном из писем к невесте Шпет писал: «Да, а я сегодня получил от Балтрушайтиса его вторую книгу стихов и письмо. Между прочим, он пишет мне свое мнение обо мне... Я боюсь и стыжусь таких оценок... Я знаю, что он пишет то, что думает, но это — неправда, и мне неловко, как будто я его обманываю... Мне вот даже тебе совестно привести его слова полностью... И как-то больно, что вот человек может о тебе это думать, а ты и сотой доли не выполнишь из того, что он от тебя ожидает... Мне ему нужно отвечать, а мне стыдно... Ну, как я ему напишу, если он обо мне так думает...» [5, с. 90–91]. Письмо Балтрушайтиса к Шпету, о котором здесь идет речь, сохранилось в семейном архиве:

«23 июня 1912 года. Rothabrunnen.

Дорогой Густав — рад твоему письму. <...> Одновременно высылаю тебе "Горную тропу"¹. Не послал ее в Москве, потому что в дни выезда книжки я был уже занят сборами в поход и многим не успел распорядиться. Словом прошу взыскивать не строго.

Л. И. Шестов сообщил мне большую вещь о тебе: он глубоко восхищен твоей работой — как ее внутренним замыслом, так и формой... Мое наитие, на котором я строю мои мысли о людях, с первой же нашей встречи внушило мне *глубочайшую* человеческую веру в тебя и *героическую* надежду на тебя. Я *знал*, что ты их оправдаешь, и мне так радостно слышать шестовскую хвалу тебе. Аллилуйя! Говорю это твердо и строго, во всей присущей мне наготе. Прошу встать, милостивый Государь: *через тебя* должно совершиться новое чудо *славянского откровения*. Только не говори пока об этом никому...» [12, с. 342].

Мыслям, высказанным в этом письме, созвучны строки из стихотворения «Вифлеемская звезда» сборника «Горная тропа», посланного Шпету Балтрушайтисом в 1912 году.

Дитя судьбы, свой долг исполни,
Приемля боль, как высший дар...
И будет мысль — как пламя молний,
И будет слово — как пожар!

Лето 1915 года Шпет провел в Москве, где почти каждый день ходил к Вячеславу Иванову слушать стихи, которые очень высоко ценил. У него он встречался с Л. И. Шестовым, А. М. Ремизовым, М. О. Гершензоном. Бывали там в это время и Ю. К. Балтрушайтис, и К. Д. Бальмонт, о чем Шпет сообщает жене в одном из писем: «Был вчера у Вячеслава, там был еще Балтрушайтис и Бальмонт. Так как все читали стихи, то было интересно» [7, с. 248]. Общение обогащало всех собеседников²: формировались эстетические идеи Шпета, Вячеслав Иванов

¹ «Горная тропа» — второй сборник стихов Ю. Балтрушайтиса (последний, вышедший при жизни поэта).

² Примечательно единодушие Балтрушайтиса и Шпета в оценках литературно-философских трудов Иванова 1915 года. Шпет: «У Вячеслава был вчера. Читал мне свои новые стихи — превосходны!» [4, с. 225]. Балтрушайтис: «Как не раз говорил, — пишет он Вяч. Иванову, — в тебе установилась новая жизнь. Есть образы, есть мысли, есть слова, которые не могут быть подсказаны счастливым исступлением ума или сердца, счастливым наитием, а требуют для своего возникновения тысячи ступеней — общего перерождения по всему объему человека. И таковы твои новейшие образы, мысли и слова...» [10].

глубже понимал смысл творчества Балтрушайтиса, писавшего в то время новую книгу стихов.

Среди современных исследователей творчества Балтрушайтиса нет единого мнения о специфическом стиле его поэзии. Одни видят в нем мистика, другие приписывают его лирике отвлеченную философичность, третьи акцентируют его внутреннюю близость к символистам. Все эти попытки истолкования, бесспорно, указывают на соответствующие стороны и творчества Балтрушайтиса, и его поэтической натуры, но, фактически, не схватывают целостности его художественного стиля. На мой взгляд, наиболее экзистенциально адекватно это удалось сделать в свое время Вячеславу Иванову. «Было бы крайне ошибочно, — пишет он в 1917 году, — смешать указанную обобщенность изображения с отвлеченностью содержания. Поэзия Балтрушайтиса изобилует изречениями, выражающими общие положения; но как материал созерцателя всецело основан на живом наблюдении и внутреннем опыте, так и обработка этого материала в сознании, безусловно, свободна от рассудочности. Отсюда, при полном отсутствии бескровных абстракций и понятий-"концептов", — совершенная предметная вещественность поэтических образов» [3]. И далее: «Метод Балтрушайтиса, символиста по своему душевному складу и одного из утвердителей (с начала "Северных цветов") литературной школы, присвоившей себе это имя, — далеко не всегда метод чистого символизма» [3]. Надо полагать, что характеристика поэтического стиля Балтрушайтиса, сделанная именно Вячеславом Ивановым, была близка Шпету. И хотя Шпет не оставил в своих произведениях развернутого анализа поэтического творчества Балтрушайтиса, лишь один раз написав на полях рукописи, что у него, как и у Баратынского, доминировал «интеллектуалистический, философский тип поэзии» [14, с. 82], тем не менее его понимание поэтического творчества как такового сродни характеристике Вячеслава Иванова и может быть отнесено к поэзии Балтрушайтиса. «Прежде чем передать действительность философу, художник должен утвердить ее права на бытие в созерцании: еще нереального и уже не идеального только. Мы не знаем теперь действительности, но чтобы познавать, мы должны найти ее утверждаемую. Быть утверждаемой действительность может только в красоте, безобразное не может быть утверждаемо — если только в нем самом, как имманентное в трансцендентном, не будет открыта красота. Безобразное — существенно трансцендентно. Нужно "перевести" — *traducere ad suam intuitionem* — трансцендентное на язык внешности, чтобы узреть и уразуметь. <...> Художник не творит действительно-

сти, а только воспроизводит. В этом гарантия утверждаемой им действительности и действительности утверждаемого им. <...> Художник воспроизводит действительность уже созданную. Его утверждение относится к сущему. Как бы ни была действительность задумана и создана, созданная и существующая, она — такая, а не иная, и другой — нет. Может быть, ложная в замысле и в осуществлении, она истинна в бытии. Ее истинность — ее внешность. <...> Нужно углубление в само внешнее, по правилу Леонардо: вглядываться в пыльные или покрытые плесенью стены, в облака, в ночные контуры древесных ветвей, в тени, в изгибы и неровности поверхности любой вещи, везде — миры и миры. Глубже, глубже вглядываться в ткань покрывала, и она шевелится, она плывет, она шелестит, она выдает образ за образом. Видение требует разумения. Начинается философия, начинается логика, потому что оформливается ее исход, принимает живой облик, зажигаются блеском глаза ее первого основания: *ante hoc ergo propter hoc*. Видение — первое, значит, разумение — первое. Начинают видеть разумом: начинают видеть уши (ср. немецкое *vernehmen* — *Vernunft*) и слышать глаза» [18, с. 193—194]. И далее Шпет приводит строки из стихотворения.

«Во тьме и ужасе ночного бденья
Слух тщетно звуки силился б обнять...
<...>
Считай, считай последние мгновенья,
Душа, уставшая напрасно ждать...
<...>
Но...
...можешь радость вплесть в судьбы оковы,
<...>
Дерзай очами слушать ночи зовы!» [18, с. 194].

Автора Шпет не указывает, но мне удалось выяснить, что эти поэтические строки принадлежат ему самому. Об этом свидетельствует машинописный оригинал, найденный в его архиве. Привожу его полностью:

Ночной кошмар

Во тьме и ужасе ночного бденья
Слух тщетно звуки силился б обнять.
То — час урочного души раденья,
То — неземная весть, что смерть опять
Спешит пред блудный взор предстать
И разметать земной печали звенья.

Считай, считай последние мгновенья
Душа, уставшая напрасно ждать!..
Но если душу жжет бунт упованья,
И хочешь цепь судьбы перековать,
И можешь радость вплесть в судьбы оковы,
Тогда дерзай от смертного лобзанья
В притон незнания зла не убегать!
Дерзай глазами слушать ночи зовы!

3 сентября 1921 года, 3 часа ночи

Для выявления идейного созвучия Балтрушайтиса и Шпета поэтический опыт последнего особенно значим. Он показывает нам, что Шпет, как и Балтрушайтис, не уходит от действительности, но по-своему *выражает* ее. «Величайшая углубленность интуиций разума, — писал Шпет, осмысливая свой и чужой поэтический опыт (Баратынского, Балтрушайтиса, Тютчева), — не в том, что они якобы доставляют нас в "новый" запредельный мир, а в том, что, проникнув через все нагромождение онтических, логических, чувственных и не-чувственных форм, они прямо ставят нас перед самой реальной действительностью. Земля, на которой мы родились, и небо, под которым мы были вскормлены, — не вся земля и не все небо. Оправа, в которую нужно их вставить, меняет самое существо, смысл их, *действительность* их. Цель и оправдание нашего путешествия — в том, чтобы, вернувшись из него, принять свою действительность не детски-иллюзорно, а мужественно-реально, то есть с сознанием ответственности за жизнь и поведение в ней. Баратынский написал:

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть успеваем, —
Какой же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум?
Что? Точный смысл народной поговорки» [18, с. 242–243].

Здесь вполне могли бы стоять строки Балтрушайтиса, написанные 18 февраля 1923 года, практически одновременно с «Эстетическими фрагментами» Шпета.

Два стихотворения

I

Как трудно высказать — нежливо,
Чтоб хоть себя не обмануть —
Чем наше сердце втайне живо,
О чем, тоскуя, плачет грудь...

<...>

Чтоб точным словом, мерой верной
Того случайно не раскрыть,
Чему сокрытым лучше быть...

II

Но есть и час иной напасти,
Когда мы тщетно ищем слов,
Чтоб с тайны помыслов иль страсти
Хотя б на миг совлечь покров, —
Чтоб грудь, ослепшая от муки,
Явила в знаке, или в звуке,
Иль в скорби молчаливых слез,
Что Бог судил, что мир принес...

<...>

18 февраля 1923

Но вернемся в 1915 год. В разговорах и письмах Балтрушайтиса и Шпета была еще одна «больная» тема — Первая мировая война. На Балтрушайтиса это событие произвело сильнейшее впечатление. Он пишет Вячеславу Иванову 14 июля 1915 года: «Брожу во ржи, Вячеслав, с межи на межу, с упорной думой о роковых днях, от которых может зависеть сама судьба времени. Страшное творится, но страха нет в груди моей, как не должно быть ни в чьей... Все остальное слишком мелко и неуместно, чтобы упоминать о нем здесь» [10]. В такой обстановке его новая книга стихов продвигалась медленно, о причинах этого замедления он сообщает Иванову в другом письме: «От всего, что ныне в мире творится, изменились мои требования к творчеству. Прежде всего к моему личному. А там и ко всякому. И впредь я принужден иначе думать о человеке. Лучше и хуже» [11]. Все события, следующие за Первой мировой войной, только усиливали для Балтрушайтиса необходимость выразить свои новые требования к искусству не только в поэтическом творчестве, но и философски.

В 1918 году он пишет статью «Жертвенное искусство», которую публикует у Г. Шпета в ежегоднике «Мысль и слово». Здесь он форму-

лирует основное требование к подлинному искусству: «Вне преобразования жизни через творчество нет будущего у жизни, нет повторной зари, и весны, и времени и нет зовущих звезд нашей полуночи» [1, с. 221]. Преобразование это становится возможным только благодаря обогащению внутреннего опыта, который есть «та насущная ступень, которая вся, или почти вся пропущена в творческой заботе современного человека. Наше искусство может быть чарующе прекрасно, хотя бы создающий, как внутренняя личность, был самым праздным гулякой из гуляк, но глубина нашего искусства есть только глубина нашего внутреннего опыта и значительность, человеческая значительность, художественного произведения углубляется только по мере углубления этого опыта в самом человеческом существе художника. И в этом смысле творческий дар человека есть в то же время и драгоценный дар внутренней жизни. <...> Таково искусство в древнегреческой трагедии, таково оно у Шекспира и Данте, и во многом у Пушкина, и во многом у Достоевского, и еще больше у Тютчева, и еще больше у Скрябина» [1, с. 222–223].

Для Шпета философская позиция Балтрушайтиса была очень близка. Он так же, как и Балтрушайтис, был потрясен событиями 1917 года. И также не мог не задумываться о роли культуры в новых исторических условиях. «Россия, — пишет Шпет жене после Корниловского мятежа, — должна заняться внутренним устройением и культурой, культурой, культурой, тогда она не погибнет вовсе, даст новых людей и новый "патриотизм"» [6, с. 281]. Поэтому Шпет, как и Балтрушайтис, основную цель искусства видел в преобразении жизни через творчество. Только «жизнь» он понимал не как практический, прагматический быт отдельного индивида, но как общение людей в реальности культурно-исторического сознания, в которой только и может преобразаться человек через приобщение к искусству. «Эпохи подъема и жизненного расцвета искусства, — писал Шпет в статье «Искусство как вид знания», — эпохи наиболее высокого и твердого самосознания личности, но также непременно в ее общности и единстве с другими личностями, а не в изолированности и замкнутости индивида; вне общности личности грозит неудачничество и отщепенство, потеря личности. Культурно-творческое "лицо" — не индивид, а общность и общение — таково практическое знание, непосредственно доставляемое искусством. Его практичность состоит в том, что такое знание безмерно повышает интенсивность и полноту нашего жизненного и жизнотворчества. Если присоединить к этому то знание, которое, хотя и переводимо в объективное познание, но почерпается пре-

жде всего и преимущественно из искусства, — знание "идеалов" и жизненно-значительных образов, легко понять, как практичность контемпливативного знания, действительно, переходит в силу очищающую и преобразующую, и направляющую все культурное сознание в его не только историческом, но и космическом осуществлении. И та же практичность — в той смертной угрозе, которая, как рок, нависает над каждым, кто теряет свою изначально данную ориентацию в ней и чьи идеалы от этого лишаются питающей их почвы и рушатся, как рушатся когда-то священные, а затем профанированные идеалы: до смерти непереносимое страдание и сама смерть, наступает прекращение творчества, приносится жертва искусством, а не через искусство. Отрыв от своей культурной общности в потере чувства ее исконной личности. Вместо того чтобы до конца самосознать и утвердить себя и нас, гений совершает самоубийство и отказ от себя» [15, с. 143–144]. Этот оптимизм еще ярче звучал в его предисловии к «Очерку развития русской философии»: «В целом, если моя вера в русский ренессанс, в новую, здоровую народную интеллигенцию, в новую, если угодно, аристократию, аристократию таланта, имеет основание и если этот ренессанс принесет с собою и новую философию в той стадии развития, которую я считаю *высшею*, то наша революция в философско-культурном аспекте "сознания" должна побуждать к настроениям оптимистическим. И такой оптимизм, в моих глазах, есть здоровый оптимизм» [16, с. 44]. В начале 1920-х годов он еще верил в то, что происходящее в России революционное «обновление» станет настоящим «культурно-историческим ренессансом», поэтому писал свой «Очерк развития русской философии» с надеждой, что его будут не только критиковать за «нелюбовь» к своей родине, к России, но *услышат* те, кому он предназначал свои во многом «пророческие» исследования русского культурно-исторического сознания. Его вера — это не просто наивная житейская «доверчивость», но научная убежденность, за которой стоял его опыт жизни в философии. И в то же время он не верил. Хотя и «приходил в отчаяние», видел в *осуществлении* коммунизма «величайшую опасность для духа» [17, с. 521], но одновременно добивался, чтобы его фамилию вычеркнули из списков «философского парохода».

Неслучайна его точность в датировании предисловия «Очерка развития русской философии», из которого приведены выше «оптимистические» строки: *17 августа 1922 года*. В ночь с 16 на 17 августа из Питера отправился «философский пароход». Эту дату условно можно считать началом полного исчезновения философской сферы разгово-

ра начала XX века. И хотя до сих пор исследователи спорят о численности уехавших на этом пароходе интеллигентов, ситуация отнюдь не сводится к реальному пересчету «по головам» интеллектуалов, покинувших страну, не сводится она и к критической оценке их «подлинной интеллектуальности» и «научной полезности» каждого из них в отдельности. Страшнее другое. С высылкой «инакомыслящих» и «инакоговорящих» власть наконец получила реальную возможность установления тотального контроля над общением, приведшего к полной коммуникативной атомизации страны. «Философский пароход» увез не только людей, он вывез из страны интонационную атмосферу русской философии, при которой можно было понимать друг друга без слов, непосредственно, даже не соглашаясь со своим собеседником. В стране начались «чистки», в результате которых Шпет был полностью отстранен от науки и преподавания.

В 1930 году, когда для Шпета настали тяжелые времена, когда его окончательно отлучили от философской и преподавательской деятельности, одиночество вызывало желание уйти от повседневности, растворится в вине. Но рядом с ним оставались его друзья и единомышленники. Балтрушайтис на день рождения Шпета в 1930 году написал следующие строки:

Нетрезвому Шпету

Одна мне истина ясна:
Блажен приход земного сна
За чарой доброго вина.
Я помню на стезе былой
И я с ней был в час скорби злой,
Как путник в бурю за скалой...
Но та уже иссякла нить —
И мой удел той смутой жить,
Чей горькой доли не запить.

Юргис

Москва, 9 апреля 1930 года

Судьба Балтрушайтиса сложилась внешне более благополучно. С 1920 года он становится сначала заведующим специальной миссии, а затем чрезвычайным посланником и полномочным министром Литвы в Советской России. Но в его стихах все сильнее и сильнее звучит нота одиночества:

Твой путь бездомный не отсюда,
Один мужайся и бреди,
И обретешь рожденье чуда
В Твоей тоскующей груди
Сквозь свет, сквозь слезы в час метельный,
В скитаньи мужествуй, доколь
У грани дали беспредельной
Не станет вешним цветом боль.

* * *

Дружеские отношения между Шпетом и Балтрушайтисом не превратились после ареста и ссылки Шпета в Томск. В его семейном архиве сохранилось одно письмо, написанное Шпетом Балтрушайтису из ссылки.

«Томск.

1936 апрель 17.

Дорогой, мой милый Юргис,

Твое отношение и твое незабывание меня — величайшая для меня отрада! Как часто я думаю о тебе как о единственном, кого я встретил на своем пути, и сожалею, что недостаточно принял к той мудрости, которой проникнуто твое отношение к миру. Я знал немало хороших слов, но только теперь начинаю понимать, какие прекрасные скрываются за ними вещи; и я знал много хороших слов, мишурный блеск которых всегда мне был ясен так же, как и ничтожество, прикрываемое ими, но казалось, что от них все равно уйти нельзя и с ними нужно возиться, их нужно перебирать, чтобы среди них не задохнуться.

Высшей силе угодно было преподать мне урок, заставить разбираться в вещах и людях с тем, чтобы каждому найти его действительное, не иллюзорное место. Мне кажется, что урок дан поздно и всей пользы его назидания я не применю, но кто знает, где поставлены сроки и чем должны быть наполнены времена? <...>

Люблю тебя, почитаю тебя и не хочу расставаться с этой жизнью, не повидав и не расцеловав тебя.

Преданный тебе до последнего конца, твой Густав» [8].

Список литературы

1. Балтрушайтис Ю. К. Жертвенное искусство // Мысль и слово. Ежегодник. М., 1918 — 1921. Т. 2.
2. Белый А. Между двух революций. М., 1990.

3. *Иванов Вяч.* Юргис Балтрушайтис как лирический поэт (1917). URL: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_10.html (дата обращения: 10.03.2011).

4. *Письмо* Г.Г. Шпета к Н.К. Шпет от 8 июня 1915 года // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005.

5. *Письмо* Г.Г. Шпета к Н.К. Гучковой от 25 (12) июня 1912 года // Там же.

6. *Письмо* Г.Г. Шпета к Н.К. Гучковой от 30 августа 1917 года // Там же.

7. *Письмо* Г.Г. Шпета к Н.К. Гучковой от 4 июля 1915 года // Там же.

8. *Письмо* Г.Г. Шпета к Ю.К. Балтрушайтису от 17 апреля 1936 года // Архив семьи Шпета (Копия прислана из Парижа внуком Балтрушайтиса).

9. *Письмо* Ю.К. Балтрушайтиса к В.Я. Брюсову от 20 июня 1901 года // Балтрушайтис Ю.К. Лилия и серп: стихотворения. М., 1989.

10. *Письмо* Ю.К. Балтрушайтиса к Вяч. Иванову от 14 июля 1915 года // ОР РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 3. Л. 12.

11. *Письмо* Ю.К. Балтрушайтиса к Вяч. Иванову от 20 июля 1915 года // ОР РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 3. Л. 14.

12. *Письмо* Ю.К. Балтрушайтиса к Г.Г. Шпету от 23 июня 1912 года // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005.

13. *Турков А.М.* «Горький подвиг ожидания» // Балтрушайтис Ю.К. Лилия и серп: стихотворения. М., 1989.

14. *Шпет Г.Г.* Заметки к статье «Роман» // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007.

15. *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания (этюды). Реконструкция Т.Г. Щедриной // Там же.

16. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. М., 2008. Т. 1.

17. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М., 2009. Т. 2.

18. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007.

ИСТОКИ

Самым ярким событием и персонажем в «Повести о Фроле Скобееве» является ее язык: он несет в себе знаки определенного периода своего развития и колорит времени и характеров. Здесь идет разговор слов, создается великолепная картина словесной просемики: тут и свободное их расположение в пространстве текста, и их диалогическое напряжение, и какое-то молчаливое противостояние, и намеренное или совершенно случайное повторение слов, которое создает особый колорит разговорного языка, настоящие авантюры смыслов.

В. Трешных

Владимир Грешных
(Калининград)

АВАНТЮРНАЯ ПОВЕСТЬ: РУССКИЙ ВАРИАНТ

Эту занимательную историю называют то плутовским романом, то авантюрной повестью, то новеллой. Такая неуверенность исследователей в жанровой дефиниции повествования о Фроле Скобееве объясняется тем, что в нем совершенно произвольно, вне всяких законов и правил, отражается художественная тенденция и времени, породившей это повествование, и самого процесса жанрового поиска. «Повесть о Фроле Скобееве», по мнению ученых, была создана в конце XVII столетия, «накануне петровских реформ», в широкой же печати появилась только в 1853 году в журнале «Москвитянин». Именно после этой публикации И. С. Тургенев писал С. Т. Аксакову: «Я уверен, что вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве в первом номере Москвитянина. Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны и наивность слога трогательна» [1]. Думаю, что И. С. Тургенев очень кратко и ясно выразил суть этого повествования, почувствовал необыкновенную красоту его *рассказового* изложения событий. Действительно, самым ярким событием и персонажем в повести является ее язык: он несет в себе знаки определенного периода своего развития и колорит времени и характеров. Здесь идет *разговор слов*, создается великолепная картина словесной просемики: тут и свободное их расположение в пространстве текста, и их диалогическое напряжение, и какое-то молчаливое противостояние, и намеренное или совершенно случайное повторение слов, которое создает особый колорит разговорного языка, настоящие авантюры смыслов.

Читаем первые строки повести: «В Новгородском уезде имелся дворенинь Фроль Скобеевъ. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах». Понятно, что речь идет о Новгородском уезде как месте действия и о главных персонажах, но следует очень внимательно прочитать текст, чтоб почувствовать, как возникает по нарастающей особый разговорный ритм этой словесной вязи. А повторяющееся три раза слово (*имелся, имелись, имелась*) рождает предположения, что создатель этой повести словно вспоминает или ориентируется на какую-то повествовательную матрицу иноземного происхождения. А вот обозначение места действия (Новгородский уезд), конечно, может пониматься по-разному, иметь разное смысловое наполнение. С одной стороны, это, действительно, выражение конкретики места, а с другой — такое настойчивое повторение зарождает сомнение в том, что действие будет развиваться в Новгородском уезде.

Тут мне вспоминается антипьеса Эжена Ионеско, в которой автор, чтоб создать некую повествовательную универсалию, в ремарке несколько раз совершенно назойливо подчеркивает, что действие происходит в рамках английского интерьера, в котором все выдержано в английском духе и т.д. И получается, что Ионеско создает не конкретику места, а поистине условно-универсальную картину и места действия, и времени, и самих героев, которые говорят только потому, что надо говорить. У создателя истории о Фроле Скобееве такое повторение про Новгородский уезд является своеобразной ретардацией, на мой взгляд, совершенно стихийной, повествовательным «заиканием» (что найдет свое выражение в повествовательных экспериментах русских авангардистов начала XX века). Автор словно ищет слово, словно что-то вспоминает, создается впечатление, что он стоит на пороге истории, которую еще не совсем точно представляет.

И если уж говорить о ландшафте всей повести, его значимых точках (Новгородский уезд, Москва), то особых отличительных примет мы здесь не обнаружим. Очевидно, создателя этого произведения точность повествовательного ландшафта мало интересовала, его занимало совершенно другое. Новгородский уезд — это прежде всего, как было указано, *понятие, общее место*, универсалия обитания героев действия. А дух этого места определяется пребыванием героя-протагониста, его авантюрным поведением, в пространство которого включаются и другие герои рассказовой истории. Вовлечение в авантюрный процесс Аннушки, ее мамки, стольника Нардина-Нащокина, стольника Ловчикова и других персонажей, очевидно, возможно при условии,

что среда обитания данных героев инфицирована вирусом авантюры, он обитает в этой среде постоянно, нужен только определенный толчок, чтоб разбудить его и привести в движение. Вспомним бессмертное повествование Н. В. Гоголя о том, как почти незаметно в город N прибывает господин, который вовлекает в грандиозное авантюрное действо почти всю губернию. А спустя несколько десятилетий в русской литературе появится потрясающая по своей силе история авантюры уездного города С., куда попадает чеховский герой Дмитрий Ионович Старцев. Эта авантюра места, захватывающего в свое пространство все живое, мыслящее и при помощи событийных манипуляций превращающего живые дух и тело в страшное явление, которое диагностируется как *обыденщина*. Словом, совершенно очевидно: авантюры Фрола Скобеева не случилось, если бы тому не способствовала сама обстановка.

Конечно, Фрол Скобеев — плут, пройдоха, весьма находчивый, изворотливый в поступках человек. Его литературный прототип представляет собой своеобразный процесс, то есть этот портрет становился, кристаллизовался и развивался со временем. Корни его уходят в Античность, а такой реальной выразительности он достигает в эпоху развития европейской городской литературы, когда настоящим героем становится ловкий и изворотливый горожанин. И Фрол так же, как тот самый средневековый горожанин, не похож на рыцаря, бредящего дамой, о красоте которой наслышан, он не готов совершать ради нее благородные поступки, нет! Он четко знает, что делать: надо во что бы то ни стало увидеть Аннушку и соблазнить ее. У него откровенно прагматические задачи. И в этом смысле повесть настолько богата своими прямыми, скрытыми, предполагаемыми ассоциациями, что создается впечатление некоего художественного синтетизма, который рожден *памятью* этого жанра и его потенциалом. В повести можно обнаружить признаки авантюрных сюжетов из греческого романа. В романе Лонга о Дафнисе и Хлое изображается ситуация, которая словно прогнозирует подобную в грядущих повествованиях. Идиллическая картина просыпающегося любовного влечения молодых людей омрачается вторжением пастуха Доркона, который и постарше Дафниса был, да и любовь уже познал. Так вот, этот молодой пастух всем своим поведением буквально демонстрирует классику авантюрного действия, которое герой русской повести — в другой обстановке и в других обстоятельствах — на свой лад пытается повторить: «И, проведав Фроль Скобеев о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видеть ее». Фрол не знает, что такое мораль. В нем еще не созрел тот классический национальный код, крест кото-

рого будут нести герои А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и др. В этой повести ни о каком духовном совершенстве, духовной ценности человека нет речи. Ее стихия — действие, замешанное на обмане.

Самое, пожалуй, примечательное в раскрытии, условно говоря, моральной перспективы повести о Фроле Скобееве состоит в том, что назидательные моменты и сентенции не демонстрируются открыто, а просто *переживаются*. Они есть, но они словно растворяются в ходе действия, событиях, *погружаются* в глубину повествования. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что структура художественного повествования *эстетизируется*, она становится изящней, в ней, следовательно, нет прямолинейной назидательности.

Причем само повествование разворачивается от совершенно определенной идеи, мысли, которая не только не скрывается, а активно утверждается: Фрол — плут. И он способен на все, вплоть до того, чтобы добиться или победы, или поражения. Отправляясь в Москву, он заявляет своей сестре: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник». И вот эта мысль генерирует и события, и поступки главной героини этого повествования — Фрола Скобеева.

Конечно, здесь нет той чистой и одухотворенной любви, которую изображает безвестный автор в повести о Петре и Февронии, — здесь, напротив, все зависит от грубости, напористости, находчивости и плутовства. Ведь Фрол овладел Аннушкой силой, он, в сущности, обманул ее, и от этого обмана пошли разные события. Правда, Аннушке обман понравился, она почувствовала его вкус и по отношению к родителям стала плутовать, как и ее сожитель, Фрол Скобеев.

В. Кожин назвал «Историю о российском дворянине Фроле Скобееве» «первым русским плутовским романом», подчеркнув при этом, что повесть остается своеобразным эпизодом в истории русской литературы XVII—XVIII веков, который не свидетельствует вовсе о последующем бурном развитии романа, «это скорее предвестие романа» [2]. Разделяя общий пафос исследования известного теоретика и историка литературы, хотелось бы все-таки еще раз напомнить читателю о том, что повесть о Фроле Скобееве всем своим повествовательным смыслом свидетельствует о развитии в ней авантюрной истории. Думаю, что С. Пискунова верно отметила основные характеристические черты классического плутовского романа [3], которые вообще не угадываются в повести о Фроле Скобееве, разве только фигурацией понятия «плут». Может быть, такое повествовательное откровение и употребление данного понятия и вводит в заблуждение читателей, которые в этом про-

изведении видят доминанту жанра *плутовского* повествования? Мне представляется, что история о Фроле Скобееве являет собой прекрасный вариант авантюрного действия, природа которого кроется в глубине европейского литературного сознания и отечественного литературного и фольклорного опыта. В этом повествовании позволительно многое: и новеллу возбудить, и сказочный элемент представить, и свою особую куртуазность показать, в чем и состоит важная особенность русского варианта этой авантюрной повести.

Список литературы

1. *Покровская В. Ф.* Повесть о Фроле Скобееве (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6259> (дата обращения: 14.03.2011).
2. *Кожин В. В.* Происхождение романа. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/kozhinov-proishozhdenie-romana/plutovskoj-roman-o-frole-skobeeve.htm> (дата обращения: 14.03.2011).
3. *Пискунова С.* Плутовской роман. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/piskunova-plutovskoj-roman.htm> (дата обращения: 14.03.2011).

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ¹

*История о российскомъ новгородскомъ дворянине Фроле Скобееве,
столничней дочери Нардина-Нащокина Аннушки*

В Новгородском уезде имелся дворенинь Фроль Скобеевъ. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинахъ.

И, проведав Фроль Скобеевъ о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видить ее. Однако ж умыслил спознатся той вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме, и в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрель Фрол Скобеевъ, что та мамка живет всегда при Аннушки. И какъ пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фроль Скобеевъ вышелъ за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господинь Скобеевъ! Не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что!» И пошелъ от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о томъ не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой.

И в то время увеселительных вечеров, которые бывають в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию Святки, и та столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которыя во близости той вотчины столника Нардина-Нащокина имеет жителство и у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведаеть, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица, и приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке *пообождати* малое время: «Я схожу к братцу своему, ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и *объявим*». И какъ пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приеха-

---

¹ Печатается по изданию: *Памятники литературы Древней Руси*: XVII век. М., 1988.

ла в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однако жъ не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке.

И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убираться в девичей уборъ, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево веема о том сокрушалась, понеже что «ежели признает ево, то конечно быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки.

Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать. И стали все девицы веселитца разными играми и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Какъ, мамушка, много наших сестеръ, дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынев денех пять рублей, подарил тое мамку с великим принуждением, и те денги мамка взяла. И Фроль Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И какъ усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумне ни и не знает, с ним что делать. Однако жъ, помяну ево к себе два многия подарки: «Добро, господинъ Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покой, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитца, я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, какъ твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою». А на Фрола Скобеева показала: «Сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, какъ водится

в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела тем девицам петь грамогласныя песни, чтоб им крику от нихъ не слышать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего, и надеется, что конечно будет притчина.

И Фрол Скобеев лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фроль Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеевъ не взирая ни на какой себе страх и ростлил ея девство. По том просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб онъ не обнесъ ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна, а девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку взяла за руку и отвела от тех девиць и стала ей говорить искусно: «Что ты надо мною зделала? Эта не девица со мною была, он мужественной человекъ, дворянин Фрол Скобеев». И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая жа девица, как и протчия. А когда онъ такую безделицу учинил, ведаешь, что у насъ людей довольно, можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка сожелея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть такъ, того мне не возвратить». И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же и Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой, Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, тако ж и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиць, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублев. И Фрол Скобеев приехал в дом свой, весма рад бысть и делал банкеты и веселился с протчею своею братию дворян.

И пишет из Москвы отецъ ея, столникъ Нардин-Нащокин, в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре и поехала в Москву. Потом проведаль Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того что он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение какъ можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отпраляться в Москву, а сестра ево весма о том соболезуеть, об отлучени ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот свой утрачу, а от

Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник. Ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастье, то поминай брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву и стал на квартире близъ двора столника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшестви литурги вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И какъ вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И какъ мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрашней день пошла к обедни и взяла б с собою денегъ 200 рублей и отдала Фролу Скобееву. То учинила по воли ея.

И у того столника Нардина-Нащекина имелась сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столникъ приехал к сестре своей в монастыре, и сестра ево стретила по чести, брата своего. И столникъ Нардин-Нащекинъ у сестры своей был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб онъ отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столникъ Нардинъ-Нащекинъ обещал к ней отпустить. И просила ево: «Когда и в небытность твою дома пришлю я по ея корету и возников, чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошгла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, какъ можно, выпросил корету и с возниками и приехал сам к ней и сказался, бутто от сестры столника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И какъ услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, какъ кого обмануть, для того что ево многия знатныя персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябида, ходотайствуетъ за приказными делами. И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добръ столник Ловчиков. И пошел х тому столнику Ловчикову, и тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками.

И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру и того кучера поил весма пьяна, а сам убрався в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал

ко столнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрела та Аннушкина мамка, что приехалъ Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей, якобы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралась, и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева.

И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучеръ Ловчикова не в таком сыльном пьянстве, и напоя ево весьма жестока пьяна, и положил ево в карету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныхов и с коретою на дворъ. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныхки, а кучеръ лежит в корете жестоко пьян, пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучеръ пьян в корете, а кто их на дворъ привел, не знаем». И Ловчиков корету и возныхов велел убраться и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И наутре стал спрашивать Ловчиковъ того кучера, где он был со Фроломъ Скобеевым, и кучеръ сказал ему: «Толко помню, какъ приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардинъ-Нащокинъ приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки, то мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала корету и возныхков». И столникъ Нардин-Нащокинъ сказал: «Изрядно!»

И столникъ Нардин-Нащокин долгое время не бывалъ у сестры своей и надеется, что дочь ево в монастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столникъ Нардин-Нащокинъ поехал в монастырь к сестре своей, долгое время и не видит дочери своей, и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братецъ, издиватся! Что мне делать, когда я несчастна моим прощением к тебе? Просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтобъ послать по нея». И столникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ сестре своей: «Какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяцъ, для того что ты присылала по нея корету и с возныхками, а я в то время был в гостяхъ и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никакъ я, братецъ, возныхов и кореты не посылала, никогда и Аннушка у меня не бывала!» И столникъ Нардинъ-Нащокинъ весьма сожелелъ о дочери своей, горко плакалъ, что безвестно пропала дочь ево. И приехалъ в домъ, сказалъ жене своей, что Аннушка прапала, и сказалъ, что у сестры в монастыре нет. И сталъ мамку спрашивать, кто приезжалъ с возныхками и с коретою кучеръ. И сказала, что «из Девичьева монастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о томъ столникъ и з женою веема соблезновали и плакали горко.

И наутре столникъ Нащокинъ поехал к государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь. И государь велель учинить публику о ево столничей дочери: «Ежели ея кто содержит тайно, чтоб объявили! Ежели кто ея не объявит, а после обыщется, то смертию казненъ будеть!» И Фроль Скобеевъ, слышав публикацию, не ведаеть, что дѣлать. И умыслил Фроль Скобеевъ, чтоб итить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиковъ весьма к нему добръ. И пришелъ Фрол Скобеевъ к Ловчикову, имел с ним много разговоров, и столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобеева: «Что, господинъ Скобеевъ, женился ли?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». — «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господинъ Скобеев, живи уже постоянно отстанъ за ябидою ходить, живи в отчине своей, лутче здравию».

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчика, чтоб он — былъ предстателем ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся!» И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардкна-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И столникъ Ловчиков сказал: «Какъ ты зделал, такъ сам и ответствуй!» И Фрол Скобеев сказалъ: «Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево: мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал. Ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящей ты плут, что ты надо мною зделал? Добро, какъ могу, буду предстателствовать!» И сказал ему, чтоб завтрешней день пришел в Успенской собор: «И столникъ Нардин-Нащокин будет у обедни, и я с ним буду. И после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери. А я, какъ могу, о том буду предстателствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни, и столникъ Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники все были. И по отшествии литурги в то время в собрани на Ивановской площади против Ивана Великого, и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что имъ надобно. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ болше соболезна и разсуждая о дочери своей, и столникъ Ловчиковъ разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришелъ Фрол Скобеевъ и отдал всем столникам, какъ по обычаю, поклонъ. И все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех столников пать пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину и просит прощения: «Милостивой государь, столникъ первы! Отпусти виновнаго, яко раба, которой возымель пред вами дерзновение». И столник летами древень, однако жъ еще усмотреть могъ, натуральною кляш-

кою подымаетъ Фрола Скобеева и спрашиваетъ его: «Кто ты таковъ, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти!» И столникъ Ловчиковъ подшел к Нардину-Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворедин Фрол Скобеев». И столникъ Нардинъ-Нащокинъ закричалъ: «Встанъ, плут! Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе, а когда несносно, как хочешъ. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встанъ, скажи, что твоя вина!»

И Фрол Скобеев встал от ногъ его и объявил ему, что дочь его Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекинъ услышалъ от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделать? Ведаешъ ты о себе, кто ты таков? Нетъ тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о твоей плутской ко мне обиде!» И вторително пришелъ к нему столникъ Ловчиков и стал его разговаривать, чтоб онъ вскоре не возымел доклада к государю: «Изволишъ съездить домой и объявить о семь сожителнице своей и посоветуй обще! Какъ к лутчему уже быть, такъ того времени не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуда не может скрытца». И столникъ Нардин-Нащокинъ совету столника Ловчикова послушал и не пошел к государю, и сел в корету, и поехалъ в домъ свой. А Фроль Скобеев пошелъ на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будетъ намъ с тобою, не ведаю! Я объявить о тебе отцу твоему!»

И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приехал в дом свой и пошелъ в покои, жестоко плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешъ, я нашелъ Аннушку!» И жена его спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказалъ жене своей: «Вор-от, плут и ябедникъ Фроль Скобеев женился на ней!» Жена его услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранят дочь свою и проклинают и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека и сказать, где он, плут, живет, и проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали человека своего, и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человекъ искать квартиру Фрола Скобеева на дворъ. И усмотрил Скобеев, что от тестя его пришелъ человекъ, и велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человекъ вошелъ в покои и отдалъ, какъ по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человекъ и каку нужду имеешъ ко мне?» И человекъ тот сказал, что

онъ присланъ от столника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мой другъ, какое здравье! Таков-та родительской гневъ: видишь, они заочно бранят и кленуть, и оттого она при смерти лежит. Донеси ихъ милости: хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человекъ тот отдал им поклон и пошел от них.

И пришелъ к господину своему, столнику Нащокину. И спросил ево: «Что, нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человекъ тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива «и требует от вас хотя словесно заочно благословение». И столникъ и з женою своею соболезнавали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже такъ богъ судил. Надобно, другъ мой, послать к ним образъ и благословить их, хотя заочно. А когда сердце наше умилиститца к ним, то можем и сами видится». Сняли с стены образъ, которой обложен был золотом и драгим камением, како прикладу всего на 500 рублей, и послали с тем человеком и приказали сказать, чтоб она сему образу молилась, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб онъ ево не проматаль».

И человекъ приняв образъ и пошелъ на дворъ Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришедъ тот же человекъ, сказалъ жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала и села вместе со Фролом Скобеевым. И человекъ тот вошелъ в покои и отдает образъ Фролу Скобееву. Приняв образъ, поставил, где надлежит, и сказалъ тому человеку: «Таково-то родительское благословение: и заочно намерены благословить, и богъ дать, Аннушке лехче, слава богу, здрава!» И сказалъ Фроль Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость». И человекъ пришел к господину своему и объявил об отдани образа и о здравии Аннушки, и о благодарени их, и пошелъ в показанное свое место.

И столникъ Нардинъ-Нащокинъ сталъ разсуждать и сожелеть о дочери своей, и говорил жене своей: «Какъ, другъ, быть? Конечно плут заморить Аннушку: чем ея кормить, и сам, какъ собака, голодень. Надобно послать какова запасу на 6 лошедях». И послали запасъ и при том запасе реэстръ. И Фрол Скобеевъ не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место, и приказалъ тем людям за их родительския милости благодарить. Уже Фроль Скобеевъ живеть роскошно и ездит везде по знатным персонам. И весма Скобееву удивлялись, что онъ зделать такую притчину так смело.

И уже чрезъ долгое время обратились сердцем и соболезнавали о дочери своей, тако ж и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним и просить ихъ, чтоб Фроль Скобеев и з женою своею, а съ ихъ дочерью, приехал к столнику Нардину-Нащокину кушать. И при-

шелъ присланной человекъ и стал просить Фрола Скобеева, чтоб онъ изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказалъ человеку: «Донеси батюшку: готовъ быть сей день къ их милости!»

И Фроль Скобеевъ убрался з женою своею Аннушкою и поехалъ в дом тестя своего, столника Нащокина. И какъ приехать в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему и пала пред ногами родителей своих. Усмотрилъ Нащокинъ дочь свою и з женою своею и стали ея бранить, наказывать гневом своим родительским. И, смотря на нея, жестоко плакали, какъ она такъ учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весь свой гневъ родительской, отпустя ей вину, и приказаль сестъ с собою. А Фролу Скобееву сказали: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же. Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?» И Фрол Скобеев сказалъ: «Ну, государь-батюшка, уже тому такъ богъ судил!» И сели все вместе кушать. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приказаль людем своим, чтоб никого в дом постороннихъ не пуцали: «Ежели кто приедет и станет спрашивать, что дома ли столникъ Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видить столника нашего, для того зъ зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает».

И по окончании стола столникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашиваль: «Ну, плуть, чем станешь жить?» — «Изволишь ты ведать обо мне: более нечим, что ходить за приказным деламъ». — «Перестанъ, плут, ходить за ябедою! И имения имеется, вотчина моя, в Синбирском уезде, которая по переписи состоит въ 300-х сот дворех. Справъ, плут, за собою и живи постоянно» И Фрол Скобеев отдалъ поклонъ и з женою своею Аннушкой и пренося пред ним благодарение. «Ну, плуть, не кланейся, поди сам справляй за себя!» И сидев немного время и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столникъ Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?» — «Известенъ, государь-батюшка, какия у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продавай! Возми денегъ, я дамъ». И приказаль дать 300 рублей, и Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру.

И со временем справил тое вотчину за себя. И пожив столникъ Нардин-Нащокин немного время и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимомъ и недвижимом имени. И сталь жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столникъ Нардин-Нащокинъ умре и з женою своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего сестру свою родную отдалъ за некоторого столничьева сына, а которая при них имелась мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея. Сей истории конецъ.

**РУССКИЕ
В КЁНИГСБЕРГЕ**

Чтобы знать Россию, самые сокровенные волокна ее внутренней жизни, нужно знать духовную и религиозную жизнь Москвы в ее благороднейших и чистых проявлениях, особенно ближайшего нам времени — XIX века, столетия, которое являет собой высший цвет русской духовной культуры.

А. Лысков

*Анатолий Лысков
(Калининград)*

ДОМ ПРОФЕССОРА Н. А. АРСЕНЬЕВА¹

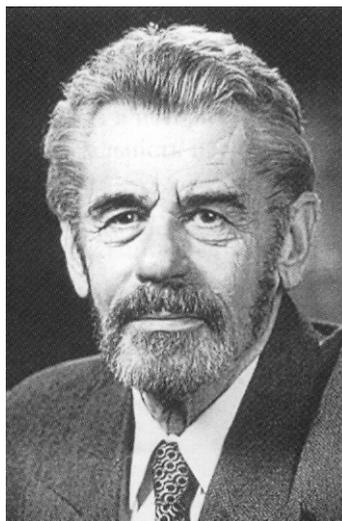

Мать Екатерина Васильевна

Вспоминая годы своего детства и юности, Н.С. Арсеньев пишет, что, пожалуй, духовную атмосферу в их семье формировала мать Екатерина Васильевна Арсеньева (урожд. Шеншина).

Екатерина Васильевна Арсеньева была дочерью камер-юнкера и помещика Василия Владимировича Шеншина и Анны Ивановны (урожденной Шаблыкиной). Через год после рождения дочери отец умер. Мать осталась двадцатилетней вдовой с тремя детьми и, по настоянию своей свекрови, вскоре вышла второй раз замуж за князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского. Екатерина и ее братья остались воспитываться у своей бабушки, Анны Николаевны Шеншиной, урожденной Ермоловой (она была двоюродной сестрой героя 1812 года и покорителя Кавказа, знаменитого А.П. Ермолова). Потеряв через некоторое время после своего переезда из деревни в Петербург свою бабушку, она в возрасте 17 лет переехала жить к своей матери — княгине Анне Ивановне Лобановой-Ростовской... «В Лобановском доме пришлось сразу выступить в роли старшей сестры: она была советником и другом, а иногда как бы духовным руководителем своих сестер и братьев, особенно более близких к ней по возрасту (в особенности Ольги Николаевны Лобановой-Ростовской, позднее леди Эджертон)» [1, с. 78].

Екатерина Васильевна вышла замуж за Сергея Васильевича Арсеньева, начинающего молодого дипломата, служившего тогда на Балканах.

---

¹ Продолжение. Начало см.: Слово. ру: балтийский акцент. 2010. № 1—2.

И еще одно интересное замечание о матери:

...Она и детям своим запрещала распущенность в привычках, в укладе жизни. В ней было огромное чувство нравственной дисциплины, которая проявлялась и во внешних мелочах... и детей своих с детства приучала к дисциплине тела и духа, к скромности, к уважению к старшим, к уважению личности другого. Всякие остатки «крепостнических» замашек — пренебрежение, грубость с прислугой — она беспощадно преследовала в них. «Кто ты такой сам? Ты только клоп и больше ничего», — вот что она им говорила, когда проявлялись у них иногда замашки «барства», пренебрежения к людям [1, с. 78].

С раннего детства она обучила сына английскому, французскому и немецкому языкам, привила вкус к очень широкому кругу чтения: Библия и «Добротолюбие», подлинники сочинений Гёте, Гейне, Расина и Мольера, святоотеческие тексты Исаака Сирина, Макария Египетского, Св. Франциска Ассизского и др.

Екатерина Васильевна провела с мужем 35 лет за границей, сопровождая его из страны в страну. Дом родителей в разных странах, где им пришлось жить и работать, был как бы «живым уголком России».

Из воспоминаний Н. С. Арсеньева: «Очень интересовалась она политикой — русской внешней политикой, славянским вопросом, а позднее, в эпоху большевизма, она всеми силами души желала освобождения России и низвержения большевиков, все ждала и спрашивала: "Скоро ли? Скоро ли?"» [Там же, с. 76].

«Ее кончина — 80 лет от роду — 13 (26) августа 1938 года, была поистине высокохристианской. *Уверенностью* в Высшей Жизни, уверенностью, что не может и не должно быть окончательной разлуки, радостным чувством неугасимой любви и незабываемым, просветляющим душу примером для близких и дальних веет от ее смерти и от ее жизни» [Там же, с. 80].

«Одним из величайших даров, полученных мною в жизни, — пишет Н. С. Арсеньев, — было то, что я в течение долгого времени был свидетелем живых примеров христианской праведности... это было горение перед Богом... покоряющее любовью, безмерным, самозабвенным *служением любви...*» [Там же, с. 130. Курсив наш. — А. Л.].

Генеалог Василий Сергеевич Арсеньев

Старший брат Н. С. Арсеньева Василий Сергеевич (1883–1947) — уже тогда известный генеалог, собиратель исторических документов (составил генеалогический труд «Арсеньевы. Род дворян Арсеньевых,

1389–1901 годы», Тула, 1903). Образование получил в Царскосельском лицее и Московском университете. Служил в Главном архиве Министерства иностранных дел. В свое время он был председателем Тульской губернской ученой архивной комиссии (с 1913 года), а в 1915–1917 годах – псковским вице-губернатором. Василий Сергеевич являлся также членом Русского генеалогического общества, Историкородословного общества в Москве, Русского географического общества. Автор ряда исторических публикаций и работ по генеалогии.

Заметим кстати, что книга В. С. Арсеньева «Воспоминания и дневник» была издана в 2005 году Санкт-Петербургским издательством им. Н. И. Новикова. В аннотации к изданию говорится, что среди многочисленных дневников и воспоминаний, затрагивающих различные стороны российской жизни XVIII–XX столетий, очень мало мемуаров, в которых рассказывалось о масонстве России. «Тем ценнее впервые публикуемые в этой книге воспоминания В. С. Арсеньева, ярко раскрывающие место масонства в культуре и быте дворянской семьи, в частности тайную жизнь масонства в условиях его запрета» [7].

В 1936 году Василий Сергеевич Арсеньев издал труд «Русские погребения в Восточной Пруссии». Он опубликован во втором выпуске историко-генеалогического журнала «Новик». Работа, начатая В. С. Арсеньевым, продолжается современными исследователями.

Вскоре В. С. Арсеньев наладил контакты с известным Эриком Николаевичем Амбургером, который являлся лучшим знатоком истории и генеалогии немцев в России. Он родился в Санкт-Петербурге в 1907 году, в семье врача Николая-Александра Амбургера и его супруги Герды, урожденной Шотлендер.

Амбургеры поселились в России еще в 1770 году. Однородный состав предков – а немцы Амбургеры были купцами в Петербурге и Архангельске – нарушали две бабушки. Бабушка по матери – Иоганна Габриэла фон Герздорф – принадлежала к привилегированному лифляндскому рыцарству. А бабушкой по линии отца была дочь кёнигсбергского еврея Клара Маллисон.

После смерти отца в 1920 году Амбургеры выехали в Германию. К 1933 году Эрик Амбургер стал доктором философии. Его диссертация «Россия и Швеция, 1762–1772: Екатерина Вторая, Шведская конституция и "Покой Севера"» вышла вскоре после прихода к власти гитлеровцев (изд. в 1934 году) и была высоко оценена историками. Но самому автору как на четверть еврею путь в научные учреждения и на государственную службу был заказан.

Молодому историку очень помог брат его бабушки хлопкоторговец Эрнст Маллисон (1855–1943). На средства, которые тот присылал из Египта, Э. Амбургер объездил пол-Европы: Австрию, Францию,

Италию, Финляндию, Швецию, Данию, Эстонию и Латвию. Везде работал в архивах, занимаясь сбором биографических и генеалогических сведений о российских немцах — купцах, дворянах, ученых, инженерах и кораблестроителях. До конца своей жизни (Э. Амбургер умер в 2001 году) поддерживал широкую корреспондентскую связь с российскими учеными-историками и исследователями, которые по праву называют его «дедушкой генеалогии».

Сотрудничество с Э. Амбургером Василий Сергеевич Арсеньев продолжил в Берлине, куда переехал в конце 1930-х годов.

Письменные памятники переживаний

«Есть — и немало их, — пишет Н. С. Арсеньев в одной из своих книг, — красноречивых письменных памятников переживаний того времени, особенно 20-х и 30-х годов...» [Там же, с. 336]. В сноске он называет эти книги: Russinow A. Die grosse Täuschung. Verlag Hellmuht Wollermann. Berlin; Steglitz, 1936—1937; Russinow A. Auf der Suche nach Russland (Sovjetrussland und das wahre Russland). Hesse und Becker Verlag. Leipzig, 1939; Anzerowa A. Aus dem Lande der Stummen. Bergstadtverlag Breslau, 1936 («Из страны безмолвия». — А.Л.); Anzerowa A. Am weissen Meere. Verlag Ferd. Schoenlgh; Paderborn, 1938. («В белом море». — А.Л.).

События, о которых рассказывается в этих книгах, происходили в 1920—1930-х годах в Архангельске, удивительном северном крае, который в то время был одним из главных ссыльных центров страны. Именно там авторы встретили множество своих будущих героев, сосланных священников, раскулаченных, дворянских детей. С некоторыми из них, представителями лучших дворянских родов России, профессорами старой школы, писателями, они были знакомы лично и даже дружили, а оказавшись за границей, непрерывно возвращались мысленно к людям, встречами с которыми одарила его судьба. «К сожалению, — продолжает Н. С. Арсеньев, — эти книги полностью распроданы (имеются лишь в некоторых больших центральных библиотеках) и никогда не были изданы на русском языке. Они рисуют ужасы советских тюрем, тюремных этапов и концентрационных лагерей, но и жизнь русской верующей семьи на фоне этих гонений и проникающие ее духовные силы, а также и другие оазисы несокрушимой силы духа в Советском Союзе. Имена обоих авторов — Андрей Русинов и Александра Анзерова — литературные псевдонимы. Фамилия Анзерова заимствована у одного из скитов Соловецкого монастыря. Настоящие имена авторов: Евгений Гагарин и Анна Арсеньева» [1, с. 336—337].

Евгений Андреевич Гагарин

О Евгении Андреевиче Гагарине (1905–1948) следует сказать отдельно. Он стал одним из немногих, кому удалось выехать из страны во времена самого разгара сталинского террора (и случилось это благодаря женитьбе на Вере Сергеевне Арсеньевой, отбывавшей ссылку в Архангельске). В 1933 году настойчивость Н. С. Арсеньева и хлопоты английских родственников, занимавших ответственные посты в английском парламенте, увенчались успехом.

Брошюра о положении в России «Путь на Голгофу» («Россия на Голгофе») вышла на семи языках. Евгений Гагарин (подобно Владимиру Набокову) писал на двух языках.

Первая его книга *“Die grosse Täuschung”* («Великий обман»), вышедшая в 1936 году в Германии на немецком языке, была о разрушении старой, патриархальной России, о переломе огромной страны, о переселении многих тысяч раскулаченных крестьян, высланных из южных районов Советского Союза в северные леса. «Великий обман» и «В поисках России» — его две наиболее известные за рубежом книги — до сих пор не переведены с немецкого, и потому русского варианта этих ранних работ не имеется. Славу среди уцелевших после Второй мировой войны российских эмигрантов Гагарину принес роман «Возвращение корнета», увидевший свет в Нью-Йорке. Книга была посвящена трагической судьбе молодого человека из дворянской семьи и его скитаниям во время Великой Отечественной войны.

Зарубежные ценители русской литературы отмечают, что, как это ни странно, Евгений Гагарин — мастер крепкой, классической русской прозы, которому удалось тонко поведать о трагедии лучших людей любимой им страны, писатель, умевший в лучших тургеневских традициях передать то неуловимое состояние души, когда человек сливается с окружающей его природой — лесом или полем, художник слова, которым восхищались многие известные всему миру люди, — совершенно неизвестен в новой России.

На родину его имя стало возвращаться лишь в конце прошлого века. У нас в России впервые в 1991 году роман «Возвращение корнета» и повесть «Поездка на святки» опубликовал журнал «Слово». Журнал «Север» через год печатает рассказ «Белые ночи». В 1997 году журнал «Новая Россия» публикует роман «Звезда в ночи». В 2002 году в журнале «Новая юность» были напечатаны повести «Советский принц», «Корова».

Судьба писателя трагична. Обстоятельства его гибели до конца не ясны. Пока только известно, что Евгений Андреевич Гагарин 19 октября 1948 года был сбит грузовым автомобилем и утром 20 октября скончался, не приходя в сознание, в госпитале Мюнхена в Германии.

«Путь на Голгофу»

В России оставались близкие Н. С. Арсеньева, его дяди — священнослужители Иван (Иоанн) Васильевич (1862—1936) и Николай Васильевич (1867—1940) Арсеньевы.

В наступившие тяжелые времена для церкви долг пастырей не позволял им оставить в беде свою паству. Оба остались на родине, совершив свой собственный «путь на Голгофу».

Пятнадцатого января 1918 года пятым настоятелем храма Христа Спасителя был назначен Иоанн Васильевич Арсеньев.

В 1884 году он закончил Московскую духовную семинарию, а в 1889-м — Московскую духовную академию и назначен в Вифанскую семинарию на должность преподавателя гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей и там же временно преподавал историю русского раскола. В 1892—1894 годах он был учителем Московского учительского института, а с 1894-го — преподавателем Московского екатерининского института. В 1898 году защитил магистерскую диссертацию, в 1914-м — докторскую.

В 1922 году на церковь обрушились тяжелые испытания. Под предлогом помощи голодающим проводилось насильственное изъятие церковного имущества, в том числе священных сосудов, икон и других святынь. В храме Христа Спасителя был организован сбор средств для помощи голодающим. В то же время предпринимались усилия для того, чтобы сохранить его святыни.

Иоанн Васильевич Арсеньев 3 апреля 1922 года был арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Он остался в живых благодаря активной деятельности организации «Помощь политическим заключенным» (разновидности названия: «Помполит», «Политпомощь»)¹, возглавляемой Екатериной Павловной Пешковой (первой женой М. Горького).

Внучка Пешковой — Марфа Максимовна — вспоминает: «Когда Ягода спросил бабушку: «Когда же вы закроете вашу лавочку?», она ответила: «Через день после того, как вы закроете свою». Черный юмор истории заключался в том, что ГПУ неожиданно было ликвидировано раньше, чем «Помполит». Однако и после закрытия «Полит-

---

¹ Организация «правозаступников» — так называли себя первые российские «правозащитники».

помощи» Пешковой удавалось невероятное: требовать у Берии смягчения участи некоторых своих подопечных [4].

В январе 1924 года И. В. Арсеньев был выслан в Тверь и лишен избирательных прав. Скончался 8 сентября 1936 года и был похоронен на Даниловском кладбище.

Двадцать седьмого ноября 1922 года в Москве открылся громкий процесс против духовенства и мирян, которых обвиняли в том, что они будто бы «пытались удержать в своих руках церковные богатства и на почве голода свалить советскую власть». На судилище было привлечено 105 священнослужителей и мирян. Среди обвиняемых были протоиерей Сергей Успенский, настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Николай Арсеньев, ключарь храма протоиерей Александр Хотовицкий, священник храма Илия Громогласов, смотритель храма Лев Анохин, настоятель церкви Иоанна Воина протоиерей Симеон Голубев.

Административно-политические акции против церкви с еще большим ожесточением продолжались и в последующие годы. Каждый год закрывалось по несколько тысяч, а в одном только 1937 году — 8 тысяч церквей. В 1937-м аресты охватили подавляющую часть духовенства. Арестованным предъявлялись самые фантастические обвинения: в заговорах, шпионаже, саботаже, терроре. Значительная часть обвинительного заключения касалась деятельности клириков и прихожан храма Христа Спасителя, где говорилось о том, что главными организаторами и руководителями этой преступной деятельности явились в этом районе председатель совета общин священник Хотовицкий, настоятель храма священник Арсеньев.

Зловеще знаменитый впоследствии прокурор А. Я. Вышинский просил суд приговорить к смертной казни 13 обвиняемых и среди них протоиереев Николая Арсеньева, Александра Хотовицкого, Сергея Успенского, священника Илию Громогласова, игуменью Новодевичьего монастыря Веру (Побединскую), Л. Е. Анохина. Других Вышинский просил осудить на разные сроки тюремного заключения.

После обвинения его в шпионской деятельности о. Николай написал: «Получение мной из-за границы, из Германии, от своего племянника, живущего в Кёнигсберге, профессора Кёнигсбергского университета Николая Сергеевича Арсеньева почтовых посылок обусловливается существующими международными договорами и действующим советским законодательством. На этом законном основании каждый гражданин СССР имеет право получать из-за границы посылки. Невероятно, чтобы такому гражданину, получающему заграничные посылки по установленным правительством правилам, могло быть предъявлено обвинение в каком-либо шпионстве» [2].

Протоиерей Николай Арсеньев обратился в Народный суд Серпуховского района с заявлением: «Пред лицом народного суда и всех людей, во Христа крестившихся и от веры в Него отрекшихся, объявляю и исповедую, что я верую, что Христос есть истинный Бог наш, нас ради человеков и нашего спасения от грехов и вечной смерти во-человечившийся, пострадавший и распятый на Кресте, умерший Своею человеческою плотию, воскресший из мертвых, заявляю суду, что я верую во Христа, уповаю на Него, люблю Его, служу Ему и готов ради Него быть гонимым и униженным и осужденным на заключение в тюрьме и умереть за Имя Господа Иисуса» [2].

Иван Шмелев

На протяжении многих лет Николай Сергеевич Арсеньев прививал любовь к русской литературе поколениям иностранцев — студентов Кёнигсбергского университета, читая им специальный курс, который явился основой для его книги “Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen” (1929). Небезынтересен и тот факт, что под руководством Н. С. Арсеньева в 1937 году была написана и защищена первая в Кёнигсбергском университете докторская диссертация, посвященная творчеству известного русского писателя Ивана Шмелева. Автором диссертации является М. Ашенбреннер (M. Aschenbrenner), он же — автор книги “Iwan Schmelew” [6].

Особо теплые, дружеские отношения связывали Н. С. Арсеньева с И. С. Шмелевым и И. А. Ильиным. Да и политические позиции ставили их в один ряд на правом фланге русской эмиграции.

Наиболее глубокое и тонкое прочтение И. С. Шмелева дал ценитель его таланта И. А. Ильин: «Шмелев прежде всего русский поэт по строению своего художественного акта, своего содержания, своего творчества. В то же время он — певец России, изобразитель русского исторического, сложившегося душевного и духовного уклада, и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его подъеме, в его силе и слабости, в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве»; в его образах «раскрывается та художественно-предметная глубина, которая открывала Шмелеву доступ почти во все национальные литературы...» (Цит. по: [3, с. 717]). Характеристика Ильина относится прежде всего к роману «Лето Господне».

Все творчество Ивана Сергеевича Шмелева пронизано чувством утраты родины и светом воспоминаний. Фиксируя в настоящем России одичание человека, торжество варварства и низости, он видел залог в ее прошлом, в православии.

Жизнь готовила И. С. Шмелеву тяжелое испытание. После недолгой болезни 22 июля 1936 года умирает жена писателя — Ольга Александровна, как никто понимавшая его. Она скончалась внезапно, от сердечного приступа. Перед этим Шмелевы намеревались посетить Псково-Печерский монастырь, куда эмигранты в то время ездили не только в паломничество, но и для того, чтобы ощутить русский дух. Монастырь находился на территории Эстонии, граничащей с бывшей Родиной. В том же 1936 году, чтобы хоть как-то отвлечь писателя от мрачных мыслей, друзья (в том числе, предположительно, и Арсеньев с Ильиным) организовали ему поездку в Латвию и Эстонию, во время которой он побывал и в Псково-Печерском монастыре, постоял у советской границы. Протянув руку через проволоку ограждений, он сорвал несколько цветов. Здесь нашел он родную и древнюю Русь: те же деревеньки, те же голоса, тот же благовест... И потому эта поездка запомнилась писателю особенно.

Иван Сергеевич Шмелев скончался от сердечного приступа 24 июня 1950 года.

“Das heilige Moskau”

Обращаясь к кёнигсбергскому периоду жизни и творчества Н. С. Арсеньева, следует особо подчеркнуть его деятельность как историка литературы и русской культуры XVIII—XIX и начала XX века. В этом плане, несомненно, заслуживает особого внимания книга “Das heilige Moskau”.

“Das heilige Moskau” («Святая Москва») выходит в свет в самый канун войны, в 1940 году (книга, первоначально изданная на немецком, а затем переведенная на французский язык; перевода на русский нет).

Работа Н. С. Арсеньева посвящена истории духовной культуры России. Это своеобразный авторский дар читателю. Книга содержит живое описание Москвы как пульсирующего центра российской национальной жизни и сознания; интенсивной религиозной жизни древней столицы, не только ее духовной культуры, ее традиционных художественных форм, проявляющихся в архитектуре, живописи и литургической эстетике, а также в лицах российских философов, богословов и других творцов культуры, оставивших неизгладимый след в истории города; наконец, просто тех, кто с их бесспорной моральной красотой являлся во многих случаях скромным украшением московского общества. Отдельные главы книги посвящены Ивану Киреевскому, Алексею Хомякову, а также духовной жизни второй половины XIX — начала XX века (Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, братья Трубецкие, московские религиозно-философские общества и кружки).

Работа обращена к немецкому читателю (и к немецким студентам, которые изучали русскую культуру в Кёнигсбергском университете). Немец, чувствуя себя глубоко укорененным в своей любимой Германии, пишет Н. С. Арсеньев, должен и в состоянии хорошо понять подъем русского народного самосознания. Чтобы знать народ, нужно знать его сердце. На протяжении многих столетий Москва всегда и была духовным (а раньше, до Петра I, и политическим) центром России, ее сердцем. Чтобы знать Россию, самые сокровенные волокна ее внутренней жизни, нужно знать духовную и религиозную жизнь Москвы в ее благороднейших и чистых проявлениях, особенно ближайшего нам времени – XIX века, столетия, которое являет высший расцвет русской духовной культуры.

«Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» И не напоминая ли, не предупреждением ли надменным иноземным завоевателям с наполеоновскими планами звучат приводимые Н. С. Арсеньевым знаменитые пушкинские строки?!

...напрасно ждал Наполеон,
последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
с ключами старого Кремля:
нет, не пошла Москва моя
к нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
она готовила пожар
нетерпеливому герою... [5, с. 307].

Список литературы

1. *Арсеньев Н. С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт н/М, 1974.
2. *ГА РФ.* Ф. 10035. Д. П-53030.
3. *Русское зарубежье.* Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
4. *Политический журнал.* 2005. № 29 (80).
5. *Пушкин А. С.* Соч.: в 3 т. М., 1986. Т. 2.
6. *Aschenbrenner M.* Iwan Schmelew // *Schriften der Albertus Universitat. Konigsberg; Berlin, 1937.*
7. *Арсеньев Н. С.* Воспоминания и дневник. СПб., 2005.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Выступая против религиозного догматизма и фанатизма, огонь которого, по его словам, поглощает «любое еретическое отступничество от истинной веры», Херлинг-Грузиньский все же считал себя христианским по духу писателем: христианство для него прежде всего сопряжено с подвижнической стойкостью первых христиан, их непоколебимой готовностью принять «муку за веру».

А. Мальцев

Молва гласит, что незадолго перед смертью Авраам назвал Знаком Веры незаживающий обруч на шее Исаака. Оба эти знака постепенно во-брали в себя мир. И стал таким, каков он есть.

Г. Херлинг-Грузиньский

*Леонид Мальцев
(Калининград)*

ПРИТЧА О СТРАДАЮЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Тушав Херлинг-Грудзинский (1919–2000) – один из мастеров польской прозы XX века, автор книги «Иной мир. Советские записки», изданной в английском переводе в 1951-м, в польском оригинале в 1953-м, а в русском переводе – в 1991 году [1]. Один из учредителей и многолетних сотрудников польского эмигрантского журнала «Культура» (1947–2000), который бесменно возглавлял Ежи Гедройц.

Херлинг-Грудзинский несколько раз оставлял перо с тем, чтобы спустя годы «дебютировать» в новом качестве. Его дебют как критика и эссеиста состоялся в 1935 году. Карьера литератора временно оборвалась в марте 1940-го, когда будущий автор «Иного мира» был арестован органами НКВД Гродненской области и отправлен этапом через Витебск и Ленинград в трудовой лагерь Ерцево Архангельской области. За полутора годами заключения и освобождения на основании польско-советского союзнического договора Сикорского – Майского последовали странствия будущего писателя по СССР, поход в составе корпуса генерала Владислава Андерса через Иран, Ирак и Палестину в Италию. За мужество в битве под Монте-Кассино Херлинг-Грудзинский был награжден орденом Виртути Милитари. В 1945 году писатель принимает решение остаться в эмиграции, где выходит его книга литературно-критических очерков «Живые и мертвые» (1949). В 1953 году совершает самоубийство первая жена писателя Кристина Херлинг-Грудзинская (девичья фамилия Доманьская), после чего для него наступает полоса тяжелейшего кризиса. В 1955 году он женится на Лидии Кроче, дочери всемирно известного философа, и до своей кончины живет в Неаполе, издавая с 1971 года на страницах парижского журнала «Культура», а с 1995 года – варшавской газеты «Речь Посполита» художественно-публицистический «Дневник, писавшийся ночью».

«Иной мир» Херлинга-Грудзиньского хронологически опередил классические произведения русской «лагерной» прозы — «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова. В книге лагерных воспоминаний автор, по праву считающийся одним из самых «русских» польских писателей, затронул узловую момент русско-польских отношений. Бесчеловечные условия лагеря не вытеснили в нем интереса и симпатии к русскому народу и его культуре. Произведения классиков русского реализма Достоевского, Толстого, Чехова и Тургенева органически присутствуют в прозе польского писателя. Начиная с «Иного мира» в художественное сознание Херлинга-Грудзиньского входит ключевая проблема, тесно связанная с духовными исканиями русской классической литературы, — проблема страдания. Не случайно название кульминационной главы «Иного мира» «Мука за веру» Грудзиньский почерпнул из «Записок из Мертвого дома» Достоевского.

Проблема страдания занимает ведущее место в «итальянских» рассказах-притчах, важнейшие из которых — «Башня» (1957), «Остров» (1959), «Второе пришествие» (1960), «Мост» (1963), «Руины» (1981), «Звон по звонарю» (2000), «Библейский возраст и смерть» (незавершен, опубликован посмертно в 2008 году). В Книге Иова, настольной книге писателя, говорится, что «человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх» (Иов. 5:7). В «библейском» рассказе «Жертвоприношение» (1997), главным героем которого является Авраам, человеческая боль и страдание находятся в «эпицентре» сознания Херлинга. Нетрудно заметить его связь с традицией «последних вопросов» Достоевского (глава «Бунт» романа «Братья Карамазовы»), а в польском литературном контексте — с «Великой импровизацией» Мицкевича (по мнению В. Болецкого, «спор с Богом» в «Жертвоприношении» сопоставим с тем, что Мицкевич вписал в третью часть «Дзядов»). Рассказ Херлинга вызвал неоднозначную и даже критическую реакцию в Польше, прежде всего в католических кругах. Автор стремился сосредоточить внимание на трагических расхождениях гуманистической и теистической, светской и церковной этики. Выступая против религиозного догматизма и фанатизма, огонь которого, по его словам, поглощает «любое еретическое отступничество от истинной веры» [2, с. 116], Херлинг-Грудзиньский все же считал себя христианским по духу писателем: христианство для него прежде всего сопряжено с подвижнической стойкостью первых христиан, их непоколебимой готовностью принять «муку за веру».

Список литературы

1. Херлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки. М., 1991.
2. Херлинг-Грудзиньский Г. Мертвый Христос // Херлинг-Грудзиньский Г. Горячее дыхание пустыни. Белая ночь любви. М., 2000.

Густав Херлинг-Грудзиньский

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Библейская повесть

Положим, что Исаак был действительно принесен в жертву. Авраам верил. Он верил не в то, что будет блажен когда-то в иной жизни, но в то, что здесь, в этом мире, он должен быть счастлив. Бог мог дать ему нового Исаака, вновь вернуть к жизни принесенного в жертву. Он верил силой абсурда; ибо все человеческие расчеты давно уже кончились.

С. Кьеркегор. Страх и трепет

Мы начнем эту библейскую повесть с уничтожения Содома и Гоморры. Авраам ходатайствовал тогда перед Яхве, чтобы Он не уничтожал безбожных городов, если в них найдется хотя бы несколько праведников. Торговался с Яхве; начал пятьюдесятью праведниками, кончил десятью. Яхве склонялся к его просьбам, но Авраам довольствовался десятью. Яхве закончил разговор с Авраамом и замолчал. Авраам подумал: можно ли было спасти безбожные города ради немногочисленных праведников? Видимо, он ответил самому себе «да», но тут же испугался своего ответа, чувствуя на душе осадок горечи. Яхве, спасши только Лота, его жену и двух дочерей, послал на Содом и Гоморру дождь серы и огня. На следующее утро Авраам посмотрел в сторону Содома и Гоморры; он увидел поднимающийся над землей густой дым, будто бы из доменной печи. Долго всматриваясь, он все еще не мог избавиться от зернышка горечи. Неужели это я?.. Авраам не осмелился договорить до конца свое опасение. Склонив голову, он беззвучно зашевелил губами: О, Яхве, Вечный Боже, я всегда буду послушен твоим приговорам.

Внезапно его охватил страх, и сквозь старческую, иссохшую, сморщенную кожу, подобную коре векового дерева, проник трепет.

Авраам поселился тогда между селениями Кадес и Сур. Он жил в большой палатке, по ночам иногда терзаясь бессонницей, лежа рядом с крепко спящей на широком ложе Саррой. За перегородкой спал Елизар, верный слуга. Яхве молчал, как беззвездная ночь. Ночь была полна Его Божественного присутствия, немного присутствия сидящего на горной вершине орла. Если орел проснется, грозно взмахнет крыльями и ринется вниз, то на кого же он рухнет, разрезая воздух в полете? К кому с вершины обратится Яхве со словом, поддерживающим веру и тревогу?

Аврааму было сто лет, Сарре девяносто. Оба помнили обещание Яхве, но Авраама посещали сомнения. Вот смотрел он теперь на Сарру, освещенную на ложе пламенем каганца, видел ее груди, длинные и сухие, как стружки, ее постаревшее лицо, впавший живот, обвисшую кожу, руки и ноги, через которые, казалось, просвечивались кости. Трудно было полностью верить обещанию Яхве. А сам Авраам? Правда, еще крепкий, но высохший и ослабший, как длинный обрубок дерева, пораженного молнией; почтенным видом патриарха он был обязан белой раскидистой бороде, которая была ему по пояс. Когда приходилось, и не раз, прижимать к себе спящую жену, он чувствовал в ней, как и в себе, стремительно набирающий силу поток жизни; в конце они откидывались друг от друга, измученные и будто бы опустошенные, но можно ли было толковать эти объятия как залог Божьего обещания?

В ночном бдении часто появлялись образы двух разрушенных городов, которые Авраам тщетно пытался отогнать. Яхве, Великий и Бессмертный, смилуйся над верным Тебе Авраамом и сотри в прах горчичное зерно, которое зародилось в его сердце при виде Содома и Гоморры. Позволь представлять перед Тобой всегда, на каждый Твой зов, быть готовым к свершению всего, что Ты потребуешь. Вера, безграничная и безусловная вера в Тебя — вот единственный позвоночник старца, лежащего неподвижно под небом, которое Ты усеял звездами. Ни одна из них не осмелится упасть и погаснуть без Твоего соизволения.

Вот что душило Авраама, словно большое, твердое и горькое зерно под языком. (Он не мог его выплюнуть — зерно будто бы росло и прирастало к своему месту, подобно зернышку-близнецу в сердце.) Всемогущий все видит и знает. Было ли возможно, чтобы он не видел того взгляда, уставленного в дым Содома и Гоморры; чтобы Он не знал печали, которая, хоть и гонимая, втиснулась в душу строгого патриарха? Но вдруг он испытал облегчение, когда давно обещанное, долгождан-

ное и нечаянное событие вернуло тень Завета между ним и Яхве. Вздурлся впавший живот Сарры и начал постепенно набухать. Более того — вздурлся именно в день, когда-то указанный в откровении. Рожденному сыну дали имя Исаак. Сарра, стесняясь женщин моложе ее, которые иногда годами ожидали беременности, сказала: «Повод для смеха надо мной дал Бог. Каждый, кто узнает об этом, будет смеяться». И добавляла: «Кто осмелился бы сказать Аврааму: Сарра будет кормить детей; но вот я родила сына, несмотря на возраст свой и мужа». Но говорила так только для отражения злых взглядов и обезоруживания завистников. В действительности она была счастлива, кормя ребенка грудью, полной теперь молока. И Яхве добродушно улыбался, ведь он знал всю правду о ее счастье.

На мгновение успокоенный Авраам должен был вскоре убедиться, что Яхве ничего не забывает. Он вовремя выполнил обещание, даровал жизнь сыну Авраама и Сарры, с высоты любовался красотой, умом, живостью и набожностью Исаака, с удовольствием замечая, что сын с каждым днем все больше и больше любит отца, что он играет в его ногах и время от времени с восхищением поднимает кудрявую головку к бородатому лицу своего Наставника, что старается, когда это нужно, помочь матери. Однако милосердие Бога не ослабило память Бога. Это правда, что Яхве все видит и знает, но правда и то, что Он ни о чем не забывает.

И вот, одаривши столетнего Авраама сыном, Бог, помня о скорбном блеске очей при виде уничтоженных огнем городов, решил подвергнуть его испытанию. И сказал ему: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

После повеления Яхве бессонная ночь Авраама была не просто мучительной, как раньше. Она стала страшной. Горло пересохло, пелена тумана застила старые глаза. Он едва обращал внимание на спящую Сарру, видел только, как она слегка улыбалась во сне той самой улыбкой, которая утонченно играла днем на ее лице, улыбкой материнства. Исаак спал в углу палатки крепким сном расцветающей молодости, а рядом с ним за стенкой Елизар. Обращало на себя внимание, что верный слуга переворачивался с боку на бок и тяжело дышал. В голове Авраама мелькнула мысль, что Елизар что-то знает; может быть, он слышал повеление Яхве, обращенное к его господину? Нет, он не мог этого слышать, поскольку Господь и Авраам говорили друг с другом на божественном языке, непонятном простому смертному.

Авраам упал навзничь, через малое отверстие в крыше палатки прильнул помутневшим взглядом к небу. Должен ли он открыть перед Саррой, Елизаром и Исааком тайну Божественного повеления?

Нет, этого нельзя было делать. Воображение дорисовало ему вопли и плач Сарры, разрывающей на себе одежды, коленопреклоненного Елизара, умоляющим взглядом смотрящего на своего владыку, молоденького Исаака, тихо плачущего, спрятавшего свое личико у изголовья. Нет, этого делать нельзя, повторял он неслышно, набросив простыню на лицо. Если они втроем упадут к моим ногам, если, плача, попытаются отговорить меня от исполнения Божьего приказа, что я им отвечу? Сурово отчитаю или твердым голосом напомним просящим, что человеческий язык бессилен перед божественным? А он, Авраам, вернейший из верных, говорил с Господом только на божественном языке.

Через отверстие проник в палатку еще серый поток света, приближался день.

Когда полностью прояснилось, Авраам встал, оседлал осла и нарубил дров для сожжения жертвы. Он не торопился будить Исаака и звать двух слуг, которые должны были помочь ему. Отвернувшись от спящих в палатке, в углу незаметно он вытащил из тайника длинный нож, подточил его и положил за пазуху толстой льняной рубахи, подпоясанной ремнем. Расстегнутую на груди рубаху он прикрыл широкой и длинной бородой. «Не выпадет нож, — пробормотал про себя, — прилегает к моей груди и поддерживается ремнем». Еще Авраам взял с собой огниво. Только тогда он разбудил Исаака и позвал двух назначенных слуг. Сарра крепко прижала к груди сына. Может быть, она что-то предчувствовала? Мальчик доверчиво смотрел на отца. Елизар попрощался с Авраамом и Исааком низким земным поклоном.

Путешествие длилось полных три дня, все время в гору, иногда с такой крутизной, с такими пропастями по обе стороны тропы, что Авраам время от времени поднимал Исаака и усаживал его на осла прямо перед собой. С тропы срывались камни, и глухое эхо падения подсказывало, насколько глубока была пропасть. Они поднимались вверх медленно и осторожно, овеянные жарким воздухом. По ночам укладывались спать, но холод затруднял сон. Авраам снимал с осла толстое одеяло, подзывал сына, и оба они, обнявшись, укутывались одеялом. Мальчик дрожал от холода и крепко прижимался к отцу. Пыткой для Авраама было сознание, что он раскрывает объятия будущей жертве — своей и Господа.

На четвертый день утром они достигли цели. На одном из взгорий земли Мориа сверкнул и быстро погас свет, что было знаком Яхве. Авраам сказал своим слугам: «Останьтесь тут с ослом, а мы с мальчиком пойдем наверх, чтобы поклониться Богу. Потом мы вернемся к вам». Авраам снял с осла вязанку дров и возложил ее на плечи Исаака. В правой руке он держал огниво, левой рукой прижимал к груди нож.

Восходя на вершину горы, они приостановились, чтобы передохнуть. Исаак набрался смелости и решил спросить: «Отец мой! Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» Авраам отвернулся в сторону пропасти, избегая взгляда сына. И вот он ответил: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». Авраам соорудил жертвенник и положил на нем дрова. Осталось теперь только связать и возложить на жертвенник Исаака. Но вдруг Авраам споткнулся о каменный выступ жертвенника, растянулся во всю длину и выпустил прижатый к груди нож. Нож выскользнул из-за бороды и рубахи, ударился о камень и с возрастающей скоростью стал падать в пропасть, с металлическим звяканьем касаясь торчащих из земли скал. Наконец он упал, не было видно где. Авраам, бледный и дрожащий, крикнул слуге, чтобы тот отыскал нож и принес его наверх. Отец удержал Исаака, который, молодой и ловкий, тоже хотел было бежать на поиски. «Господи, — прошептал Авраам, — неужели именно он должен отыскать и принести оружие своей смерти?» Внизу раздался страшный крик. Тогда побежал второй слуга, после чего, вернувшись, с разрешения Авраама, поднялся на то место горы, где ждал своего часа жертвенник, обложенный дровами. Слуга пал на колени перед Авраамом: «Господин, нож упал в глубокую яму в скале, полную ядовитых змей. Мой товарищ не испугался и полез за ножом. Тогда он был смертельно искусан. Что прикажешь, господин? Должен ли я тоже испытать судьбу?» Авраам, онемевший, отрицательно покачал головой. Лицо его изменилось до неузнаваемости. Он выглядел дико в приступе безумия. Связал Исаака и, прежде чем бросить мальчика на костер, сжал его шею большими жилистыми руками. Мальчик сделался пурпурным от удушающих объятий Авраама, дикого и безумного. Только тогда Яхве воззвал к Аврааму с неба: «Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня». Авраам развязал Исаака, поставил его, шатающегося, на землю, и посадил на осла. Так он возвращался домой в Беер-Шева. Оставшемуся в живых слуге Авраам велел хранить мертвое молчание. Ведя осла покатою тропой, он время от времени бросал взгляд на Исаака. В глазах мальчика отражался страх, неудержимый страх. Аврааму не хватило смелости, чтобы отечески похлопать мальчика ладонью по щеке. Господь опять обратился к Аврааму: «Так как ты сделал сие дело и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я, благословляя, благословлю тебя и, умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря».

Сарра сразу заметила после их возвращения синий обруч на шее и горле Исаака. Когда она, в знак приветствия, обняла его головку, он пискнул от боли. Но оба молчали, отец и сын, или пытались чем-ни-

будь отговориться, отвечая на ее вопросы. Во взгляде Исаака читался только страх. Зато жесток стал взгляд Авраама, суровый и прежде: он не заботился о том, чтобы не ранить супругу, не был способен даже на легкую тень чуткости, которая так утешала ее в прежние годы. Сарра замкнулась в себе, ни о чем не спрашивала, избегала обнимать сына, и в ее движениях появилась какая-то тревога. Будто бы ничего не изменилось, Авраам царствовал на вершине Завета с Господом, Исаак стал красивым, умным и добрым юношей, но иногда сквозь их палатку пробегал холод. «Хотя и подарил мне Яхве сына в преклонные годы, не таким я представляла себе ожидание гроба». Эта мысль становилась все более навязчивой в голове Сарры. Но Бог явно издевался над ней, отдаляя смерть. Сарра умерла на сто двадцать седьмом году жизни, оплаканная Авраамом. Она не увидела, прежде чем закрыла глаза навсегда, того, что так хотела и надеялась увидеть: исчезновения синего обруча на шее и горле Исаака.

Перед Авраамом, прошедшим испытание Яхве, открылся очередной, благословенный свыше отрезок жизни. Похоронив Сарру, он стал думать о женитьбе Исаака.

Женой Исаака была избрана Ревекка из родных мест Авраама. Приведенная Исааку, она полюбила его с первого взгляда. И он ее полюбил. И взял в жены. Они спали на ложе Сарры, на котором был зачат Исаак. Может быть, именно на этом месте Ревекке тайно привилась мысль, что при любовном слиянии и ласках следует остерегаться касания шеи супруга. Когда же это, несмотря на все предосторожности, случилось, он отзывался внезапным одеревенением всего тела.

Каина, убийцу брата своего Авеля, Господь сделал изгнанником и скитальцем по земле. С тех пор, — сказал Богу Каин, — всякий, кто встретится со мною, убьет меня. О, нет! — возразил Яхве — Я дам тебе знамение, чтобы, встретив братоубийцу, никто не посмел лишать тебя жизни. До конца дней своих будешь ты носить знак содеянного тобой зла. Знаком Зла назван этот приговор Господа.

Молва гласит, что незадолго перед смертью Авраам назвал Знаком Веры незаживающий обруч на шее Исаака. Оба эти знака постепенно вобрали в себя мир. И стал таким, каков он есть.

Сентябрь, 1997

Перевод с польского Л. Мальцева

**ОБЗОРЫ,
РЕЦЕНЗИИ**

Почему мир русской культуры немислим без Андрея Рублева? Какова судьба его духовной и художественной традиции в сегодняшней культуре — церковной и светской? А может, для нашего современника вовсе не так уж важен этот удивительный иконописец и его наследие?

А. Дорофеева, А. Юрвичиене

Символическое значение побережья как демаркационной и вместе с тем объединяющей границы стало смысловой доминантой сборников, изданных факультетом филологии и журналистики БФУ им. И. Канта. Связанные общим названием «Побережье», они образуют своеобразный диптих, посвященный образовательным и культурным связям России с Литвой и Польшей.

А. Черняков, Т. Цвигун

*Людмила Дорофеева
(Калининград)*

*Лариса Юрвичиене
(Клайпеда, Литва)*

АНДРЕЙ РУБЛЕВ И МИР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Есть имена, важные для мировой и отечественной культуры, которые значимы для людей самых разных взглядов, убеждений и идеологий. Высота имени Андрея Рублева — святого, иконописца, создателя непревзойденной «Троицы» — непререкаема и недостижима. Он известен, наверное, каждому в нашем Отечестве и всему культурному миру.

Благодаря чему? Что этот человек дал России и миру? В чем заключается тайна его творчества, его иконы «Троица», перед которой в благоговении замирает душа любого, кто ищет истинную красоту? Почему и имя иконописца, и созданные им творения стали символом России? Почему мир русской культуры немислим без Андрея Рублева? Какова судьба его духовной и художественной традиции в сегодняшней культуре — церковной и светской? А может, для нашего современника вовсе не так уж важен этот удивительный иконописец и его наследие?

Осмыслить творчество преподобного Андрея Рублева и его судьбы в русской культуре, место современной иконопи-

си в рублевской традиции и многие другие проблемы ученые из России и ряда зарубежных стран собрались на Международной научной конференции «Андрей Рублев и мир русской культуры: к 650-летию со дня рождения», которая прошла 17–19 октября 2010 года в Калининграде, а 20–22 октября – в Клайпеде и Вильнюсе (Литва).

Основными организаторами конференции выступили Балтийский федеральный университет им. И. Канта и Калининградская епархия Русской православной церкви при финансовой поддержке фонда «Русский мир». Но такой общественный размах, который приобрел этот форум, вряд ли был бы возможен, если бы не участие в конференции целого ряда российских и зарубежных структур – министерства культуры Калининградской области, Вильнюсской епархии, Клайпедской школы им. Андрея Рублева, Клайпедского университета, Генерального консульства России в Клайпеде, Калининградской региональной общественной организации «Кирилло-Мефодиевский центр», Общества христианского просвещения Литвы «Слово», Православного братства Литвы и Общественной организации «Академический русский клуб» (г. Загреб, Хорватия). Помимо этого в процессе организации конференции к участию в ней подключились Калининградский областной институт развития образования (КОИРО) и КРОО

«Учебно-методический центр им. С. А. Рачинского». Такое объединение объясняет широту и многоплановость направлений деятельности конференции, а также разнообразие привлеченных форм работы.

На торжественном открытии конференции 17 октября в конференц-зале храма Христа Спасителя с приветственным словом выступили епископ Серафим, викарий Балтийский, и министр культуры Калининградской области С. А. Кондратьева. От имени ректора БФУ им. И. Канта А. П. Клемешева конференцию приветствовала директор Института русского языка и культуры Н. Г. Бабенко. С пожеланиями плодотворной работы к участникам форума обратились генеральный консул Литовской Республики в Калининграде Вацлав Станкевич и директор Клайпедской школы им. Андрея Рублева протоиерей Владимир Артамонов.

Далее в епархии началась работа рублевских чтений «Канон и современное церковное искусство», которые сопровождались экспозициями выставки «Современная иконопись и храмостроительство». Калининградская епархия подготовила для нее выставку фотографий «Современное церковное искусство Калининградской области», свою фотоэкспозицию «Иконописцы Литвы» представила Вильнюсская епархия. Калининградский областной историко-художественный музей продемонстрировал три иконы, которые в недавнее время отреставрировала доктор искусствоведения, профессор БФУ им. И. Канта Н. В. Шамардина. Иконописная мастерская во имя преподобного Алипия Печерского (руководитель Т. В. Трубникова) привезла из Москвы свою выставку икон и фотографий, крайне интересных, с новаторскими решениями, которые даже стали предметом отдельного обсуждения на конференции. Московская творческая архитектурная мастерская «Дабор» (директор Д. А. Борунов) предложила вниманию докладчиков и гостей конференции выставку фотографий храмов, построенных по проектам этой мастерской. И наконец, Клайпедская школа им. Андрея Рублева порадовала всех чудной выставкой детского рисунка «Икона и иконописец в творчестве детей. Из фондов международного конкурса "Славянский родник"».

В рамках чтений вниманию широкой аудитории — священникам и иконописцам Калининградской области, учащимся художественного колледжа, педагогам, студентам — были представлены доклады ведущих ученых: филолога В. В. Лепяхина (Сегед, Венгрия), искусствоведов и реставраторов В. С. Куткового (Великий Новгород) и Н. В. Шамариной (Калининград), архитектора Д. А. Борунова (Москва), зав. кафедрой христианской культуры Библейско-богословского института св. апостола Андрея И. К. Языковой (Москва).

В следующие два дня — 18–19 октября — в БФУ им. И. Канга проходили пленарные заседания конференции, на которых прозвучали доклады участников из Литвы, Хорватии, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Великого Новгорода и, конечно, Калининграда — искусствоведов, филологов, историков, культурологов, богословов. Содержание этих докладов касалось вопросов иконографии Андрея Рублева, символики его иконы «Троица» и направлений современного иконописания, православного контекста русской культуры, судеб духовной традиции в литературе, проблем сохранения русской идентичности в культуре русского зарубежья и т. д. А в фойе административного корпуса университета в это время работала выставка, представившая экспозицию Калининградской епархии «Современное церковное искусство Калининградской области» и часть экспозиции, привезенной Иконописной мастерской во имя преподобного Алипия Печерского (Москва), на материале которой кандидатом культурологи, искусствоведом И. К. Языковой (Москва) и доктором филологических наук Е. А. Гаричевой (Великий Новгород) были проведены открытые лекции для студентов университета.

Девятнадцатого октября, по окончании пленарного заседания, конференция продолжила свою работу в монастыре в честь иконы Божьей Матери «Державная» в пос. Изобильном, где ее участники познакомились с иконописными работами и мозаикой известного калининградского художника Игоря Чередникова и провели круглый стол.

Нужно сказать, что одновременно с научной частью конференции велась педагогическая работа, не менее насыщенная и важная. В течение двух дней, 18 и 19 октября, в помещении православной гимназии г. Калининграда проходил педагогический семинар «Духовно-нравственный аспект современного образования и воспитания» под руководством специалистов из Вологды — директора учебного центра «Истоки» Е. Я. Смирновой и старшего преподавателя кафедры истоковедения Вологодского института развития образования М. Ю. Дудкиной. Также в стенах КОИРО прошел круглый стол «Опыт преподавания основ религиозных культур и светской этики в образовательных учреждениях Литовской Республики и регионах Северо-Западного ФО России».

Помимо интересных докладов конференция включала богатую культурную программу: 17 октября прошел концерт симфонической музыки в исполнении московского трио «Классика-камерата», а 18 октября семейное трио Захаровых из Санкт-Петербурга представило

участникам и гостям конференции неповторимую литературно-музыкальную композицию «Метель» по мотивам произведений А. С. Пушкина. Если прибавить к этому экскурсии по историческим местам, по храмам Калининграда и Светлогорска, краски и звуки Балтики, прекрасную погоду и много-много света, то несложно представить себе светлый образ конференции, осененной именем и творчеством великого Андрея Рублева.

Далее конференция продолжила свою работу в Клайпеде, в школе им. Андрея Рублева, где уже для литовских слушателей прозвучали доклады, посвященные творческому и духовному наследию иконописца. Темы докладов касались особенностей богословия иконы и ее изобразительного языка, бытовых и церковных традиций иконопочитания, восприятия русской иконы глазами русских и иностранцев, вопросов новой иконографии, преломления христианских идей в произведениях классической русской литературы, проблемы русского рассеяния в контексте христианской духовности.

Учителя и воспитанники клайпедской школы приняли живое и деятельное участие в этом большом празднике: их силами был подготовлен детский спектакль «Храмов дивный украститель...», посвященный святому преподобному Андрею Рублеву, и выставка детского рисунка «Икона и иконописец в творчестве детей» из фондов международного конкурса «Славянский родник».

Для учителей, студентов и учащихся Клайпеды в гимназии «Жалякальнё» учеными из Великого Новгорода были прочитаны публичные лекции «Духовные искания в творчестве поэтов Серебряного века» и «Образ святой Руси в искусстве древнего Новгорода». А в Центре славистики Клайпедского университета, где участники конференции встретились за круглым столом с преподавателями и деканом филологического факультета, состоялся заинтересованный разговор о проблеме иконы и иконичности в русской словесности.

Знакомство с культурой, историей и святынями литовской земли продолжилось в Вильнюсе, где в школе им. А. Пушкина в рамках конференции состоялся семинар «Христианские мотивы в русской литературе». В. В. Лепяхин познакомил учителей со своими исследованиями об иконе в жизни и творчестве А. С. Пушкина, Л. Г. Дорофеева представила курс духовно-нравственного воспитания «Живое слово», а А. П. Фурсов рассказал литовским педагогам о журнале «Духовно-нравственное воспитание», приоткрыв дверь в его творческую лабораторию. По окончании лекций прошел круглый стол «Иконописный канон и традиция русской культуры» под руководством В. В. Лепяхина.

Работа конференции в Литве также сопровождалась экскурсиями по храмам Клайпеды, Паланги, Вильнюса и Вильнюсской области (православная община «Михново»). Творчество современных иконописцев и мастеров по созданию иконостасов стало предметом обсуждения на специальном круглом столе.

Участники октябрьской конференции были единодушны в оценке ее итогов: высокий научный уровень, хорошая организация, интересная и насыщенная культурная программа, а главное — встречи, которые запоминаются надолго и имеют своим результатом перспективы продуктивного профессионального сотрудничества и содержательного культурного диалога. Многими было поддержано мнение, что Рублевские чтения могли бы объединить Балтийский регион и привлечь русские диаспоры Европы, дать возможность общения всем, кто интересуется вопросами духовности в образовании, искусстве, словесности и культуре.

*Алексей Черняков, Татьяна Цвигун
(Калининград)*

«ПОБЕРЕЖЬЕ»: ДВЕ РЕПЛИКИ В КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

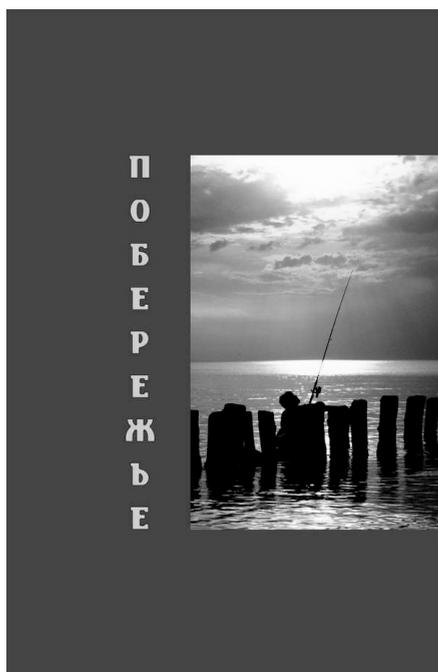
Среди границ, окружающих Калининградскую область, есть одна, имеющая для нашего края совершенно особое значение. Эта граница — береговая линия Балтики. Разделяя твердь и море, побережье одновременно связывает Россию с ее ближайшими соседями — Литвой и Польшей. А близость географическая, как известно, всегда предполагает диалог в экономике, политике и, конечно, культуре.

Это символическое значение побережья как демаркационной и вместе с тем объединяющей границы стало смысловой доминантой сборников под редакцией В.И. Грешных, изданных в БФУ им. И. Канта в 2008 и 2010 годах при финансовой поддержке фонда «Русский мир» (гранты №062Гр/233-08 и 386Гр/П-185-10). Связанные общим названием, эти сборники образуют своеобразный диптих, посвященный образовательным и культурным связям России с Литвой (*Побережье: русско-литовские образовательные и культурные связи. Калининград, 2008; далее П-2008*) и Польшей (*Побережье: русско-польские образователь-*

ные и культурные связи. Калининград, 2010; далее П-2010). Представляется вполне закономерным, что «литовское» и «польское» «Побережья» реализуют единые принципы тематического отбора материала и отражают друг друга в своем содержании — это тоже одна из возможностей подчеркнуть, что традиционный диалог культур, ведущийся на этом пространстве, касается общих вопросов и имеет множество взаимопересекающихся линий.

Подготовленные университетскими филологами тематические сборники открывает раздел **«Уроки словесности»**. Образовательные программы, связанные с обучением студентов литовскому и польскому языкам, имеют в БФУ им. И. Канта свою традицию, пусть пока не очень долгую, но уже позволяющую подвести первые итоги. Истории и современному состоянию этого вопроса посвящены обзорные статьи Л. Колобковой «Литвуанистика в РГУ им. И. Канта: первые шаги, первые успехи» (П-2008) и «Полонистика в Российском государственном университете им. Иммануила Канта: опыт первого десятилетия» (П-2010). Дидактическую тему развивают материалы Г. Кундротаса и Т. Чечет «Славистика в

Вильнюсском педагогическом университете», А. Бартникаса «О Калининградской ассоциации учителей литовского языка» (П-2008) и М. Грабской "Rusycystyka na Wybrzeżu: Historia, ludzie, myśl" (П-2010). Аналитическое исследование плодотворного сотрудничества калининградских и ольштынских филологов, уже давно перешедшего из профессиональных в тесные дружеские отношения, предложено в статье С. Ваулиной (П-2010). Авторы «Побережья» не обошли вниманием такие значимые для нашего университета образовательные проекты, как «Русский диктант» (статья Ю. Рожкова-Юрьевского в П-2010) и методический семинар для литовских учителей-русистов, прошедший в октябре 2008 года (материал И. Лукьяненко в П-2008). В «польском» выпуске «Побережья» раздел «Уроки словесности» закрывает статья историка и культуролога М. Вакара о деятельности Центра научных исследований им. В. Кентшиньского в Ольштыне, еще одного давнего научного партнера БФУ им. И. Канта.

Раздел **«Перекрестки культур»** в каждом из «Побережий» объединяет статьи по самой широкой культурной проблематике — литературно-издательским и культурно-просветительским проектам, вопросам философского наследия, литературоведческие и культурологические исследования и др. Вне всякого сомнения, читателям первого выпуска будет интересно узнать о дискуссиях, развернувшихся в конце 1920-х годов в Литве вокруг личности русского философа Льва Карсавина (статья *В. Повилайтиса*), и о многообразии фольклорных традиций в Калининградской области (материал *Л. Рубцовой*), познакомиться с историей литературного фестиваля «СLOWWWO», изложенной его инициатором и организатором, поэтом и культуртрегером *П. Насиным*, и с рассуждениями известного калининградского прозаика *О. Глушкина* о роли литературы в гуманитарном диалоге. В «польском» «Побережье» этот тематический блок включает обзор *В. Андрейчук* «"Польская" тема в русском журнале» (он посвящен калининградскому научному журналу «Балтийский филологический курьер»), исследования наших олыштынских коллег *М. Якуевича* и *Т. Матуевича* о рецепции пушкинской драматургии в польском театре и о витиеватых поворотах культурной судьбы песни «Синенький скромный платочек...», а также представление издательского проекта «Русские в Польше». В этом выпуске гуманитарная проблематика развивается статьей *Л. Мальцева* «Категории катастрофического и эсхатологического в творчестве Н.А. Бердяева и Г. Херлинга-Грудзиньского» в разделе **«Философские этюды»**.

Одна из важнейших составляющих культурного диалога между нашими странами объединяет аспекты духовной жизни, которым посвящен раздел **«Духовные маяки»**. Нельзя не признать, что религиозная проблематика традиционно относится к числу весьма неоднозначных и сложных для русско-литовского и русско-польского обсуждения. Но, как показывают статьи *Д. Осипова* о судьбах православных приходов в Литве («Корабль спасения у янтарного моря», П-2008) и Польше («Калининград и Белосток: приходы-побратимы», П-2010), даже в этих вопросах всегда находится верное решение, если подходить к ним с позиций не конфронтации или сведения исторических счетов, а добрососедства и подлинно религиозного взаимопонимания. Не менее интересно осмысление этой темы в эссе «Россия — религиозное пространство» *А. Юозайтиса*, фрагменты которого опубликованы в «литовском» выпуске «Побережья». В рассуждениях современного вильнюсского философа и писателя об исторических и современных перипетиях духовной жизни России русскоязычный читатель, не-

сомненно, найдет много такого, что позволит по-новому взглянуть на вопросы, ранее казавшиеся вполне привычными и очевидными.

Наконец, last but not least крупный тематический блок, занимающий почти половину «литовского» «Побережья» и больше трети «польского», — **"Bilingua"**. Что такое билингвальность, двуязычие для составителей «Побережий»? С одной — самой очевидной — стороны, это скольжение между двумя языками, когда мы имеем дело с переводной художественной литературой. Однако в более широкой перспективе билингвизм, конечно же, предопределяет растождествление или совпадение языков культур, языков эстетических кодов. Идет ли в этом случае речь о русско-литовских, русско-польских или литовско-русских, польско-русских переводах, для читателя существуют два языка, которые в переводе сливаются в один — уникальный язык данного художественного текста. И представленные в обоих выпусках произведения демонстрируют это со всей очевидностью.

Идея включить в «Побережье» билингвальный материал исходно была связана с представлением на страницах «литовского» выпуска двуязычного литературного альманаха «Параллели», который издавался совместной калининградско-клайпедской редакцией в 2007 — 2009 годах. Однако впоследствии этот принцип приобрел более масштабное звучание, и во втором выпуске на русском и польском языках приведены уже не только оригинальные и переводные художественные тексты, но и обзорно-исследовательские материалы. Это осознанная и, как нам кажется, вполне оправданная издательская установка, которая призвана еще раз подчеркнуть принципиальное равенство языков тех стран, о культурном и образовательном диалоге которых мы говорим, а следовательно, и адресованность второго «Побережья» как русско-, так и польскоязычному читателю.

Вернемся к художественной части «Побережья». В «литовском» выпуске она включает, помимо уже упомянутого представления альманаха «Параллели» (проза калининградца А. Попова и поэзия Е. Карнаушкайте из Паланги), также обширную подборку собственно переводов — современной прозы Клайпедского края, выполненных *Clandestinus'om* (С. Исаевым)¹, и стихотворений Г. Граяускаса (переводчик — калининградский поэт С. Михайлов). Идею билингвизма, но уже в ее

---

¹ Работа над первым «Побережьем» предоставила нам возможность более близкого знакомства с С. Исаевым и сотрудничества с поэтом в его работе над новым переводом поэмы К. Донелайтиса «Времена года». Фрагменты этого еще не опубликованного перевода представлены в № 1–2 журнала «Слово. ру: балтийский акцент». — А. Ч., Т. Ц.

широком смысле, как «двуязычия» словесных и визуальных кодов, поддерживает публикация серии коллажей А. Тозики "Presence", созданных автором во время клайпедского фестиваля «Весна поэзии» 2005 года. В «польском» выпуске вниманию читателей предложены переводы признанных мэтров польской литературы Я. Твардовского (переводчик – профессор БФУ им. И. Канта *Р. Алимтиева*) и З. Херберта (перевод выполнен *С. Михайловым*). Кроме того, в двух своих поэтических ипостасях – как автор переведенных на польский язык стихов и как переводчик новейшей польской поэзии – здесь выступает калининградец *И. Белов*.

На факультете филологии и журналистики БФУ им. И. Канта уже стало доброй традицией дарить «Побережье» нашим гостям – студентам и коллегам-преподавателям не только из Литвы и Польши, но и из других российских регионов, и из ближнего и дальнего зарубежья. Отрадно признать, что этот сборник, «небольшой сколок с общей картины развития образовательных и культурных связей между странами-соседями» (*В. Грешных*), уже нашел и продолжает находить своего заинтересованного читателя.

SUMMARY

The **Feature** of this issue of *Slovo. ru: the Baltic Accent* is the collected proceedings from an open debate held on April 1st, 2011 at Immanuel Kant Baltic Federal University. The debate, *The Present and the Future of Cross-Cultural Dialogue in the Baltic Sea States: The Russian Factor*, gathered politicians, people of art, journalists from Russia, Lithuania, Latvia and Estonia. In his opening remarks, the Rector of IKBFU, professor Andrey Klemeshev, underlined the importance of the event and said, that *Slovo. ru: The Baltic Accent*, 'will probably become a common ground for the dialogue between Kaliningrad, Russian, and Baltic participants – for all those, who share the *Baltic accent*'.

An invitation to further debate is presented in the chapter **Society: Tracing Current Discussions**. There, in his article 'Starcrossed', professor Vladimir Gilmanov argues about the specific spiritual and moral role that Kaliningrad plays in the dialogue between Russia and Europe. The chapter also takes a stock of the Riga almanac, *Russkii Mir i Latvija*. In their article, the almanac's scholars, Sergey Mazur and Alexey Romanov, analyze the two stages of its research endeavors: "Russian Culture outside Russia: Latvian Take" (2007), and "The Three Ages of Russian Culture in Latvia" (2009). The chapter is concluded by the reflections of philology students on the subject of the 21st century.

The issue is continued with the reflections of a different kind – this time, linguistic. They become the dominant topic of the next, chapter, **Language: The Pulse of Time**. Here, Tatiana Shkapenko writes about A.S. Shishkov, his research, his love to his motherland and his mother tongue. Natalia Babenko concentrates on 'glamour' and analyzes both the borrowed word and its semantics in the borrowing language (Russian).

In the chapter **The Signs of History** we collected materials on a broad range of topics. Ilya Dementiev speculates about the literacy of Russian fictional characters (Could they have read Alexis de Tocqueville?, he asks). Vladimir Baryshnikov makes a take on the debated issues of the beginning of the Great Patriotic War in the North-West of the USSR and the falsification of historical facts by certain researchers. The concluding material of this chapter thus follows logically. In his interview to the journal, Igor Danilevsky, Ph. D., professor of Higher School of Economics, and a prominent historian, presents his views on the hottest issues of contemporary research: from falsification of the documents to problems of teaching history in present-day Russia.

The history and poetics of Russian literature of the 19th-20th centuries are the focus of the next chapter, **The Art of Letters**. The researchers here display quite a variety of interests and preferences: Olga Pavlyak analyzes the biography of Anton Delvig, the 'priest-poet'; while Stanislav Sviridov turns to 'blatnaya pesnya' – an underappreciated genre of urban folklore.

In the following chapter, **Icons**, Valerij Lepakhin publishes the final installment of his research of iconographic motifs in 19th century Russian literature.

A certain historical turn of this issue is visually supported in **Documents of Time**: now, the chapter is dedicated to the collection of postcards assembled by Andrey Makeyev. They collection traces both individual lives of senders and receivers, and the collective reality of historical Russia – all neatly arranged on 9 cm by 14 cm cards.

History, philosophy and cultural studies are the main topics of the next two chapters of *Slovo. ru*: **Notes of Philosophy** and **Russians in Königsberg**. Tatiana Schedrina writes about friendship and creative dialogue of Gustav Shpet and Jurgis Baltrušaitis, while Anatoly Lyskov publishes the final installment of his research of a Russian philosopher N. A. Arsenyev (the focus of this article is professor Arsenyev's life in Königsberg).

In **Origins**, we publish an Old Russian story, "The Tale of Frol Skobeyev". Professor Vladimir Greshnykh argues, that the main event and character of this story is the language: it bears the signs of the period, the color of time and the characteristics of the heroes.

The chapter **Along the Coast** is dedicated to the work of a Polish writer, Gustav Herling-Grudziński. Leonid Maltsev argues that the central topic of Herling's narratives since 1950-s is that of 'suffering', and presents his own translation of Herling's 'biblical' short story, "Sacrifice" (first published in Polish in 1997).

The authors of the concluding chapter, **Reviews**, share their experiences of the international tri-city conference, "Andrei Rublev and the World of Russian Culture", that took place in Kaliningrad, Klaipeda and Vilnius on October 17–22, 2010 (Ludmila Dorofeyeva, Larisa Jureviciene); and inform about the newest publishing project of IKBFU, "The Coast" (Alexei Chernyakov, Tatiana Tzvigun). The two first issues of "The Coast" are dedicated to different aspects of Russian-Lithuanian and Russian-Polish educational and cultural dialogue.

Об авторах

Бабенко Наталья Григорьевна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего и русского языкознания БФУ им. И. Канта (Калининград), banagr@rambler.ru

Барышников Владимир Николаевич – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории нового и новейшего времени СПбГУ (Санкт-Петербург), novist@yandex.ru

Гильманов Владимир Хамитович – д-р. филол. наук, профессор кафедры зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), gilmanov.wladimir@rambler.ru

Грешных Владимир Иванович – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), greshnykh@ya.ru

Данилевский Игорь Николаевич – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва), viddanin@mail.ru

Дементьев Илья Олегович – канд. ист. наук., доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений БФУ им. И. Канта (Калининград), idementi@mail.ru

Дорофеева Людмила Григорьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы БФУ им. И. Канта (Калининград), lgdorofeeva@mail.ru

Лемешевский Владимир Вадимович – студент исторического факультета БФУ им. И. Канта (Калининград), vlemeshevsky@ya.ru

Лепяхин Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия), lepahin@mail.ru

Лысков Анатолий Павлович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии БФУ им. И. Канта (Калининград), ALyskov@kantiana.ru

Малащенко Владимир Владимирович — канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), vladmalkbg@yandex.ru

Мальцев Леонид Алексеевич — канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), lamaltsev23@mail.ru

Мазур Сергей Александрович — преподаватель истории, редактор альманаха «Русский мир и Латвия» общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS (Рига, Латвия), mazur.sergej@gmail.com

Павляк Ольга Николаевна — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы БФУ им. И. Канта (Калининград), ravlyakon@rambler.ru

Романов Алексей Николаевич — редактор альманаха «Русский мир и Латвия» общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS (Рига, Латвия), anromanov@inbox.lv

Свиридов Станислав Витальевич — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы БФУ им. И. Канта (Калининград), textman@yandex.ru

Шкапенко Татьяна Михайловна — канд. филол. наук, доцент кафедры славянских и классических языков БФУ им. И. Канта (Калининград), shkarpenko_pavel@mail.ru

Щедрина Татьяна Геннадьевна — д-р филос. наук, профессор кафедры философии МПГУ (Москва), tannirra@mail.ru

Юрвичиене Лариса Арнольдовна — учитель-методист религии Клайпедской основной школы им. Андрея Рублева (Клайпеда, Литва), chefelaj@gmail.com

Цвигун Татьяна Валентиновна — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы, директор научно-образовательного центра «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта (Калининград), t_cvigun@mail.ru

Черняков Алексей Николаевич — канд. филол. наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, директор библиотеки БФУ им. И. Канта (Калининград), a_chernyakov@mail.ru

About authors

Babenko Natalia Grigorievna – doctor of philology, professor, head of department of General and Russian Linguistics of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), banagr@rambler.ru

Baryshnikov Vladimir Nikolayevich – doctor of history, professor, head of department of Modern and Current History of Saint Petersburg State University (St Petersburg), novist@yandex.ru

Gilmanov Vladimir Khamitovitch – doctor of philology, professor of the department of Foreign Philology of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), gilmanov.wladimir@rambler.ru

Greshnykh Vladimir Ivanovich – doctor of philology, professor, head of the department of Foreign Philology of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), greshnykh@ya.ru

Danilevsky Igor Nikolayevich – doctor of history, professor, head of the department of the History of Ideas and Methods of Historical Research of the Faculty of History of Higher School of Economics (Moscow), viddanin@mail.ru

Dementiev Ilya Olegovich – Ph.D. (history), associate professor of the department of Foreign History and International Relations, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), idementi@mail.ru

Dorofeyeva Ludmila Grigoryevna – Ph.D. (philology), associate professor of the department of the History of Russian Literature of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), lgdorofeeva@mail.ru

Lemeshevsky Vladimir Vadimovich – student of the faculty of history of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), vlemeshevsky@ya.ru

Lepakhin Valery Vladimirovich – doctor of philology, professor of the Russian Philology department of Szeged University (Szeged, Hungary), lepahin@mail.ru

Lyskov Anatoly Pavlovich – doctor of philosophy, professor of the Philosophy department of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), ALyskov@kantiana.ru

Malashenko Vladimir Vladimirovich – Ph.D. (philology), associate professor of the department of Foreign Philology of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), vladmalkbg@yandex.ru

Maltzev Leonid Alekseyevich – doctor of philology, professor of the Foreign Philology department of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), lamaltsev23@mail.ru

Mazur Sergey Aleksandrovich – teacher of history, co-editor of *Russkii Mir i Latvija*, published by SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS (Riga, Latvia), mazur.sergej@gmail.com

Pavlyak Olga Nikolayevna – Ph.D. (philology), associate professor of the department of the History of Russian Literature of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), pavlyakon@rambler.ru

Romanov Alexei Nikolayevich – co-editor of *Russkii Mir i Latvija*, published by SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS (Riga, Latvia), anromanov@inbox.lv

Sviridov Stanislav Vitalievich – Ph.D. (philology), associate professor of the department of the History of Russian Literature of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), textman@yandex.ru

Shkapenko Tatiana Mikhailovna – Ph.D. (history), associate professor of the department of Slavic and Classic Languages of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), shkapenko_pavel@mail.ru

Schedrina Tatiana Gennadievna – doctor of philosophy, professor of the department of Philosophy of Moscow State Pedagogical University (Moscow), tannirra@mail.ru

Jureviciene Larisa Arnoldovna – teacher, methodologist of Andrei Rublev School in Klaipeda (Klaipeda, Lithuania), chefelalj@gmail.com

Tzvigun Tatiana Valentinovna – Ph.D. (philology), associate professor of the department of the History of Russian Literature, director of the Russian Baltics research center at Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), t_cvigun@mail.ru

Chernyakov Alexei Nikolayevich – Ph.D. (philology), associate professor of the department of General and Russian Linguistics, head of the university library of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), a_chernyakov@mail.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2011

№ 1 – 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 26.04.2011 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 20,1. Уч.-изд. л. 16,4
Тираж 1000 экз. Заказ 130

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14